

Следопыт

4 '85

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

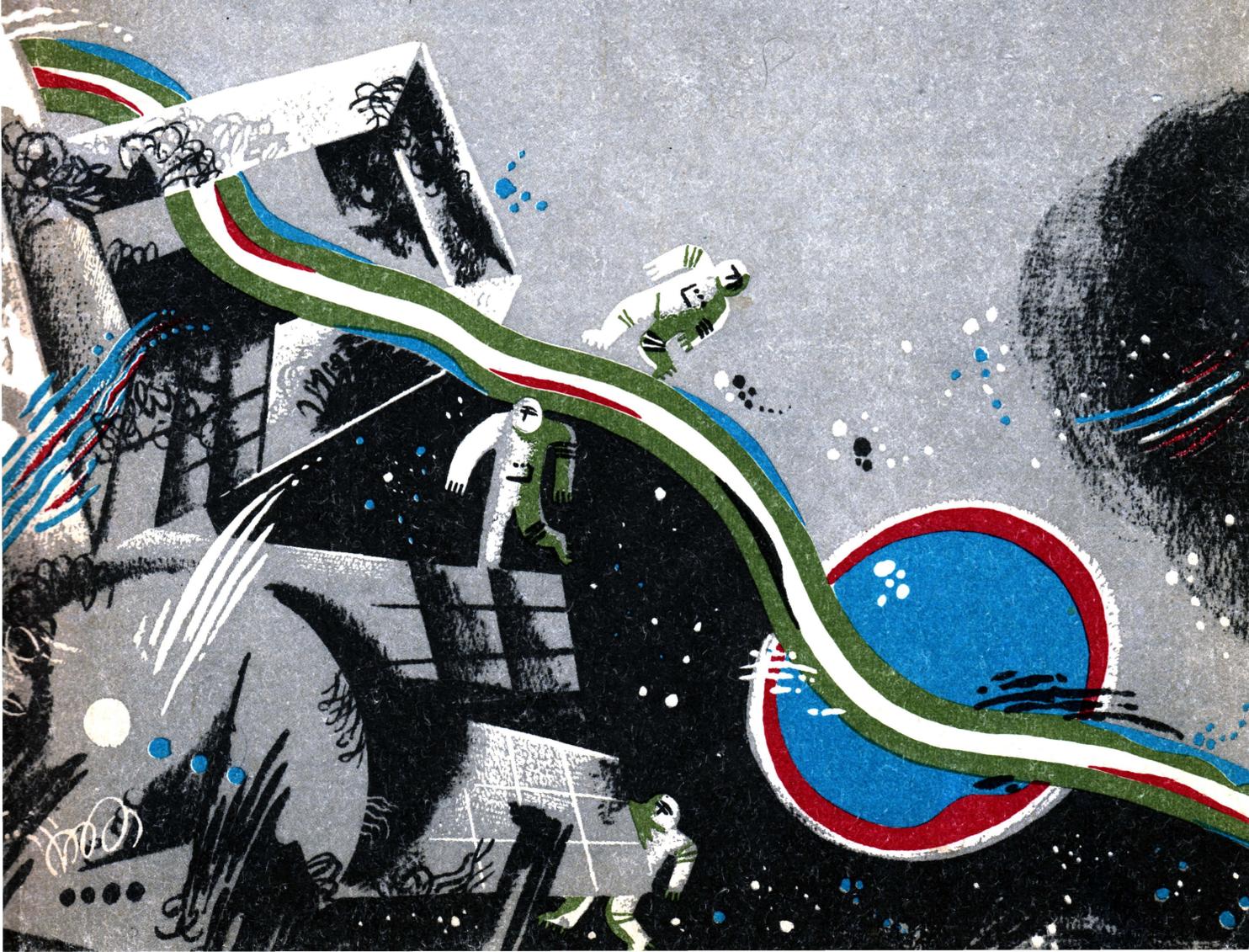
Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубокой скорбью извещают партию и весь советский народ, что 10 марта 1985 года в 19 час. 20 мин. после тяжелой болезни скончался Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Президиума

Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко.

Имя Константина Устиновича Черненко — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, стойкого борца за идеалы коммунизма, за мир — навсегда сохранится в сердцах советских людей, всего прогрессивного человечества.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

11 марта 1985 года состоялась внеочередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС т. Горбачев М. С.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко участники Пленума почтили память Константина Устиновича Черненко минутой скорбного молчания.

Пленум отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца была отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС.

Много внимания уделял Константин Устинович Черненко последовательному проведению курса на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния и культуры советского народа, на дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы, укрепление дисциплины, законности и порядка.

Большой вклад внес Константин Устинович Черненко в дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма, осуществление социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического содружества. Под его руководством твердо и последовательно проводились в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем, давался решительный отпор агрессивным замыслам империализма, велась неустанная борьба за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство нашей Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального Комитета и его Политбюро. Он всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплоченный, слаженный и боевой организм. В единстве мыслей и дел коммунистов видел он залог всех наших успехов, преодоление недостатков, залог поступательного движения вперед.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплавляются вокруг Центрального Комитета партии и его Политбюро. В партии советские люди с полным основанием видят руководящую и направляющую силу общества и полны решимости беззаветно бороться за реализацию ленинской внутренней и внешней политики КПСС.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро с речью по этому вопросу выступил член Политбюро тов. Громыко А. А. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Горбачева М. С.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единодушно избрал тов. Горбачева М. С.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С. Он выразил глубокую признательность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом КПСС, отметил, что очень хорошо понимает, сколь велика связанная с этим ответственность.

Тов. Горбачев М. С. заверил Центральный Комитет КПСС, что он приложит все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу, чтобы неуклонно осуществлялись программные установки КПСС, обеспечивалась преемственность в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, чтобы настойчиво воплощалась в жизнь ленинская внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

4 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА
СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель
главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий
отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий
отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

Редакция:

Ю. Борисихин,
заведующий отделом
публицистики
В. Бугров,
редактор отдела
научной фантастики
Л. Будрина,
технический редактор
М. Бурангулова,
корректор
Л. Гончарова,
секретарь-машинистка
А. Кононова,
заведующая редакцией
и отделом писем
Ю. Липатников,
заведующий отделом
науки и техники
Е. Пинаев,
художественный редактор
Н. Широкова,
редактор отдела
слепопытской жизни

На 1-й стр. обложки —
рис. Ю. Филоненко

ОПЯТЬ В ДУШЕ ОТОЗВАЛИСЬ...

**Василий
ТУЛИН**

Заря над лесом даль размыла,
В росе искрится на лугу.
Такое не было иль было,
Никак припомнить не могу.
Была ли тишь еще такая,
Осинок розовая дрожь?
Зерном стояла ль налитая,
Склонившись у дороги, рожь?
Не помню, был когда иль не был
Грузовичок, что мчит пыля?
Но помнится пожар в полнеба
И прокопченная заря;
И чей-то дом, дотла спаленный,
Труба, нацеленная ввысь.
И чьи-то всхлипы, чьи-то стоны
Опять в душе отозвались.
И хочется упасть на землю,
Прикрыв ее от зла и бед.
Ах, как березы тихо дремлют,
Какой прозрачный льется свет.

**Александр
КЕРДАН**

СТУДЕНТЫ 41-ГО ГОДА

В. Т. Станцеву

Не знали бритвы ваши лица.
Из института — прямо в бой.
Вы шли по улицам столицы,
Чтобы закрыть ее собой.
...А у войны свои законы:
Не смотрит, старый иль юнец.
Вы получали не дипломы,
На грудь — медали,
В грудь — свинец!
Учили вас не кандидаты,
Доценты и профессора,
Учили старые солдаты,
В строй возвращали доктора.
Не всех, конечно, возвращали...
Стоят средь мирной тишины
Гранитные — на пьедестале —
Студенты вечные войны.

**Федор
АРХИПОВ**

МЫ ПОМНИМ

Завершив небывало тяжкий
Самый славный на свете марш,
Мы с ремней снимали
фляжки
И глотнули за праздник наш.
А потом автоматы подняли
И — салютом в небесный свод.
Все мы вынесли, все
запомнили,
Цепко прошлое в нас живет.
И наверное, это
к лучшему...
Ведь забытое — словно брошено.
Разве можно идти в
грядущее,
Не осмыслив глубоко
прошлое?..
Вновь под черным
фашистским знаменем
Собираются звери дюжие...
И нельзя нам с короткой
памятью,
Как защитникам — без оружия.

**Василий
НИКОЛАЕВ**

**МЕДСАНБАТ
В ОКРУЖЕНИИ**

В большой палатке медсанбата,
Друг перед другом на виду,
Плечом к плечу лежат солдаты,
Встречая муку и беду.
Метнулся кто-то, кто-то ахнул,
Сорвался голос и угас.
Сестра роняет гильзы ампул,
Истратив свой боезапас.
Вдохнул солдат в подушку горько —
Что толку в жалобе немой?
С подушки этой, как с пригорка,
Бежал, летел бы он домой...
Сестра качает головой:
— Лежи спокойно. Все в порядке.
Куда ты рвешься без оглядки —
В лесу огонь, повсюду бой...

И этот бой — не стороной:
Ударил громом переметным,
Огнем ужалил пулеметным,
И в обороне круговой
Придется встать живым и мертвым —
Пойти в атаку, не домой.

**Виктор
СУВОРОВ**

БЫКИ

Старшему брату Анатолию

Сквозь жар степной, косматый,
Сквозь чахлые лески
С рогами, как ухваты,
Шли медленно быки.
Был путь тяжел и долог.
Как им хватало сил?!
Война. Проклятый голод
Усталых с ног валил.
Ярмо скрипучей ношею
Истерло шею в кровь.
Ни трактора, ни лошади...
Лишь тени ветряков
Да вихри черной пыли,
Что все живое жгли.
В поту быки стожильные
Тяжелый тыл везли!

В одеждах масляных со смены
К двери шагали мы гуськом.
В столовой каменные стены
Дышали сумрачным снежком.
За стол нестроганий, шершавый,
Что так роднил мальчишек, нас,
Садилась мы тогда по праву,
Как молодой рабочий класс.
И от раздачи дальней, низкой,
Приподнимая пар густой,
Тянулись глиняные миски
С капутной пресною бурдой.
Я жадно ел и слушал радио,
И мысли горькие текли —
Вчера с боями сдали Ярцево,
Сегодня пал с боями Клин.
И как-то нервно, виновато
Моргал наш мастер-инвалид.
Под крышей старый вентилятор
Гудел, как наглый «мессершмитт».

СВОЕ СЛОВО

Об этом мечтал Ильич

Виталий ВАСИЛЬЕВ

На недавней выставке детского технического творчества в Костроме одним из самых удачных экспонатов оказался, по общему мнению, самоходный электропflug. Его сконструировали и изготовили ученики Галичской школы-интерната Игорь Иванов, Сергей Ареев и Николай Воронин. На пришкольном участке прошли испытания, и все, кто присутствовал при этом, в один голос заявили, что для вспашки небольших огородов это самая удобная и экономичная машина.

Идею создать электропflug юным конструкторам подсказали сверстники-краеведы. Им удалось восстановить любопытные факты, связанные с первыми шагами электрификации нашего сельского хозяйства.

...Шел 1920 год. Страна жила в нужде, голоде и холоде, напрягая последние силы на борьбу с интервентами и внутренней контрреволюцией. А на заседаниях Совета Труда и Оборонны и в Совнарком уже обсуждались вопросы налаживания производства сугубо мирной продукции для города и села. В частности, было принято решение освоить на отечественных заводах выпуск электропflugов.

Предыстория этого решения такова. Весной 1920 года рабочие Петроградской городской электростанции, чтобы обеспечить себя овощами и картофелем, задумали распахать под огород пустырь, прилегающий к станции. Мысль-то дельная, но как ее реализовать? Ни пflugов, ни лошадей нет, а вскапывать лопатами — долгая история. Но среди технического персонала станции нашлись умельцы, которые сконструировали необычный механизм: на автомобильное шасси установили электрическую лебедку, с помощью намотанного на барабан кабеля подвели к ней ток, а с торца к шасси подцепили самодельный пflug. Этой-то машиной и принялись петроградские энергетики пахать свой земельный участок. Об удивительном пflugе прослышали местные кинохроникеры и сняли на пленку короткий репортаж.

Кто-то рассказал об инициативе петроградских умельцев Владимиру Ильичу (а может быть, он и фильм увидел). Идея создания электропахотных механизмов понравилась Ленину, тем более что в это время разрабатывался план ГОЭЛРО. Владимир Ильич поручил руководителям Петроградского Совета детально ознакомить с доморощенной новинкой специалистов по сельскохозяйственной технике и, в случае одобрения ими идеи, серьезно заняться проектированием заводского образца электропflugа.

В 52, 53 и 54 томах пятого издания Сочинений В. И. Ленина можно найти два десятка запросов и телеграмм в различные инстанции: как идут дела с продвижением в жизнь электропахотных орудий? На многих записках стоит гриф «спешно».

23 ноября 1920 года Совнарком заслушал доклад заместителя председателя ВСНХ о ходе выполнения правительственного заказа на изготовление электропflugов и образовал для ускорения дел из представителей ВСНХ, Наркомпрода и Наркомзема комиссию «Электро-

пflug», которой и поручил обеспечить выполнение в срок всех работ. О той важности, которую придавало заказу Советское правительство, говорит еще вот какая знаменательная для того времени деталь: Совнарком распорядился перевести рабочих, занятых изготовлением электропflugов, на «тыловой красноармейский паек».

Наконец, опытный образец агрегата был создан и испытан на поле учебно-опытного хозяйства Московского высшего зоотехнического института. Вот как писала об этом событии газета «Правда» 23 октября 1921 года: «Вчера на Бутырском хуторе происходила демонстрация еще одного завоевания техники — первого русского электропflugа... В числе многих приглашенных представителей Советской власти, профессуры и технических сил присутствовали тов. Ленин, тов. Калинин и др.»

Очевидец испытаний электропflugа старый партиз В. Есин так рассказывал о том памятном дне. Когда восьмикорпусный пflug, влекомый стальным тросом, двинулся вперед, Владимир Ильич пошел рядом и внимательно смотрел, как ровно и красиво ложатся на землю глубокие борозды. Члены комиссии просили Ильича не подходить близко к пflugу, ведь трос может оборваться — это же испытания. Ленин останавливался на мгновение, но, забывшись, снова догонял пflug...

После некоторого усовершенствования ряда узлов механизма заводы получили «добро» на выпуск двадцати электропflugов. Их распределили в хозяйства, расположенные близ Москвы и Петрограда, где был относительный недостаток электроэнергии. Два пflugа получили крестьяне костромского села Шунги: здесь в ближайшее время должна была вступить в строй одна из первых в стране сельских электростанций, строившаяся на паях жителями тринадцати сел-соседей.

В фондах Костромского историко-архитектурного музея-заповедника хранятся несколько снимков, запечатлевших различные моменты подготовки пflugа к работе на картофельном поле близ Шунги. Местные крестьяне окружили невиданную машину и напряженно ждут, когда восемь ее острых лемехов вонзятся в землю...

Самоходный электропflug не прижился в сельском хозяйстве страны. В первые послереволюционные годы было трудно обеспечить электричеством сельскую местность, и поэтому прицепные пахотные орудия при наличии тракторов оказались более практичными. Но прошли годы, и конструкторы снова вернулись к идее использования электричества на поле в качестве «тягловой силы»: появились управляемые по радио электротракторы, работающие в агрегате с прицепными и навесными орудиями, применяемыми на обычных тракторах.

Юные конструкторы нацупывают новые решения старой задачи. Это добрый признак: ведь именно им, молодым энтузиастам, будущим преобразователям родного Нечерноземья, предстоит сказать свое слово в техническом оснащении сельского хозяйства завтрашнего дня.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Михаил ОДИНЦОВ

Услышав натренированным ухом знакомый шум работающих в воздухе моторов, Катерина быстро отыскала в небе возвращающуюся домой эскадрилью Сохатого и сразу увидела, что одного самолета не хватало: вместо девяти летели восемь. Враз стало тревожно. С ней всегда так бывало, когда возвращались не все. «Ведущее звено — целое, правое звено — все, нет в Сережинном звене кого-то. Кого? Ведущего или ведомого?» Ее бросило в жар, ноги задрожали, она села у капонира на снарядный ящик. Самолеты приземлялись, заруливали в свои «гнезда», а Катя неотрывно, со страхом глядела на два последних в очереди на посадку Ила. «Кто? Кто?..» Сел предпоследний — она поднялась, готовая встретить, но машина оказалась с другим бортовым номером... Еще долгих тридцать секунд ожидания, и она, вернувшись в капонир, не села, а рухнула на самолетные чехлы — ноги не удержали ее...

За ее службу на фронтовых аэродромах полка случаи невозвращения самолета бывали нередко, но Сережа не пришел впервые. Она изучила психологию летчиков и всегда помнила, что они, если остается хотя бы один шанс из сотни, никогда не хоронят товарищей, а будут докладывать с обнадеживающим других и себя оптимизмом: «Не все потеряно, надо обождать». Но знание это не облегчало ее страданий и смятения чувств.

Катя не уходила из пустого капонира. Аэродром жил напряженно, шумно и торопливо: улетали на задание и возвращались обратно группы Илов, обдав ее бензиновой гарью и пылью, ушла снова в воздух ее эскадрилья, а она все сидела на чехлах. Заходящее солнце заглянуло, наконец, в широко открытый зев капонира, и она огляделась, не понимая еще, что сейчас — утро или вечер. Капонир без самолета казался осиротевшим домом. Она не плакала: сердце закаменело, душа продрогла от внутреннего холода.

К ней подошли Сохатый и Люба.

— Здравствуй, Катюша!

У Кати не было сил ни встать, ни ответить.

Сохатый осторожно положил ей руку на плечо, присел на краешек патронного ящика. Люба молча обняла подругу, поцеловала в щеку.

Катерина напряглась, замерла, дышать стало трудно.

— Катюша, — начал Иван, — ты только раньше времени не волнуйся, еще не все потеряно, может быть, и обойдется...

— Не тяни, говори, я столько времени ждала, чтобы мне сказали.

— Сережа атаковал колонну немцев третьим, замыкающим звеном. Зенитный огонь слабый, были отдельные, можно сказать, выстрелы. А Ил его после этой атаки в набор высоты больше не пошел. Сама понимаешь, я впереди, а он позади меня километра на два. Что случилось с ним, я не видел. Делали мы еще одну атаку на цель, вдоль дороги лес, и я ничего не разглядел. А летчики в звене у него молодые, неопытные, толком ничего не могут сказать. Пожаров, кроме как на дороге, что мы натворили, нигде не было.

— Ванечка, врешь ведь ты, — Катя заплакала. Эти слезы не приносили облегчения, а скорее наоборот, вызывали удушье. Ей хотелось кричать, но Люба прижала ее голову к своей груди и погушила крик.

— Жа-ле-ешь ме-ня, вре-ешь! Ва-ня, ска-жи прав-ду-у!

— Катюша, честное слово даю, большего пока сказать не могу. Уехали люди туда, может быть, к утру вернутся или позвонят через кого-нибудь к нам. Тогда узнаем. Ты крепись. Держи себя в руках. Мне тоже больно. Я тоже хочу знать правду. Мы не просто пролетали рядом два года, а друзьями, как родные братья стали. И тебя я, как сестру, люблю, родная ты мне, — Сохатый обнял Катю и рука его встретилась с рукой Любы.

— Катенька, — голос у Любы дрожал, она сдерживала свои слезы. — Ты поплачь, поплачь, и полегчает. Ваня не сказал, а ведь твоя эскадрилья во главе с капитаном Гудимовым вся со второго задания не прилетела. Командир и Сохатый оба летали ее искать и не нашли.

Сказанное Любой на время заслонило Сергея, дышать Кате стало легче.

— Как не прилетели? Я все время была здесь и не помню, когда они улетели, не видела.

— Вот видишь, как бывает.

— Какой-то шум в голове, а что было — не помню. О Сереже думала.

— Катенька, — Сохатый решил воспользоваться сказанным ею случайно словом, — ты сегодня сама убедилась, что значит напряжение. Так и летчики — все внимание цели, а что рядом — подчас и не видят...

Сохатый, не досказав мысли, замолчал. Он услышал звук низко летящего самолета. Не наблюдая еще машины, Иван по своеобразию шума уже точно определил: на посадку заходил какой-то Ил. Майор быстро вышел из капонира, чтобы увидеть весь аэродром. И не ошибся — по летному полю катился целый и невредимый штурмовик.

Сохатый повернулся к оружейницам:

— Любаша, ты побудь, пожалуйста, с Катериной. Я на КП побегу — нашлась одна пропаша, старший лейтенант Безуглый прилетел.

День только начинался. Он мог закончиться для Сохатого и бескровной победой, и бескровным поражением. Поражением необычным и удивительным, в результате которого Иван мог оказаться интернированным.

Рисунки Ю. Филоненко

Наскоро попив чаю, Сохатый готовился к полету. Лететь не хотелось, но сила приказа вынуждала торопиться: от успеха его миссии зависела судьба невернувшихся домой летчиков Гудимова, честь их полка и дивизии, корпуса да и воздушной армии тоже. Он проклинал Гудимова за то, что тот заблудился, и не мог представить, как можно было опытному летчику при возвращении не найти реку Эльбу, пусть даже при плохой видимости. За день воздушная армия сделала тысячи полетов, и никто, кроме него, не сел у американцев. Ругая последними словами капитана, Сохатый злился и на себя, думая, что плохо проверил готовность группы к вылету и не посмотрел, в каком состоянии был ее командир.

«Ты ведь знал, дуралей, знал, что комэск стал выпивать, особенно после взятия Берлина, — корил Сохатый себя. — Вот тебе начальники и придумали наказание: прямо не обвиняют, в вину не ставят, а говорят: «Спасай честь». Не хотят командира полка послать. Вдруг не получится. Не уверены в успехе, поэтому и велели при орденах у американцев появиться, на психику их надавить моими наградами».

Сохатому предстояло лететь за временную демаркационную линию, разделяющую советские и американские войска, садиться там на старый немецкий аэродром и вызволять оттуда эскадрилью. Никто не знал, как поведет себя сегодня американское командование: не будет ли чинить препоны для вылета, даст ли для перелета бензин или, улыбаясь, нагромоздит цепь непреодолимых мелочных препятствий, которые задержат и эскадрилью и Сохатого в их руках на неопределенное время.

Сохатый предполагал, что генерал Аганов не без ведома командира корпуса посылал его в эту экспедицию, наказывая ему вылететь оттуда со всеми как можно быстрее домой.

Одно успокаивало Ивана: отпустили американцы старшего лейтенанта Безуглого к своим и таким образом дали знать советскому командованию, что эскадрилья находится у них. Горепарламентер доложил, что вылететь эскадрилья вся не может, нет на аэродроме бензина, но командир американской пехотной дивизии обещал привезти горючее. Факты эти на вчерашний день, казалось бы, подтверждались: у американцев не было помысла задерживать эскадрилью. Но это было вчера. Изменилась ли их точка зрения за последние двенадцать часов?

Сохатый проверил еще раз текст, удостоверяющий его принадлежность к части, в которую входит подразделение Гудимова, и дающий ему полномочия на ведение переговоров с союзным командованием, а также право распоряжаться

советскими летчиками на территории, находящейся под юрисдикцией военачальников армии США.

Текст, штамп, число, печать, подпись подполковника Ченцова — все было правильно. «Только чин маловат для психической атаки... Что для Союзной армии подполковник? У них таких своих полно. Надо бы генеральскую подпись, а ее нет, не дали тебе таковую, Иване».

...Самолет Сохатого летел по кругу над аэродромом предстоящей посадки: Иван рассматривал большой город, находящийся чуть южнее речушки. Восьмерка Илов стояла отдельным рядком, крыло к крылу, ровной линеечкой. Чуть поодаль находилось штук двадцать американских истребителей «тандерболт». Тупорылые, пузатые и громоздкие, они показались Сохатому некрасивыми против изящных Ил-2. Он представил «тандерболты» в воздушном бою с немецкими «мессершмиттами» или «фокке-вульфами», самочувствие американских парней в кабинах, возможные потери и понял, почему на них летали в основном негры американского происхождения — шансы выиграть бой один на один у «мессершмитта» на этой летающей бензиновой бочке было мало.

После посадки Сохатый открыл фонарь своего самолета и подрулил к стоянке Илов, решая, как ему вести себя и с командиром, и с летчиками. Экипажи ждали его, построившись в две шеренги. Подрулив к ним, Сохатый увидел на лицах людей неподдельную радость встречи. Люди были довольны его прилетом, надеялись, видимо, что бывший командир их эскадрильи лучше других поймет случившееся с ними несчастье, что он не бросит их на произвол судьбы. Но радость на их лицах казалась ему беспоконной, как у нашкодивших школьников. Им было стыдно. Радость и тревога, как солнечный зайчик и тень, мелькали на лицах. Даже тугой на самокритику Гудимов улыбался виновато и заискивающе. И эта открывшаяся Ивану всеобщая виновность людей, стоящих в строю, пришибленность обычно горделивого и горластого Гудимова многое определила — ему просто почувствовались, по-товарищески стало жаль летчиков и он решил вопроса о их посадке у американцев не касаться даже после возвращения к себе домой. Полностью довериться в разборе полета командиру полка и майору Зенину.

Поздоровавшись со всеми, он отпустил летчиков к самолетам и занялся подготовкой к вылету.

Сведения у Гудимова оказались неутешительными: официально их не задерживали, но и бензина не привезли. Горючее запаздывало по до-

говоренному с американцами времени уже на пять часов.

— Да вон, товарищ майор, — обрадованно прервал свои объяснения Гудимов, — на «виллисе» лейтенант их едет. Он русский знает, контакт с ним мы постоянно держим.

Сухопарый и долговязый, жующий свою жвачку офицер, увидев на груди Сохатого Золотую Звезду и ордена, вначале мычал что-то неопределенно-восторженное. Но из последующих объяснений выяснилось, что бензин якобы уже везут, но будет он не скоро, поэтому летчиков и солдат он отправит сейчас пить кофе, а о прилете господина майора сообщит своему командиру. Сохатый попросил его доложить, что он хотел бы нанести визит вежливости начальнику гарнизона и предъявить ему свои полномочия.

Лейтенант стал связываться с кем-то по радиации, а Сохатому ничего не оставалось делать, как ждать.

Иван немного успокоился, узнав у Гудимова, что американской охраны у самолетов не выставлялось, а передвижение летчиков не ограничивалось. Незначительные, на первый взгляд, факты в сочетании с полным безразличием к его самолету, в котором не было недостатка в бензине, настраивали Сохатого на оптимистический лад: как будто осложнений не предвиделось.

Наконец переговоры по радио закончились.

— Господин майор, начальник гарнизона просил передать вам следующее: полномочий проверять он не собирает, так как уверен, что офицер, удостоенный таких наград — высоких и многих, — не может прилететь без прав и обязанностей. Генерал приглашает вас на чашечку кофе, чтобы извиниться за опоздание с топливом и выразить восхищение вашим личным боевым заслугам в борьбе с общим врагом.

Принимая приглашение, Сохатый удовлетворенно думал о командире дивизии генерале Аганове, который ему сейчас казался не только опытным солдатом, но и дальновидным психологом. Американцы на ордена «клянули». Теперь-то он был почти уверен, что вылет в полк обязательно состоится.

...Солнце прошло две трети своего дневного пути по небосводу, когда эскадрилья во главе с Сохатым вырубивала на взлетную полосу аэродрома. Только теперь майор успокоился окончательно, поверил в успех, в близкую бескровную победу.

Взлетали сразу девяткой, взлетали так, как должны были лететь на маршруте — клином. Сохатый сделал с группой небольшой прощальный круг над аэродромом и над летным полем перевел в пикирование.

— Внимательно в строю. Выходим на высоте пятьдесят метров... Вывели... Делаем горку, угол двадцать градусов,— посмотрел, как идут Илы.— Хорошо идем. Приготовили оружие! Салют секундной очередью! Пли!

Восемнадцать пушек и двадцать семь пулеметов, выдохнув из себя разом огонь и железо, рывкнули и смолкли.

Эскадрилья взяла курс на свой аэродром...

Разбудили Сохатого врывающиеся в открытые окна звуки артиллерийской стрельбы. Не вставая с полужесткого диванчика, на котором он спал, Иван прислушался: стреляли зенитные пулеметы ДШК, стреляли автоматы и в них вплетались отдельные хлопки выстрелов из ракетниц, после чего на сером, предрассветном небе появлялись цветные трепещущие отблески.

Завонил телефон, и Сохатый взял трубку:

— Товарищ майор! — в ликующем громком крике Иван узнал голос оперативного дежурного с командного пункта.— Победа! Германия безоговорочно капитулировала! Поздравляю вас с победой, товарищ майор!

Иван слушал слова дежурного, как торжественную мелодию фанфар, играющих сигнал «Слушайте все». Сердце его забило сильно, часто, радостно, он почувствовал на глазах слезы.

— Спасибо, капитан! Вот обрадовал так обрадовал. И тебя поздравляю. Салютуют, как я понимаю, победе? Радуются концу войны? Трудно, но надо бы как-то прекратить фейерверк, перестреляют друг друга.

— И командир полка требует стрельбу прекратить, только как это сделать? Пока не расстреляют патроны и снаряды, что под рукой, не успокоятся.

— Ладно. Я сейчас приду. Вышли дежурных на стоянки, чтобы за самолетами смотрели, а то сожгут какой-нибудь случайной пулей или осколком.

Сохатый как был в трусах выскочил с пистолетом в руке из дома на крыльцо, чтобы запомнить неповторимый миг стихийного людского ликования, и, не осознавая, вдруг сам поднял пистолет и расстрелял всю обойму...

Кончились и торжественный полковой митинг, и праздничный завтрак по случаю победы, но, к сожалению, не кончилась война. Часть разбитых и окруженных фашистских дивизий, оставшихся без управления из штаба армии «Центр», сдаваться не захотела. Судьба Праги и восстания была неясной. Местонахождения частей Советской Армии, идущих на Прагу, точно не известно, радиосвязь с ними прервалась...

Майор Сохатый летел офицером связи в Прагу. Не зная обстановки в городе и на аэродроме, летел для того, чтобы разузнать и сообщать

ее командованию фронта. Ответственность задания волновала его: сведения, добытые воздушной разведкой, на сей раз не годились; нужно было садиться на какой-то аэродром, расположенный в городе или вблизи его, чтобы путем личного общения с кем-то из восставших или из своих командиров, если они в городе, точно установить обстановку и немедленно передать ее по радио.

Одинокий Ил в окружении восьмерки Яков шел над Дрезденом, и вид этого города на какое-то время отодвинул размышления Сохатого о посадке в Праге на второй план. Собственно, города, его центра, не было. Иван разглядывал обгоревшие, закопченные до черноты развалины, которые до налета американских бомбардировщиков были дворцами, костелами, конторами, магазинами и жилыми домами. Подумав о том, сколько десятков тысяч трупов находится еще под плывущими внизу развалинами, он представил Прагу с ее баррикадами и возможными уличными боями. «Город сохранит только скорость нашего движения к нему,— подумал он,— только разоружение фашистских частей, иначе они в слепой злобе взорвут его, как готовились взорвать Краков».

Дрезден остался позади, и на Ивана надвинулись уже знакомые ему горы. Он взял крупномасштабную карту района Праги и стал рассматривать нанесенные на ней аэродромы, думая, где выгоднее и безопаснее сесть. Разглядывая реки Лабу и Влтаву, дороги, идущие к городу, он представил возможный путь своих танков и пришел к выводу, что выгоднее всего ему садиться западнее или северо-западнее Праги, так как в этих районах самая большая вероятность встречи со своими войсками. Принятое решение подействовало успокаивающе, и он занялся навигацией и организацией будущего радиомоста.

— «Трехсотый»,— вызвал он командира истребителей,— как меня слышишь? Я — «двести двенадцатый»!

— «Двести двенадцатый», хорошо слышу.

— Слушать меня внимательно. Связь с аэродромом вылета и мною будем держать по цепочке: первая пара Яков дежурит над Дрезденом и держит связь с аэродромом вылета и со второй парой. Вторая — южнее перевалов, город Усти, третья — над аэродромом посадки, который выберу, высота всем — пять тысяч метров. Последняя пара идет со мной и с высоты пяти сот метров прикрывает посадку, в случае чего, обеспечивает мой взлет. Если понял, ставь ребятам задачу, распределяй места!

...Как и три дня тому назад, на подходе к перевалам висели кучевые облака. Они втягивали

в свои чрева нагревающийся от гор воздух, раздавались вишь и в вышину. Восходящими и нисходящими потоками Ил Сохатого подбрасывало вверх, кидало вниз и валило с крыла на крыло. Иван, чтобы избавиться от болтанки, вывел самолет за облака. Но через несколько минут облака как ножом отрезало, и майор снова испытал ощущение «зависания» машины в безбрежном лазоревом, без единой облачной крапинки, небе.

«Видимо, всегда было так, будет завтра и послезавтра,— подумал он,— пока не сдвинется с места Карпаты и не затухнет солнце. Горы своей грудью будут закрывать Чехословакию от более холодного северного воздуха».

— «Маленькие», иду ближе к земле. Буду смотреть, что там происходит. Меня не теряйте.

Сохатый прибавил мотору обороты и круто повел машину вниз. Вскоре на дорогах заметил войска, убедился — свои.

Солдаты и офицеры махали приветственно, что-то кричали. Шли и ехали только в одну сторону — на Прагу.

...Под самолетом уже летело частое переплетение дорог — признак близкого города, и майор перевел машину в набор высоты, решив пока-

зять себя возможному врагу и посмотреть находящийся в этом районе аэродром. По привычке шел не прямо, а маневрировал.

Не стреляют! Это хорошо. Посмотрим, как дальше дело пойдет. Он набрал еще метров триста высоты, и ему открылась Прага, лежащая в котловине. Над городом небо казалось мирным. Сохатый развернул Ил так, чтобы увидеть весь аэродром. И стал различать на нем самолеты. На стоянках виднелась не одна сотня фашистских машин: истребителей и бомбардировщиков, но никто не взлетел, чтобы упредить его подход. Зенитная артиллерия молчала, хотя он и видел ее позиции. Людей около пушек не было.

Сохатый вывел машину в исходное положение для атаки, рассчитывая ее имитировать. «Если немцы на аэродроме, то обязательно откроют огонь».

Перевел самолет в пикирование — огня по-прежнему не было...

Позвал стрелка:

— Григорий, как за хвостом?

— Спокойно.

— Ладно!.. «Маленькие», сейчас сделаю еще одну атаку со стрельбой по пустому месту. Посмотрим на реакцию.

Сохатый сделал боевой разворот, вывел Ил вдоль большой стоянки вражеских самолетов и перевел его снова в пикирование. Внимательно прицелился, чтобы случайно не попасть в какой-нибудь самолет, и нажал на пушечные гашетки. «ВЯ» покорно отозвались, изрыгнув из себя гром и сталь. Нажал еще, еще и еще — ответного огня с земли не увидел.

На аэродроме никакого движения, нет и какого-либо сигнала, приглашающего на посадку. Сохатый включил передатчик:

— «Маленькие!» Тишина. Сажусь. Передайте по цепочке о посадке и наблюдайте.

...Сохатый подрулил самолет к зданию с стеклянной башенкой на крыше, предполагая, что тут может быть комендантская служба и узел связи аэродрома. Развернув Ил к этому зданию хвостом, чтобы в случае осложнений можно было использовать турельный пулемет стрелка и сразу взлететь, не выключая мотора, не открывая броневое фонаря кабины, Сохатый ждал развития событий. Не прошло и минуты, как командир истребителей забеспокоился:

— Иван, долго будешь бездельничать? Бензин-то уходит. Обратного, чего доброго, не долетим!

— Потерпи чуток,— ответил Сохатый,— у меня нет желания нарваться на щальную автоматную очередь. В здании вижу людей. Сейчас что-нибудь образуется.

Иван не ошибся. Открылась дверь, вышли трое

военных. Один из них поднял в руке красный лоскут, другой, самый рослый, побежал к самолету.

— Пискунов, погляди внимательней, кто он такой?

— Командир, я под Дуклей эту форму на чешских летчиках и на десанниках видел. Бежит без оружия.

Сохатый, взяв пистолет наизготовку, открыл фонарь и стал ждать парламентаря. Тот, запыхавшись, поднялся на крыло.

— Советский самолет, русский летчик, здравствуй! Почему не выключаешь мотор?

— Здравствуйте, майор. Не выключаю, потому что не знаю, кто хозяин аэродрома: немцы или чехи. Не знаю и какая власть в городе. Говорите кратко!

— Товарищ! Советские танки в Прага, немцы бежал. Аэродром в руках восстания. Нами охраняется.

— Хорошо. Спасибо! — Сохатый помолчал немного, обдумывая услышанное, затем включился на передачу. — «Маленькие», я — Сохатый. Примите донесение: наши танки в городе, Прага и аэродром от немцев свободны. Если поняли, идите домой. Я через час-два привезу более точные сведения.

— Сохатый, спасибо! Счастливо оставаться! До скорой встречи!

Голос командира истребителей звучал празднично. Круто развернувшись, Яки ушли на север.

Сохатый выключил мотор. Старательно перекрыл в кабине кран воздушной магистрали, чтобы ненароком не стравился воздух, необходимый при запуске двигателя. Снял парашют, не вставая с сиденья.

— Стрелок, быть неотлучно у самолета. Действовать в случае чего, как договорились.

Вылез из кабины на крыло.

— Здравствуйте, господин майор. Вы по-русски понимаете?

— Понимаю. Я был в России. Говорю плохо.

— Очень хорошо. Это уже удача... Я летчик Первого Украинского фронта, майор Сохатый. Поздравляю вас с успехом восстания и освобождением от фашистов. — Иван обнял чеха и по русскому обычаю трижды поцеловал. — Прибыл по поручению командования фронта для установления связи с восставшей Прагой. Прошу вас представить меня как можно скорее своему командованию, связать меня с кем-либо из военачальников Советской Армии, находящихся в городе.

— Спасибо за поздравление, господин майор. Я поздравляю Советская Армия и народ с победой над Германией. — Два майора опять об-

нялись. — Приглашаю на наш свободный и счастливый чешский земля.

Чех первым сошел с крыла и, стоя внизу, широко раскинул руки, демонстрируя свою готовность принять Сохатого в дружеские объятия.

Спрыгнув на землю, Иван достал пачку «Казбека», и они закурили.

— Господин майор, вы не забыли мои пожелания быстрее встретиться с вашими и нашими начальниками?

— Нет, нет! Я думал — это невозможно. Из моя команда никто, даже я, не можем право покидать аэродром. Работает телефон — будет хорошо. Народом полны улицы, мы никуда не поедем, не пустят.

Сохатый, погирая руки, радостно засмеялся:

— Вот это да! Гуляют, значит. Празднуют. Поэтому командующий войсками фронта никак их по радио не дозвонится и не знает, что Москве доложить.

— Никто не виновен. Народ, Прага гуляет. Без вина, без пива, без пища. Все магазин и склад закрыт на охрану. Голодный гуляет. Радость гуляет!..

Зашли в кабинет. Майор очень долго разговаривал сначала по одному, потом по другому телефону. Разговор Сохатому был непонятен, и он, подойдя к окну, стал рассматривать раскинувшийся перед ним аэродром.

Пересекаемая несколькими рулежными дорожками, бетонная взлетная полоса уходила к дальней границе летного поля и казалась бесконечной. Десяток целых ангаров хранили тайну за закрытыми воротами. На разных стоянках располагалось множество немецких самолетов, внешне исправных, с фашистскими опознавательными знаками.

Иван разглядывал их, думая, что на этом аэродроме единственная, наверное, в своем роде коллекция — от первых «юнкерсов» до последних реактивных «мессершмиттов». Взлететь, вероятно, немецкие летчики не успели, а может быть, и лететь уже было некуда. Бежала былая воздушная германская мощь землей, не успела даже сжечь это богатство, созданное руками рабов двадцатого века.

Наконец, комендант освободился.

— Господин Сохатый, все тебе узнал. Карту обстановка дадим. Кушать не могу угостить. Ничего нет. Кофе черный без сахара будешь?

— Конечно, буду! Не важно, что и сколько. Важно, с кем и где. — Иван весело засмеялся.

— Сейчас! — майор вышел и через несколько минут вернулся с двумя чашками дымящегося кофе и картой под мышкой.

— Возьми карта! На ней части Советская Армия, ходивший на Прага с севера, востока и

юга. Показан, где фашистский войско генерал-фельдмаршал Шернер.

Сохатый внимательно посмотрел нанесенную обстановку и хотя надписи ему были не все понятны, но главное он смог усвоить: положение сторон было, видимо, нанесено с достаточной точностью. Большая часть сил и средств Шернера оказалась окруженной восточнее города Праги.

— Спасибо, друг! Это то, что мне как раз было нужно. Теперь и улетать можно.

— Когда поьем кофе...

Улетая из Праги, Сохатый не предполагал, что ему через год доведется сюда вернуться. В числе других генералов и офицеров Советской Армии в первую годовщину освобождения от фашистской оккупации Чехословацкая Республика наградила его орденом.

Нет боевых заданий. Нет полетов. На аэродроме непривычная звенящая тишина. Илы стоят не под маскировочными сетями, укрыты лишь чехлами. Над летным полем безбоязно кружат птицы, которых как будто и не было видно до этого.

Полк отдыхает. Выходной и у майора Сохатого. Праздное безделье для Ивана Анисимовича непривычно и переносится им хуже тяжелой работы. Слова «день отдыха», «выходной» для него еще в сорок первом потеряли смысл и сейчас звучали как-то по-иностранному и несли неопределенность. До сегодняшнего дня круг его жизни был замкнут тесно связанными задачами: готовиться к войне и воевать; опробовать отремонтированные самолеты и определять их пригодность к боевым действиям; проверять способность летчиков в пилотаже, умении метко стрелять и бомбить; использовать передышку в боях для того, чтобы лучше подготовиться к новым; спать и есть, чтобы появились новые силы для боевых вылетов, в которых надо постараться увидеть врага раньше, чем он тебя, и убить его, иначе, он, враг, покончит с тобой.

Даже Люба Рысева и его отношения с ней не вырвались пока из жестко очерченного круга, где кровью друзей и товарищей было написано: война. Иван тянулся к Любе уже давно, видел ее ответное стремление к нему, но не позволяя себе перейти грань, за которой кончается просто дружба.

Иван не мог забыть вчерашних, набатно прозвучавших слов:

— Товарищи, война кончилась! — подполковник Ченцов замолчал, не спеша оглядывая строй. — Во всяком случае на сегодня и здесь!.. Бомбы и реактивные снаряды с самолетов снять

и сдать на склад боепитания. Пушки и пулеметы разрядить. Боекомплекты оставить в самолетах. Оружие солдат и сержантов сосредоточить в казармах, поставить в пирамиды и брать только в караул. Офицерам иметь пистолеты при себе с патронами на две обоймы. За пределы гарнизона и аэродрома не выходить...

Сердце и мысли Сохатого еще не освоились с мирной тишиной, он просто не успел переключиться на иное понимание смысла жизни, не определил еще какую-то иную линию поведения, не сделал переоценку ценностей.

В далеке летящей птице Ивану чудился еще самолет, и совершенно произвольно он старался определить тип машины и дальность до нее.

Блеснувшее под лучами солнца стекло в окне или в машине виделось пламенем прямого, в его сторону, выстрела. И опять мозговой арифмометр самостоятельно, без хозяина быстро выдал возможное время до разрыва снаряда, а ухо старалось уловить его полет.

Поворот дороги — что за ним? Танки, засада, взорванный мост? И хочется сказать шоферу: «Притормози».

Отренированный за войну инстинкт самосохранения, постоянная настороженность — что за спиной, кто за спиной? — жили в нем по-прежнему. У Сохатого не проходило ощущение какой-то своей незащитности из-за вынутого из ствола пистолета девятого патрона. Ведь этим девятым можно было стрелять сразу, без перезарядки и даже тогда, когда одна рука перебита.

Пройдут годы, десятки лет, но Сохатый так и не научится спокойно сидеть, повернувшись спиной к окну, к улице, к любому пространству, откуда может появиться что-то неожиданное. Спокойно он себя будет чувствовать спиной к стене, в пилотском кресле, и то лишь когда за хвостом своего самолета будет смотреть сам или лично обученный им воздушный стрелок-радист.

...Накатывал вечер. Солнце, облака, дремотно затихающая природа готовились к ночи.

Иван Анисимович сидел на балконе дома, принадлежавшего ранее начальнику немецкого авиационного гарнизона, и в бездумной отрешенности рассматривал небо.

Вот солнце спряталось за сине-белые, подернутые легкой дымкой, облака, и края их, подсвеченные с обратной стороны, загорелись оранжево-золотистой бахромой. За первым облачным барьером, видимо, был и второй, и поэтому небо разделилось на две, по-разному освещенные половины: розово-голубую, теллую, еще дневную и сине-холодную, которая воспринималась более плотной, отступившей вдаль.

Где-то невдалеке, в тиши и полном безветрии, застучали топоры, и Сохатый враз напрягся.

Секуще-резкие удары показались похожими на очереди эрликоновских пушек. Но он отогнал это видение от себя, вяло подумал: «Не пушки, милоч... Не пушки. Строители чего-то рубят, не разрушают, а создают...»

Вздыхнув глубоко, Иван взял лежавшую на коленях старую гимнастерку и начал снимать с нее ордена, чтобы почистить их и прикрепить на новую.

Солнце опустилось уже совсем низко за облачные горы. Склоны горели желтым пламенем, когда в небе послышался звук летящих самолетов.

Сохатый поднял голову и увидел три Ли-2, идущих на восток цепочкой, друг за другом.

«Хорошо, когда звук, идущий с неба, не вызывает тревоги, не угрожает жизни. Впервые, наверное, сейчас я воспринял его, как звук мирной жизни. Начиная привыкать... Можно подумывать и о семье... Будут сыновья, дам им имена погибших товарищей. Вырастут — скажу, чью память они носят, чью жизнь на земле в имени продолжают. А какая фамилия будет у Любы — Сохатая или Сохатова? Интересно...»

ПЕРЕПУТЬЕ

Поднявшись над горизонтом, солнце стало менять свою утреннюю, красно-оранжевую одежду на дневную, слепяще-желтую. Из вишневого неба навстречу свету выплыли громады Австрийских Альп. В яркой прозрачности раннего утра их снежные вершины казались Сохатому совсем рядом, хотя до них было более ста километров.

Полюбовавшись утром, он посмотрел на часы: «Пора!»

Взяв со столика руководителя полетов заранее приготовленные сигнальные пистолеты, Сохатый взвел курки и послал в безмятежно-чистое голубое небо две зеленые ракеты. Дымные шнуры ракетных траекторий еще не успели раствориться в воздухе, как тишина враз рухнула под шумом заработавших авиационных моторов. И в их реве постепенно исчезало очарование утренней свежести, а горы из экзотических нагромождений превращались в давно запретный район учебных полетов, как бы охраняющий от случайного нарушения демаркационную линию, за которой находились войска США, Англии и Франции.

Аэродром жил: самолеты взлетали, производили посадку, рулили к старту, чтобы уйти в лазурную даль, заруливали на стоянку, окончив программу.

Управляя по радио этим шумным и пыльным тарарамом, Сохатый никак не мог избавиться от

чувства сожаления по нарушенному утреннему покою. Вспомнилась пасека деда, и он увидел себя мальчишкой, лежащим в траве рядом с ульем, наблюдающим, как пчелы улетают за взятком и возвращаются назад. Пахло лугом и медом. Тишина заполнялась пчелиным гудом. «К чему это вспомнилось?» И тут же Иван нашел причину: самолеты, как и те давнишние пчелы, тоже разрозненно, на первый взгляд, улетали и прилетали обратно. Иван улыбнулся. Он образней представил огромное пространство, в котором летчики полка сейчас летели по маршрутам и тренировались в пилотажных зонах, бомбили и стреляли на полигоне.

Год полетов в мирном небе. Полеты без постоянного напряженного поиска врага. Стрельбы и бомбометания по целям, именуемым мишенями, без необходимости прорываться к ним через завесы зенитного огня и заслоны истребителей. Одна за другой соседние дивизии расформируются. И всякий раз это рождает один и тот же вопрос: «Когда наша очередь?» Сотни тысяч солдат и офицеров думали о своей судьбе, о мирной жизни, находились сейчас как бы на пересадочной станции, не зная, куда и когда поедут.

Примерно так думал двадцатипятилетний подполковник Сохатый. Он не разобрался еще полностью в противоречивых мыслях о своем месте в новой жизни, ощущал в себе тревогу, постоянно ждал перемен в своей судьбе.

Через всю войну пронес он чувство сопричастности с великим делом, ради которого готов был и умереть. И вот теперь, когда Иван должен был бы радоваться, что вышел из войны живым и непокаленным, спокойствия не было. Он думал о целесообразности дальнейшей воинской службы.

...Учебный Ил совершал посадку. Самолет, как птица перед приземлением, тормозился большим углом встречи крыла с воздухом и уже приготовился встретить лапами шасси землю, но в самый последний момент кто-то из летчиков резко дал газ. Мотор взревел и с трудом потащил машину вперед. Ил, покачиваясь с крыла на крыло, не торопился уходить в небо, как бы раздумывая — грохнуться ли о землю и сгореть или все-таки взлететь, сохранить жизнь себе и людям.

Уход на повторную посадку с недопустимо малой высоты и с малой скоростью — серьезное нарушение. Возникновение опасности было настолько неожиданным, что Сохатый вскопчил со стула, ему хотелось немедленно отрубить летчика.

Наконец мотор вытянул машину из неопределенности, и она стала набирать высоту.

Сохатый облегченно вздохнул, включил радиопередатчик:

— Тулков, доложи, что случилось?!

— Все в порядке, командир! Только спина сопрела,— голос злой, прерывистый.— На земле скажу.

— Хорошо. Работай по плану...

Черноволосый, широкоскулый, плотный, как кражистый пень, выдернутый из земли, капитан Тулков, хмурясь, стоял перед подполковником Сохатым.

— На кого сердиться: на меня или на себя? — Сохатый, продолжая разглядывать командира эскадрильи, улыбнулся и достал папиросы.— Садись. Если хочешь, кури и рассказывай, как ты пытался сегодня к праотцам дорогу отыскать.

Тулков сел, но курить не стал.

— Старший лейтенант Хохоня устроил аварийную ситуацию.

— Не хочу знать никакого старшего лейтенанта. Ты летел инструктором, тебе и отвечать. Мало ли что неумеха может выдумать.— Сохатый замолчал, сердито поглядывая на потупившегося капитана.— Не умеешь — не берись. Такое наше правило... Рассказывай подробно!

— Товарищ подполковник, не пойму я его,— голос звучал искренне.— Воевал он, имеет три ордена, был старшим летчиком в расформированном полку, а у меня такое впечатление, что он никакого понятия о полете на штурмовике не имеет.

— Ну-ну, интересно!

— Самолетом управляет точно пьяный: ни скорости постоянной, ни высоты, ни курса полета. Не летит, а плавает в проруби... Заходит на посадку, а мне в самолете сидеть противно. Я ему и говорю: «Уходи на второй круг! Снова зайдешь. Постарайся!» Молчит. Рулями не работает, а шурует, как метлой по тротуару. Пять раз сказал: «Уходи на второй круг!» Никакой реакции: продолжает издевательство над самолетом. Взорвался я, кричу: «Черт с тобой, садись!.. Поломаешь самолет, морду набью! Под суд пойдешь!» Когда я был уже в полной уверенности, что садимся, он ни с того ни с сего молча дает газ и пошел на второй круг. Когда это случилось, я ему приказал: «Не трогать самолет! Я управляю». Если бы не послушался, не знаю, чем бы все кончилось...

— Какой же вывод? — Сохатый задумался.— Может, с ним что-нибудь случилось? Спрашивал?

— Не спрашивал, но догадываюсь. Оставаться в армии не хочет. Вот и симулирует неуменье. Небось, настроился на гражданку. Вы ведь знаете, многие хотят уйти. В полярную авиацию, к

примеру, экзотику ищут. Новыми знаменитостями желают стать. А тут какой-то штурмовик: полет по кругу, на полигон, в зону. Войны нет — ни славы, ни орденов.

— Злой ты сегодня, Тулков. А может, всегда такой, да не высказывался? — Сохатый прищурился, разглядывая его в упор.

— Будешь злой. Из-за дурака чуть в ящик не сыгнали. Полвойны отлетал, а в таком идиотски-беспомощном состоянии бывать не приходилось.

— Не зарекайся. Может, и не раз еще придется, если, конечно, жив будешь.

— Ладно, командир. Не злой я и не плохой. Только еще дурак по молодости.

— Ишь ты, как повернул. Молодец... Где Хохоня?

— Велел подождать ему на улице. Там, наверное.

— Позови, в разговор не лезь. Слушай.

...Доклад летчика о прибытии Сохатый слушал вполуха. Внимательно глядел на рослого и белобрысого офицера, пытаюсь понять его. В словах, в интонации Сохатому слышался какой-то неуловимо-знакомый акцент, как будто давно встречавшийся и позабытый.

— Садитесь, старший лейтенант... Разговаривать желательно откровенно, чтобы расстаться со взаимным уважением. Согласен?

— Согласен, товарищ командир.

«Волнуется. Напряжен. Надо расположить на разговор»,— подумал Иван Анисимович.

— Скажите, откуда родом, что означает фамилия ваша? Не думайте, что обидеть хочу.

— Кировский я, вятский. Фамилия наших краев. А означает,— летчик ухмыльнулся, поднял глаза на командира, лицо порозовело,— хохоня — значит щеголь.

— Ишь ты,— Сохатый улыбнулся.— Подходит она к вам: и одеты форсисто, сам симпатичный. Слышу, слова пришепетываете, а не пойму — откуда знакомо. Бывал я в тех краях,— помолчал немного, угасла улыбка.— Только вот полеты не по фамилии, тут рассогласование получилось. Как же так: воевали, ордена имеете, а «горбатого» чуть не разбили? Объясните, если можете.

— Волновался, да и подзабыл. Давно не летал,— Хохоня замолчал. Сохатый не торопил. Стал закуривать... Летчик молчания не выдержал.— Два ордена я заработал воздушным стрелком, а пилотом стал только в конце сорок четвертого.

— Сколько же вы не летали?

— Месяцев пять... Посадку, конечно, плохую сделал... Но просился же я летать, чтобы не тренироваться. А мне сказали, что сейчас не до

меня. Расформирование подошло... И в новом полку вот уже скоро месяц, как по нарядам специализируюсь.

— Наряд — тоже служба. А с полетами действительно плохо. В полку теперь летчиков и самолетов больше, чем бывало в дивизии. Где размещать и куда ставить — не знаем. На полеты летчики становятся в очередь. Вот и подумайте, почему вы месяц не главным делом занимались... — Сохатый помолчал. А потом спросил прямо:

— Летать-то хотите?

Брови у Хохони тревожно взлетели вверх. Он поднял голову и внимательно посмотрел на командира. На лице и в глазах изумление и оскорбленность:

— Конечно, хочу. Кто не хочет, это не летчик.

— Всяко, Хохоня, бывает. Иной человек на войне значился, но от нее, злодейки, убегал, хитрил, чужой спиной или грудью прикрывался. Попробуй, назови его правильным словом, крик поднимет. Так и летчики: иной уже летать не хочет, а прямо об этом сказать еще стесняется, надеется без заявления демобилизации дожидаться. Случится такое, и он со слезой в голосе речь прощальную скажет и с почетом уедет строить свою новую жизнь... Значит, хотите летать? А где? В армии или в гражданской авиации?

— Товарищ командир! — летчик встал. — Оставите, служить буду. До генерала трудно, а до ваших чинов постараюсь, — улыбнулся открыто.

— Хвалю за откровенность. Не от меня зависит. Но желание запишем. Вопросы есть?

— Нет.

— Готовьтесь летать! Сначала с Тулковым, потом со мной. Можете идти...

Теперь Сохатому нужно было найти ключ для откровенного разговора с Тулковым. Ни его, ни Ивана никто не учил премудростям инструкторской работы и методике. Научили летать из второй кабины, а все остальное постигалось своим умом, через свои ошибки, совесть и отношение к делу. Учили воевать. А неспособных «пропальвали» бои, сложные погодные условия. Теперь — другое дело. Видать, не случайно командира полка сразу забрали на курсы: будут учить авиационным заботам уже мирного времени...

Иван Сохатый усаживался в заднюю кабину учебного штурмовика, чтобы проконтролировать готовность старшего лейтенанта Хохони к самостоятельным полетам на боевом самолете. Надев парашют, он заученными движениями подтянул привязные плечевые ремни. И они вдавили его в сиденье. Прежняя учебная машина была разбита нерадивым летчиком еще в войну и с тех

пор их выручала самоделка. На войне легче было достать боевой самолет, чем спарку, поэтому инженер полка и техники выбросили из боевого один топливный бак, пулемет воздушного стрелка, смастерили в освобожденном пространстве рабочее место инструктору. Удобств было мало, да и обзор плохой, но все же второе параллельное управление мотором, самолетом и кое-какие приборы давали возможность командиру оценить возможности летчика, а при необходимости и показать ему, как надо управлять машиной. Работать в самодельной кабине очень неудобно, и поэтому прозвали ее «дыбой». Молодежь смеялась: «Если хочешь быть командиром, вначале освой «дыбу». Сохатый половину своей летной жизни проводил в этой самоделке, пообвыкся в ней, приспособился и даже видел в ней некоторые преимущества перед заводской.

Между инструктором и летчиком практически не было перегородки. Если отказала внутренняя связь, можно дотянуться до ученика рукой, заставить его оглянуться или наклониться в сторону. Тогда Сохатый видел, что показывают передние приборы и что делается в кабине с ее оборудованием.

Закончив свою подготовку и наблюдая, как готовится к вылету летчик, подполковник думал о Хохоне и докладе Тулкова. Думал не впервые и всегда с противоречивостью в понимании этих людей.

Летая с новичком, командир эскадрильи всякий раз ругался и доказывал, что новый пилот летать не хочет и его надо при первой возможности демобилизовать. Хохоня же в разговоре с глазу на глаз и в присутствии Тулкова уверял, что летать хочет, но у него не получается так, как от него требуют, потому что никто раньше «летать по инструкции» его не заставлял.

...Хохоня вел самолет с набором высоты в пилотажную зону. А Сохатый, как и на взлете, продолжал неслышно для летчика держаться за управление: изучал реакцию — движения летчика. «Взлетел ты не очень прямо, но в рамках допустимого», — думал он.

Открывшийся его взору мир радовал: зеленосиние Альпы мягкими волнами вершин уходили вдаль, и где-то за пределом видимости Ивану представлялись Италия и Югославия; на юго-восток озеро Нойзидлер Зее, как зеркало огромного прожектора, возвращало солнечный свет в небо, и это сияние, как маскировочный полог, укрывало землю Венгрии.

Ближе, в горной части ландшафта, как разноцветный ковер, лежала Вена. Окаймленная петлей Дуная, она из своей низины не видела его, и только монастырь, как знаменитое крымское «Ласточкино гнездо», нависал с горного обрыва

над рекой, любуясь ее стремительным бегом и открывающейся до самой Чехословакии долиной.

— Товарищ командир, пришли в зону. Буду работать.

— Давай! Только постарайся! — Сохатый засмеялся. — Наш самолет сейчас одновременно из трех государств видно. Разумеешь?

...Хохоня терзал машину на крутых виражах, имитируя прицеливание, бросал ее в пикирование, затем уводил вверх горкой или боевым разворотом. Закончив один комплекс фигур, сразу начал второй.

Быстрые изменения положения Ила нравились Сохатому, но летчик управлял машиной резко, рвал ее, и это грубое обращение с самолетом порождало одну ошибку за другой. Сохатому было тяжело сидеть в кабине. Большие перегрузки сменялись невесомостью, по кабине носилась пыль, лезла в нос и попадала в глаза, но он терпеливо молчал, ничем не проявляя своего отношения. К третьему набору пилотажных фигур у Сохатого все явственнее стала складываться мысль, что неумение Хохони — показное. Сквозь смелость и резкость все больше проглядывало нахальство и расчетливое хамство. Виделись и тщательно скрываемые навыки. Ни одна фигура по своей чистоте не была выполнена с положительной оценкой. Но и отклонения от нормы, ошибки не вырастали в опасность для самолета. «Расчет, видимо, на то, что в мозги к нему командирам не забраться, а внешне — смелый, да только неумелый. Хитрость или дурость?»

— Товарищ командир, закончил задание. Можно снижаться?

— Дай мне управление, я тоже потренируюсь!

Иван покачал самолет с крыла на крыло, подвигал ногами, проверяя управление рулем поворота, и, убедившись, что Хохоня ему не мешает, начал пилотаж. Сохатый выполнял фигуры быстро и старательно, как будто вязал шарф. Пилотировал и думал при этом, что сдает экзамен, пожалуй, самый трудный за летную свою жизнь, потому что надо было попытаться своим умением заставить человека подумать о себе, вызвать в нем чувство стыда за хамство, допущенное к Тулкову и командиру полка.

Заставив Ил сделать все, что разрешалось ему инструкцией, Иван мысленно похвалил себя: «Ничего получилось. Не стыдно и в глаза поглядеть другому летчику».

— Хохоня, с меня хватит. Лети дальше сам, — Сохатый качнул самолет. — Посадка на твоей ответственности. — Подержал рычаги рабочей хваткой еще пару секунд, пока не услышал, что ручка управления зажила по воле другого человека.

После пилотажной круговерти полет на аэродром воспринимался Сохатым как отдых. По своей простоте возвращение не представляло какой-либо трудности для летчика, умеющего и желающего летать. Но Хохоня не захотел — теперь Иван уже был уверен в этом — выполнить возвращение наилучшим образом. Сохатый это нежелание «слышал» через рули, на которые не приходили от Хохони нужные распоряжения.

«Артист! Летать умеет, все видит, сукин сын, — говорил себе подполковник, — но не хочет. Ошибки при выполнении захода на посадку и в самой посадке за эти дни он показал нам в разных вариантах. И все со счастливым финалом».

...Сохатый сидел недалеко от самолета, курил и смотрел, как мотористы заправляют спарку бензином, а механик осматривает самолет. Да, надо полететь еще раз в зону, чтобы после этого принять окончательное решение. Ивана волновал не новый подъем в воздух, а разумность собственного поведения при разборе только что выполненного полета. Не торопясь, попыхивая папиросой, Сохатый старательно вспоминал детали разбора и уточнял к ним свое отношение.

Хохоня говорил о полете спокойно. И как часто бывает у большинства пилотов, что-то видел, а что-то и пропустил. Но от сказанного им убеждение Сохатого в обмане не рассеялось.

«Что мне его поучать? Парень по возрасту старше меня, пятнадцать лет учился — институт за плечами. Я, небось, в его понятии несмышлениш, а по общим знаниям — человек каменного века. Для него устройство Ила, наверное, проще велосипеда. Правильно ли все же я сделал, что не стал нажимать на полный обзор?»

Подготовка самолета к повторному вылету закончилась, и Сохатый пошел к машине.

...Минуты через три после взлета Сохатый понял, что Хохоня не разгадал мыслей и чувств, не учуял своего разоблачения. Артистическое увлечение игрой в неумение делали симуляцию слишком очевидной. Хохоня начал уже последний комплекс фигур, а Сохатый все думал о том, как заставить летчика раскрыть свое истинное умение летать, искал средство или способ, искал условия, в которых бы у летчика была отобрана любая возможность баловства с машиной, оставались бы только единственно необходимые и только правильные действия. Нужна была какая-то грань, острие ножа, отделяющее мир игры от мира естественных поступков.

После пикирования старший лейтенант начал боевой разворот с набором высоты. Ил выполнял разворот тяжело и неохотно, с заносом хвоста, но Хохоня упорно не хотел уменьшать отклонение руля поворота. Сохатый осторожно попробо-

вал ногами педали управления: они оказались зажатыми летчиком.

«Вот она, та ситуация,— подумал он,— если Хохоня не уменьшит заدير самолета вверх и не убавит отклонение руля поворота в конце разворота, будет предштопорное состояние. Если чуть-чуть увеличить ошибку — машина сорвется в штопор. Летчику деваться тогда некуда: надо будет выводить, действовать правильно и быстро».

Иван посмотрел на высотомер: без малого две тысячи метров. Для штопора маловато. Но для срыва и вывода из него достаточно. Посмотрим, как это у него получится.

Машина лезла вверх последние метры. Скорость упала уже ниже нормы, но прямой опасности падения пока не было, и, видимо, это понимал старший лейтенант, так как не уменьшал отклонения педали руля поворота.

«С нами чертова сила!» — подумал Иван и, пересилив не ожидавшего его действий Хохоню, двинул педаль управления рулем поворота вперед на всю длину ноги. И задержал ее.

Подчиняясь рулю, Ил, как стреноженный конь, заваливаясь в крен и опуская нос, сбрыкнул хвостом и пошел с вращением к земле.

— Хохоня, выводите! Я управление не держу!

Ответа не последовало.

Сохатый посмотрел вперед и удивился. Голова и плечи летчика были необычно низко опущены. Через лобовое стекло передней кабины Иван хорошо видел землю.

«Не смотрит на землю. Не видит штопора,— мысль Сохатого работала стремительно.— Надо вывести самому».

Сохатый взял управление и хотел поставить рули на вывод, но рычаги оказались зажаты намертво. Сил у Ивана не хватило.

— Хохоня, выводи из штопора!

Летчик молчал.

— Брось управление, я выведу!

В ответ — ни слова. Иван снова попробовал рули — зажаты.

Мелькнула злость на себя за эксперимент, на Хохоню за его испуг. Иван понял, что Хохоня сейчас не играет, а на самом деле испугался. Парализован, в шоке. И если он сам не выведет летчика из этого состояния, то они погибнут оба или ему надо прыгать с парашютом.

Изловчившись, Сохатый дотянулся до передней кабины и что было сил ударил Хохоню кулаком по правому плечу. Ударил еще раз по спине, между лопаток.

— Брось управление!

Миг — и Сохатый услышал свободу педалей и ручки управления. Враз поставил рули на вывод и посмотрел на высотомер.

— Сидите тихо! Не мешайте мне. Высоты хватит.

Машина послушно перестала вращаться, и Сохатый, передвинув педали в нейтральное положение, расслабил напряжение ног. В пикировании самолет понесся к земле. Торопиться выводить в горизонтальный полет теперь уже не рекомендовалось, надо было набрать побольше скорости, чтобы вывод из пикирования получился спокойным и надежным, обеспечивающим уход от земли боевым разворотом вверх.

Машина пикировала, а Сохатый с удивлением слушал своими ногами дрожь педалей управления. Дрожали они не сами по себе, а передавали испуг Хохони, у которого дрожали ноги.

Иван как ни в чем не бывало заговорил:

— Внимание! Выводим из пикирования на высоте сто метров. Так! Делаем вместе боевой разворот и восходящую спираль, пока не наберем три тысячи метров. На высоте берете управление и самостоятельно выполните с прямолинейного полета срыв в штопор. Времени до этого момента много еще. Рассказывайте, как будете вводить машину в штопор и выводить.

Хохоня на предложение не ответил.

— Что молчите, старший лейтенант?

— С мыслями собираюсь. Хочу правильно сказать и точно приказ выполнить. Не штопорил ни разу. Подумать надо...

На высоте три тысячи метров Сохатый убрал обороты мотора.

— Делайте, как рассказывали!

— Выполняю, командир!

Летчик сказал это быстрее обычного, скороговоркой и напряженно. Иван уловил вновь возникшее возбуждение, за которым прятался страх. Самолет летел без снижения, и от этого нос его поднимался вверх, а скорость полета быстро уменьшалась. Сохатый не торопил летчика, давая ему возможность собраться с духом... На педалях управления опять появилась дрожь: «боялась» какая-то нога Хохони, а может, обе сразу. «Что же он тянет? Если сейчас не даст ноги, то машина перейдет на нос и начнет набирать скорость самостоятельно... Так! Все же решился!»

Ил, повинувшись воле летчика, как хорошо дрессированный конь, послушно выполнил полученную команду, пошел, как приказала ему подрагивающая правая педаль.

Сохатый, считая про себя секунды, заинтересованно ждал. Прошло около семи секунд, и рычаги управления переместились в положение вывода из штопора. Все было сделано правильно, и самолет ответил на грамотные действия полным послушанием.

— Выводите, Хохоня, из пикирования. Наби-

райте высоту прежнюю и сделайте это же самое с виража.

— Может быть, товарищ командир, хватит! Отдохнуть бы маленько надо. Непривычно очень.

— После полета отдохнете. Пользуйтесь моей добротой. Когда я еще разохочусь на штопора в другой раз, неизвестно. Вам же их прочувствовать по-настоящему следует, чтобы коленки не дрожали. Вы не обижайтесь, потому что у меня тоже в свое время на штопорах озноб появлялся. Привычка и уверенность, как и умение, — великие помощники нервам. Так что не стесняйтесь...

Закончившийся полет нового в понимании Хохони ничего Сохатому не дал. Испуг, как проявление человеческой слабости, был не в счет: любой человек боится неизвестного. Второй и третий штопоры оказались для него легче, потому что хотя и вынужденно, но сознательно шел на них и победил в себе страх. На разборе полета Иван убедился окончательно, что Хохоня летать может, да только не хочет. Играет в полете роль неумеющего, а на земле — чистосердечную наивность.

Двуличие Хохони было противно Сохатому, но он все же сдержал себя, не открыл летчику

своего понимания, решив подумать и еще раз проверить свои выводы.

— Товарищ старший лейтенант, разбираете вы полет и ошибки в нем достаточно полно и правильно. Думаю, что эти два обстоятельства дают мне право надеяться на вас, как на пилота. Летали же до этого на войне, и все было нормально. На завтра командир эскадрильи планирует вам четыре полета по кругу, а потом и в зону полетите. Вы-то уверены в себе? Справитесь?

Предложение оказалось для Хохони опять-таки неожиданным и привело его в растерянность. Лихорадочные скачки противоречивых мыслей, борьбу правды и кривды, летного честолюбия и отказа от него Сохатый наблюдал терпеливо. Но молчание угнетающе затянулось, и он повторил свой вопрос:

— Старший лейтенант Хохоня, да или нет?

— Товарищ подполковник, растерялся я. Сколько раз летал с капитаном Тулковым, так он ругал меня самыми последними словами. Вы же ни одного плохого слова мне не сказали, даже когда я на штопоре опозорился, а выпускаете завтра в полет без провозного. Вот у меня мозги и не встанут никак на место.

— Не ругал, наверное, потому, что со мной лучше слетали... Так как с мозгами, встали на место? — Сохатый улыбнулся. Мелькнула смешинка и у летчика.

— Полечу, товарищ командир! Только, может быть, все же лучше провозной?

— Не надо. Так справитесь!

Оставшись один, Иван задумался над судьбой только что ушедшего от него человека... То, что допуск к самостоятельным полетам для него оказался неожиданным, Хохоня признался сам. Отказаться от полета он не смог. И теперь остается только ждать, куда он полетит завтра: в демобилизацию или в армию. Только после этих полетов и определится окончательно — о чем с ним стоит побеседовать.

Почему же Хохоня настроен уйти из армии, хотя получил по собственному желанию профессию летчика и офицерское звание? Может, надеется как-то иначе построить свою жизнь? Для летчика он староват. Сейчас командиры эскадрилий и полков моложе его, и он не уверен, что тут ему удастся быстро пробиться вверх?

Первая группа самолетов ушла на полигон... Там, где разбегались при взлете Илы, многоцветное сверкание росы в лучах солнца оказалось нарушенным. И машина Хохони, идущая в полет за ними следом, казалось, выринула не на взлетную полосу, а на широкую и прямую, темно-зеленого цвета, только что вымытую и не успевающую обсохнуть дорогу.

Время подготовки истекло, но Хохоня молчал. Молчал и Сохатый, решив не принуждать старшего лейтенанта в принятии решения. «Как никак, — думал он, — человек определяет свою судьбу!» И очередной летчик, ждавший, когда освободят ему полосу для взлета, оказался тоже терпеливым. Наверное, помнил, что перед ним взлетает пилот самостоятельно первый раз в новом для него полку, да еще и после длительного перерыва в полетах.

Наконец Хохоня запросил разрешение на взлет, и Сохатый, сдерживая голос, дабы не пропустить в эфир нотку своей радости, дал разрешение.

Посмотрев взлет, Иван удовлетворенно подумал: «Что же, ушел в небо хорошо. Через минут десять посадка. Она и прояснит наши с ним отношения».

Занимаясь другими самолетами, он все время посматривал за идущей по кругу машиной Хохоня: летчик шел на правильном удалении от аэродрома, сделал где полагается предпоследний разворот. Только когда самолет летел уже на посадочном курсе, у Сохатого появилось ощущение тревоги, потому что чем ближе подводил Хохоня машину к полосе приземления, тем больше запаздывал с потерей высоты.

— Хохоня, посадку запрещаю! — сказал Сохатый по радиации. — Последний разворот сделай на пятьсот метров дальше, и все будет в порядке.

...Новый заход: летчик увел самолет дальше нормы и начал рано терять высоту. Сохатый решил помочь:

— Не снижайся, Хохоня. Пройди семь, десять секунд в горизонтальном полете, а потом планируй!

Летчик совета не послушался. Машина провалилась вниз.

«Наверное, теперь не видны и посадочные знаки. Зацепится за что-нибудь, красавец».

— Хохоня, запрещаю посадку. Уйди на второй круг... Ты знаешь, что такое артиллерийская вилка: недолет-перелет. Вот теперь и делай расчетный разворот между первым и вторым разом. Понял? Ответь!

— Понял, командир! Выполняю.

Хохоня летел, а Сохатый корил себя: «Неужели я такой болван, что не мог разобраться в летчике, не сумел отличить нежелание от неумения. Если это так, то дрянной из меня, а скорее никакой руководитель... Не может быть у меня ошибки. Он же продолжает игру, паршивец: артиллерийскую вилку показал уже на практике. Значит, видел первый перелет и сделал на втором заходе большой недолет... Только бы не переиграл».

— Всем, кто летает по кругу, набрать шесть-

сот метров, наблюдать друг за другом и ходить молча. Кто идет с полигона, занять девятьсот метров и ждать над аэродромом команды...

— Хохоня, как слышишь?

— Хорошо слышу!

— Выполняй мои команды. Делай третий разворот.

— Выполнил.

— Вижу. Снижение два метра в секунду. Выполняй четвертый разворот. Установи заданную скорость и правильные обороты мотора. После разворота выпусти закрылки.

— Сделал.

— Наблюдаю тебя. Идешь правильно. Обороты чуть меньше, — Сохатый шепотом выругался: опять нарастала ошибка первой посадки, — я тебе сказал: меньше обороты! Чего молчишь? Ответь! Заело, что ли?!

Летчик не ответил. Самолет опять не успевал с потерей высоты. Надо было угонять пилота на новую попытку.

— Хохоня, на повторный круг! Выполняй, тебе говорят!

Ил прогудел над головой Сохатого, и ему слышалась в реве мотора насмешка. Он, казалось, явственно услышал, как Хохоня кричал ему из кабины: «Маленько еще полетаю! Бензин-то есть! Посмотрим, у кого нервы крепче!»

«Вот, Ваня, твоя психология: ты с добром, а он тебе фигу. Глотай, только не подавись. В войну такого никогда не было и быть не могло. А вот теперь... Знакомься, командир, с новым видом увольнения из армии. А начнешь ругать, тут же скажет: «Моей вины тут нет. Я же просил у вас еще провозной, а вы мне отказали... Старался, да не получилось».

— Хохоня, как слышишь?

— Хорошо слышу, командир!

— Делай все, как в последнем полете, только чуть меньше обороты после четвертого разворота.

— Понял, выполняю!

«В голосе ни волнения, ни боязни, ни радости, — решил Сохатый. — Значит, играет, нахал, в дурачка. Если угадал, то сам сядет. Жить-то хочет. Подскажу только в крайнем случае».

Сохатый закурил, чтобы как-то отвлечься и успокоиться, но услышал за спиной шум автомобиля. Обернулся на звук. Подъезжала полуторка: рядом с шофером подполковник Зенин, в кузове, навалившись на кабину грудью, капитан Тулков. Шофер затормозил, и оба офицера быстренько оказались рядом.

Глядя на них, Сохатый глубоко вдохнул в себя горячую дымную струю и закашлялся: пересохшее горло ободрало, точно наждаком. Со

злостью швырнул под ноги папиросу, наступил на нее каблуком.

— Чего приехали? Помогать или сочувствовать?

Тулков стусевался и промолчал. Зенин же на грубость не прореагировал.

— Помогать — только мешать. Волнуемся, вот и приехали. Репродуктор на стоянке не на одних всполошил. Радиообмен-то слышно. Летчики и механики стоят, как гусаки на страже, шеи повытянули, только что не шипят.

— Ладно уж, не волнуйтесь. Сядет он. Надоест разыгрывать идиота и приземлится. Прав капитан Тулков оказался: не хочет этот парень ни с нами, ни с военной авиацией знаться. Добивается, чтобы уволили. Но не по его личному желанию, а по сокращению штатов. Так ему сподручней новую жизнь начинать.

...Хохоня вновь планировал на посадку. И опять шел выше положенного. Сохаты прикинул, где может приземлиться самолет при такой ошибке. Получалось — метров на пятьсот перелет.

— Садитесь, Хохоня.

Тулков заволновался, дернулся к Сохатому, открыл рот, собираясь что-то сказать, но подполковник жестом руки остановил его.

— Не надо. Пусть приземляется. Места хватит.

Летчик выравнивал самолет, подпускал его к земле все ближе и вместе с ним «делал» посадку замполит: подполковник по мере снижения Ила приседал все ниже, как будто его кто-то невидимый придавливал к аэродрому. Когда после приземления машина немного отделилась от земли, он синхронно с ее движением тоже дернулся вверх, а потом вновь присел.

Подскочив на полметра, Ил плюхнулся на землю и покатился вдале, постепенно теряя скорость. Посадку и полет теперь можно было считать законченными. И убедившись в этом, Зенин распрямился, шумно вздохнул:

— Дьявол окаянный, а не летчик. Привлеку к партийной ответственности за фокусы.

— Ничего ни тебе, ни ему это не даст. Ничего не докажешь. Приборов, записывающих полет, у нас нет. Вместо фактов — эмоции. Скажет, что не справился с заданием. Командиры, вместо того чтобы учить, торопили, а сейчас оговаривают его, потому что не понравился он нам. Избавиться хотят. Лишних много. Тут и конец критике... Тулков, поезжай на стоянку. Высади его из самолета, и чтоб никаких разговоров. Закончим полеты, потом разберемся...

Вечером старший лейтенант Хохоня в присутствии подполковника Зенина и капитана Тулкова признался Сохатому, что хочет уйти из армии. И подал рапорт на демобилизацию...

И В РАДОСТИ ГОРЕ

Окончена академия.

Подполковника Сохатого распирала радость. Иван Анисимович чувствовал себя альпинистом, покорившим высочайшую вершину и теперь разглядывающим с ее высоты открывшийся ему новый горизонт. Удовлетворение достигнутым заставляло от него в этот миг простую мудрость, что двух одинаковых даже на один пик не бывает восхождений, что с человеком от прошлого остаются только знания и опыт, а трудности в пути встречают его всегда новые. Он, выросший в огне войны от младшего лейтенанта до подполковника, сформировавшийся в условиях фронтового демократизма, не очень-то представлял ожидающие его ухабы на командирском пути и будущих воздушных дорогах, на которых, как и у скалолазов, трудны подъемы, но не легче и спуски.

Получив диплом и сказав, что положено в таких случаях поздравившему его начальнику, Иван спустился со сцены в ярко освещенный люстрами зал навстречу счастливой улыбке и теплоте взгляду Любы. Многоликое, по праздничному одетое общество — нарядные женщины и не менее красивые в своих парадных мундирах офицеры. Он шел навстречу друзьям и товарищам.

Люба откинула сиденье кресла рядом с собой, шепнула:

— Садись, Ванечка. Поздравляю!

И поцеловала в щеку.

Иван взял ее руку и тихо прижал маленькую ладошку к своему подбородку:

— Я тебя, Любушка, тоже поздравляю!..

Они неторопливо шли домой. Легкий ветерок подметал асфальт площади Революции. В безлюдии и ночной тишине здание гостиницы «Москва», площадь, Кремлевская стена и ее угловая башня, островерхий куб Исторического музея...

Завершился еще один этап в жизни Сохатого.

— Ванюша, — Люба чуть помолчала, — хочешь, я отгадаю, о чем ты думаешь?.. Торжество кончилось: отзвучали тосты, отыграла музыка и, наверно, сегодняшним выпускникам никогда больше не удастся собраться вместе, поговорить на равных. Через день начнутся назначения. Разные... И — работа.

— Ты права, умница... Академический отличник может оказаться в деле посредственностью, а троечник — наоборот... Но любому из нас — с прямой спиной и самостоятельностью мнений — легко в дороге не будет. Только все ли изберут трудный путь?

— А ты какой выбираешь?

Люба снизу вверх, наискосок вскинула голову, и глаза их встретились. В отсвете уличного фонаря глаза жены блестели загадочно, мысль в них Ивану прочитать не удалось, и он ответил честно:

— Такой же, как на войне.

— Набьют шишек,— она засмеялась и взяла мужа под руку.

...Время летних отпусков, школьных и студенческих каникул миновало, прошедшее и будущее расположилось от Сохатого на одинаковом удалении. Он ехал в купе мягкого вагона. Один. Это было как раз кстати: можно было проанализировать события последних дней и свое новое назначение.

«Что я приобрел за эти дни?» — в который уже раз он задавал себе этот вопрос.

Сохатый проявил твердость и отстоял свое желание летать на новой, реактивной машине, а не на самолете времен войны, который уже устарел, но пока еще на вооружении. На реактивном бомбардировщике ждала и новая интересная работа, он делал шаг в следующий авиационный век.

А что же потерял? Командование осталось недовольным настырностью Ивана. Молчаливо признав в конце концов его доводы разумными, оно — не за строптивость ли? — назначило Сохатого на прежнюю должность. Это уже серьезно, так как иногда у командира полка не хватает сил и времени, чтобы подняться на более высокую служебную ступеньку.

Сохатый лег на диван и закинул руки под голову. Пытаясь избавиться от служебных вопросов, он стал было думать о Любе и сынишке, о предстоящем переезде их к месту его службы, но стук колес на стыках рельсов желанные мысли перебил.

«Так-так! Так-так! Так-так!» В этих «так-так» слышались ему интонации маршала авиации, который то ли вопросительно, то ли одобрительно сказал ему при беседе:

— Так-так! Значит, только на реактивную технику? Так-так! А кого на старую? Все хотят на новую, а я сам и для старой уже стар...

Иван улыбнулся, закрыл глаза... Колеса продолжали перестук. Но теперь слышалось: «Да-да! Но-ва-я... Да-да! Но-ва-я...»

Новый самолет — он стал думать о нем — это не только другие фюзеляж, крыло, двигатели и топливные баки. Не только новое оружие, приборы и оборудование. Это новый уровень точности, автоматизации, прочности и возможностей. А полк — новые люди, ведь многие уволились: кто-то, как Хохоня, например, не захотел слу-

жить, других демобилизовали по возрасту и недостаточному образованию, третьи оказались непригодными на реактивную технику по состоянию здоровья. Из училищ же все эти годы приходила в полк молодежь, более грамотная, но без фронтового опыта, воспитанная уже на несколько иных принципах... Сегодняшние технократы, не зная войны, уповают на возможности техники, забывая, что капиллярами и нервами войны являются люди. Техника-то сама не воюет. А если уже говорить начистоту, то войну забывать нельзя: помнить, все надо помнить. Прошлый опыт нужен не мертвым, он для живых нужен. Да, новая техника... Но какой авторитет будет у командира, если он не лучший летчик в полку.

Реактивный бомбардировщик, разгоняясь до бешеной скорости, промчался по серой бетонной полосе навстречу горизонту. Это — секунды, когда Сохатый и машина, слившись воедино, по-настоящему ощутили свою силу.

Иван с удивлением и восторгом наблюдал, как машина непривычно быстро подминает под себя сотни метров высоты, продолжая по-прежнему прибавлять скорость. Ближе наблюдаемая при взлете линия горизонта с увеличением высоты полета все стремительнее отодвигалась вдаль, как бы внушая Ивану: «Сколько ни гонись, все равно не догонишь».

Сохатый вновь отметил в себе чувство единения с машиной и знакомые ощущения полета. Сегодня он не только работал и прислушивался к себе, но и наслаждался: послушность машины его воле, продуманность рабочего места пилота и стерильно чистый воздух кабины, отсутствие шума и надоедливых вибраций, без писка и треска радиосвязь, огромная — по сравнению с боевым «старичком»-Илом — скорость делали полет по-новому приятным. Пролетав всю войну у земли, Сохатый зачарованно смотрел, как с набором высоты все глубже тонет земля в голубоватом воздухе. Мощный бомбардировщик стремительно сблизился с облаком, проткнул его и враз выскочил наверх. Скорость выстрелила машину в чистую густую синеву, и Иван повел ее крутым разворотом на новый курс.

— Радист, как дела, как связь?

— Все в порядке, товарищ командир. Связь со всеми корреспондентами устойчивая.

— Штурман?

— Работаю по плану. Курс заданный, командир. Держать прямую!

Сохатый оглянулся: по небу белым обручем был прочерчен горячий след самолета — путь первого самостоятельного полета в новой машине, начало его летной мирной дороги.

Пара бомбардировщиков под началом подполковника Сохатого не успела полностью закончить бомбометание по целям на полигоне, когда его стрелок-радист получил радиограмму: «Погода ухудшается. Задание прекратить. Возвратиться на аэродром!»

Выслушав приказ, Сохатый подумал о том, что штурманы не успели выполнить еще одно бомбометание и поэтому их уменьше в целом за этот полет трудно будет оценить, но, поразмыслив, успокоился: полет предназначается главным образом ему как летчику в качестве ведущего, чтобы полностью закончить программу освоения новой машины.

Иван посмотрел на рядом идущий самолет летчика-инструктора Пушкарева, которому было поручено обучать его на реактивном бомбардировщике, выключил автопилот и нажал кнопку передатчика.

— Пойдем, капитан, домой. Главное сделано. Мой план выполнен полностью. За экономию бомб еще спасибо скажут.

— Понял, командир.

Сохатый вел бомбардировщики на базу, а думал о взаимоотношениях летчиков между собой, которые ни в одном другом виде деятельности не только не повторяются, но и не принимаются.

Ему, подполковнику, определили учителем капитана, который в данный момент и на этой машине оказался подготовленней, чем он, и это было принято Иваном как само собой разумеющееся. Его, командира полка, провоевавшего всю войну пилота, обучал командир звена, который не нюхал пороха. Такая ситуация нисколько не смущала и Пушкарева, он делал замечания, требовал повторений, выставлял оценки...

Ниже самолетов облака все больше набирали силу, тяжелели, разбухали, а их легкий и приятный глазу светло-белый цвет менялся на серый и угрюмо-синий.

Сохатый, разглядывая смену расцветки верхней облачной кромки, представлял, что и другая граница облаков, пока еще не видимая ему, тоже меняется,— все ниже опускается к земле. Он посмотрел на прибор, измеряющий температуру наружного воздуха, потом на высотомер. Цифрами остался недоволен: они предупреждали — в облаках жди обледенения, а под ними — мокрый снег. Иван проверил работу противообледенительной системы и вызвал штурмана.

— Макара Степанович, обледенения жду. Свое оборудование проверил. Не забудь включить свои приспособления.

— Сделаю, Иван Анисимович.

— Сейчас будет радиомаяк аэродрома. Докладывайте о прибытии, запрашивайте условия и

погоду! Заход на посадку по одному, самостоятельно.

...Сохатый приготовил бомбардировщик к посадке, снижал его через облака на аэродром. По фонарю кабины ползла мутная, водянистая каша снега. Сосредоточенно считывая показания приборов, Сохатый молча то и дело подправлял полет машины, заставляя ее идти как можно точнее по прямой, к началу посадочной полосы. Взгляд его безостановочно выписывал замысловатый путь от прибора к прибору, нигде не задерживаясь, и он как бы сразу видел всю доску. Видел умом, и не только то, о чем говорили стрелки, но и определял тенденцию их последующих перемещений.

До полосы — десяток километров. Мысли осаждают, непрерывно обновляя оценки полета, но в слуховом отделе мозга все время работает самостоятельный контролер — он слышит радиобмен штурмана с землей и отмечает, что независимая от его, Ивана, система отсчета курса постоянно подтверждает правильность показаний приборов в его кабине. Сохатый знает, что штурман, как и он, летчик, так же внимательно смотрит за своими приборами, сравнивает их показания с докладами земли.

Наконец, в кабинах летчика и штурмана звонил звонок, принявший сигнал от маркера, установленного на дальней привозной радиостанции аэродрома, и стрелка радиоконписа согласилась с поданным сигналом — до посадочной полосы четыре километра, до приземления — одна минута.

Сохатый, враз охватив взглядом три компаса, уточнил курс небольшим поворотом и полностью выпустил посадочные закрылки. Осталась одна задача: удержать машину в повиновении, чтобы она не ушла в сторону, не потеряла раньше времени высоту и не сохранила ее излишки.

Еще несколько секунд приборного полета, и бомбардировщик «увидел» подоблачный хмурый мир. Дождь смыл со стекла кабины снеговую кашу, и Сохатый облегченно вздохнул — увидел посадочную полосу...

Он рулил бомбардировщик на стоянку, когда услышал голос руководителя полетов, подающего команду Пушкареву:

— Довернись вправо! Полоса справа!

— Вижу, но доворачивать поздно,— голос капитана звучал довольно спокойно.— Иду левее тридцать метров. Зайду повторно!

Иван Анисимович посмотрел вверх и успел заметить самолет Пушкарева, входящий опять в облака... «Почему же он не попал на полосу? Не справился с приборами, с самолетом или с самим собой?» — подумал он.

Наверное, наиболее правильное последнее

предположение. Если он испугался этой погоды, то чувство страха породило излишнюю нервозность и перенапряжение, непозволившее ему спокойно управлять машиной. Суетливость в действиях отнюдь не помогла ему устранить отклонение самолета от расчетной траектории, но и способствовала наверняка появлению новых и более крупных ошибок.

Да и Сохатый на этом самолете впервые попал в такую сложную погоду. Боялся? Вполне возможно. Лицо в испарине, взмокла спина. Только он за войну научился изгонять страх, оставалось лишь обостренное ощущение опасности. Самое большое напряжение Иван всегда подмечал в себе, когда в небе врага не видел зенитных разрывов, когда знал, что рядом фашистские истребители, но не мог их найти. Будто глаза завязали и приказали идти по дороге, где ямы да колья. Никто не знает средства избавления от страха, только привычка снижает остроту его ощущения.

Сохатый услышал доклад Пушкарева о выполнении первого разворота в сильном обледенении. Примерно через минуту в наушниках вновь послышался голос капитана.

— Выполняю второй разворот. Началось обледенение двигателей, падает их тяга и растет температура выходящих газов.

— Пушкарев, — голос руководителя полетов. — Уходи срочно вверх!

— Поздно, обороты двигателей не увеличиваются. Буду тянуть как есть, постараюсь зайти на посадку.

Сохатый понял трагизм создавшейся ситуации, но ничем не мог помочь летчику, да и не имел права вмешиваться сейчас. Чувство своей беспомощности, стороннего наблюдателя было тягостным, на сердце накатывалась тревога: может не хватить Пушкареву работоспособности двигателей.

Минуты через три опять послышался взволнованно звенящий голос летчика:

— Остановились двигатели. Нахожусь перед третьим разворотом. Под нами должен быть лес. Сажусь.

— Запрещаю садиться, катапультируйтесь!

Ответа на приказ не последовало...

Сохатый вылез из кабины с мыслью, что опытный летчик не прыгал только потому, что была мала высота — не обеспечивала раскрытие парашютов. У Пушкарева осталась лишь надежда на благополучную посадку — один счастливый фант из тысячи.

...Подъехал командир, руководивший полетом:

— Что вы, Сохатый, скажете о погоде?

— Снег и обледенение в облаках подтверж-

даю. Видимость под облаками из кабины чуть больше километра. Дождь и снег мешают.

— У вас же двигатели не остановились?

— Во-первых, я меньше времени находился в облаках, во-вторых, снижаясь, шел на пониженных оборотах. И у Пушкарева двигатели работали в пределах нормы, пока он не полетел на повторный заход. Вы же знаете, что в нижней кромке обледенение более интенсивное.

— Ну, это уже теория... Чтобы хорошо летать, надо лететь мыслью впереди самолета... Придется писать каждому из нас рапорт о полете...

— Рапорт не убежит. Напишу... Хотелось бы с вами на место поехать. Хоть и печальная, но наука.

— Нечего вам там делать. Чего доброго, заботитесь потом летать.

Сохатый грустно улыбнулся.

— Мне можно, товарищ полковник. К сожалению, я столько повидал на войне, что можно...

ЧЕМУ ВЕРИТЬ?

Полковник Сохатый, сидя в пилотской кабине, глядел, как постепенно день угасает, уступает место ночи.

Подготовку самолета и экипажа к учебному вылету на разведку он специально закончил чуть раньше, чтобы побыть десяток минут наедине с вечером. Иван Анисимович любил в одиночестве наблюдать, как природа замирает в неподвижности, а даль все больше наполняется сгущающейся синевой. В наступающем вечернем безмолвии он улавливал печаль всего живого по уходящему дню, отчего и ему становилось немного грустно. Вечер — итог части бытия. За спиной остается прожитый день, а впереди, завтра, ждет нечто и знакомое, и неизвестное, теряющееся в неясности очертаний. Иван Анисимович пытался понять, почему такое ощущение у него появляется всякий раз, и долго не мог найти его источник. В конце концов, как ему показалось, он все же докопался до сути: четыре года войны почти ежедневно в вечерние сумерки полк прощался с погибшими в боях, отдавал им последние воинские почести. А после невольно думалось и о своем будущем дне войны. Засыпая, он иногда знал время своего первого очередного боевого вылета, но не больше...

Давно наблюдая себя в это время, изучая поведение летчиков, он убедился, что сумерки — время борьбы света и тьмы — всех берут в полон, только одни замечают в себе смену настроения, а другие, менее наблюдательные и эмоциональ-

ные, считают, что с ними ничего в этот период не происходит.

Если вечером в комнате Иван оставался один, он не торопился включать электричество. Наблюдал, как борются две силы — света и тьмы, а окружающее начинает видаться мягким и расплывчатым, стусшеваются расстояния. В какой-то момент он включал лампу и убеждался, что она — плохой помощник, так как без нее вроде бы даже виднее...

Полковник Сохатый, если не вынуждали обстоятельства, сам летал только ночью. Помимо обычных профессиональных сложностей, он видел в этом и трудности жизненные: летчик — дитя солнца, и ночью ему каждый раз приходилось преодолевать и этот, созданный веками физиологический барьер, заставляя себя оставаться работоспособным. К тому же в такой методике личной тренировки ему виделся и большой служебный смысл: экономилось его личное рабочее время, потому что летчик, летающий постоянно ночью, всегда готов полететь днем.

Уважительное отношение к ночному полету появилось у него давно. Наверное, с того далекого памятного боевого вылета в Польше, вокруг Сандомирского плацдарма, когда добровольцы превзошли не только себя, но и выиграли сражение за жизнь. Рассказывая тогда Любе, как они боролись с ночью, он поклялся ей, что овладеет ночным полетом, и сдержал слово. Двадцать лет прошло с тех пор...

Когда позволяло время, он любил уходить в ночной полет из сумерек. Реактивная авиация с ее скороподъемностью и большими скоростями позволяла ему в этом случае за один вечер трижды полюбоваться солнцем: посмотреть заход с земли, а потом, набирая высоту, увидеть, как оно вновь выплывает из-за горизонта ему навстречу, чтобы через некоторое время утонуть в густых красках заката, теперь уже до утра.

Иван Анисимович взлетел и устремился вслед скрывшемуся с глаз солнцу. Подчиняясь летчику, самолет-разведчик быстро набирает высоту, и чем она становится больше, тем ярче открывается экипажу западный небосвод в живых волнах полыхающего пожара.

Управляя машиной, Сохатый, с нетерпением ждал нового свидания с солнцем. По его расчетам самолет надо поднять выше еще примерно на тысячу метров, чтобы увидеть «восход»... Далекий горизонт уже искрится брызгами света. Еще несколько мгновений внимания, и скорость машины выталкивает из воспламенившегося неба звезду земной жизни. Солнце летит навстречу Ивану Анисимовичу нестерпимо ярким блес-

ком, принуждает его прижмуриться и пригнуться за козырек фонаря.

Никому, кроме летчиков, жизнь не дала счастья видеть так широко матушку-землю в ее разнообразии и неповторимом движении жизни.

— Штурман! Что молчишь? Иль не видишь чуда? Мы же с тобой нормальные люди, а не дальтоники. Разве можно остаться равнодушным к такому великолепию!

— Командир, не много ли слов? — в голосе Лапшина слышится дружеская теплота. — Сами же требуете от экипажа лаконичности... Формулирую: еще раз убеждаюсь, что не напрасно живем и на небе расписываемся... Будем работать. Давайте разворот вправо.

— Кто вы, товарищ Лапшин: сухарь, логарифмическая линейка или человек?

— Уточняю, если линейка, то — навигационная.

Оба смеются, довольные друг другом и чудесным подарком природы.

— Стрелок-радиотехник Золочевский, как ваши дела?

— Связь, командир, установлена. Самочувствие в норме. А небо — красиво.

Сохатый понял, что «хвост» слышал его и штурмана разговор. В экипаже не бывает секретов.

Самолет идет на север. Под его левым крылом огромный, дрожащий в движении воздуха красный диск солнца. Вращение земли опять начинает «опускаться» его в огненную пучину воздушного океана. На светлом экране заката четко прорисовываются молчаливо-бесстрастные, черные силуэты горных вершин. Они как бы плывут в расплавленном металле. Их не волнует прощальная феерия света.

Под самолетом простиралось Приморье, изобилие ландшафтов, характерных каждый раз совершенно новыми перспективами. Новый поворот. Курс навстречу ночи, бегущей по земле со сверхзвуковой скоростью. Она вырастает перед самолетом, как стремительно чернеющий тяжелый занавес. Все! Теперь и для экипажа день унесся в прошлое. Самолет окружила ночь.

Набирая силу, темнота все больше раскрывала перед Сохатым, Лапшиным и Золочевским глубину мерцающего звездами неба, позволяла все дальше видеть россыпи огней городов и поселков. И этот обозреваемый простор как бы расширял объем кабин самолета до огромных размеров, порождал ощущение непосредственной причастности к тому, что делается и выше, и ниже машины.

Экипаж работает молча. Тишина позволяет Ивану ощутить себя более или менее свободным и найти время для раздумья. Герметизация ка-

бин оставила за бортом вой двигателей и рев воздушного потока, омывающего холодом прозрачный фонарь. Из всего разнообразия шумов полета ему слышны только ровный, негромкий свист работающих на бешеных оборотах двигателей, слабое шуршание атмосферных помех в наушниках шлемофона да собственное дыхание.

Машина управляется роботом-автопилотом. И в зависимости от того, куда переключаются рули автоматов, с контрольной панели Ивану дружески подмаргивает какая-либо одна из девяти ламп. Дескать, давай, пилот, продолжай свой отдых, помечтай, если хорошо, а мы пока поработаем.

Спокойный полет порождает желание дополнительной деятельности, и Сохатый решает вновь проверить когда-то испытанное им ощущение парения, полного единения с окружающим его простором. Он полностью убирает подсвет приборов, накрывает полетной картой автопилота... Сидит в природной темноте и смотрит в небо так, чтобы взгляд скользил выше бортов кабины.

Проходит около минуты, и Ивана Анисимовича все явственнее начинает захватывать состояние полной отрешенности от земли. Постепенно пропадает чувство замкнутости кабины, исчезает остекление фонаря, уплывает вниз сиденье, а сам самолет остался как бы позади. Теперь Сохатый наедине с собой и летит на гребне неслышимой и невидимой им эфирной волны, несущей его все дальше и все выше, навстречу далеким звездам.

Высота одиннадцать тысяч метров. Над головой четвертая часть земной атмосферы, и есть прекрасная возможность полюбоваться невообразимо далекими, загадочными мирами, которые сейчас не затеняются земной пылью, движением самого воздуха и облаками... Иван нашел оба черпака Медведиц и Полярную звезду.

Вспомнив, что альфа Малой Медведицы на своем посту не вечна, он в хвосте Дракона отыскал Тубан, который через несколько тысяч лет вновь завладеет полярным олимпом. Сохатый с улыбкой подумал, что, оказываясь, и звезды «борются» между собой за почетное место... Совсем вверху черный бархат небосвода казался ему изъеденным молью — светилось огромное колесо Млечного пути.

Чудилось — обод этого колеса, обручем охватывающий небо, вращается. И мнимость вращения так захватывает, что Ивану приходит неожиданная, безумно-дерзкая мысль: «Может, это и не кажущийся обод, а самый настоящий бесконечно-огромный электромагнитный или еще какой-нибудь силовой кабель, вобравший в себя основную массу видимой нами Вселенной, кото-

рую какие-то неведомые нам силы раскручивают в подвластную их энергии сторону...»

— Командир, проходим берег. Впереди море. Ложимся на новый курс.

Слова возвращают Сохатого в реальный полет, к конкретным значениям слов «верх» и «низ», к тому, что они объединены в неразлучную пару своей противоречивостью.

Экипаж работает...

Ему предстоит выполнить за два часа полета в нейтральных водах два галса, раскраивающих море надвое, позволяющих обследовать водную акваторию лучом бортового лоатора. Каждая прямая — шестьдесят минут полета, грубо — длиной восемьсот километров. Осмотреть водную ширь и определить корабельную обстановку на море. Постараться разобраться, кого и куда ведут проторенные морские дороги, а кто идет по водной целине.

Сохатый представил Лапшина у экрана лоатора и немножко позавидовал ему... Штурман локационным глазом видел сейчас берега с изгибами и бухтами. На черном пустом поле индикатора, изображающем воду, Лапшин, наверное, рассматривал ярко блестящие точки плывущих кораблей и судов: изучал, фотографировал и записывал, чтобы потом на земле, после полета, оформить учебное разведывательное донесение.

Да и стрелок-радист тоже не сидит без работы: внимательно слушает аэродром вылета, не имея права пропустить вдруг адресованное Сохатому любое срочное донесение, и сам готов к немедленной передаче на землю телеграмм о работе экипажа и его места над водными просторами. Но это лишь часть его ответственности. Весь полет старшина Золочевский ведет поиск самолетов в воздухе, которые могут прийти сюда с чужого берега и оказаться рядом с их машиной с неизвестными намерениями, так как над международными водами летать никому не запрещено.

Члены экипажа заняты. Только Сохатый сейчас как будто самый свободный от важных дел человек: машину ведет автопилот, обороты двигателей, их температурные режимы, расход и остаток топлива в баках поддерживают автоматы, его легкие получают кислород в нужных дозах и пропорциях, которые тоже регулируются, но уже другим автоматом. Приборы докладывают летчику о всем жизненно необходимом для самолета.

Приборы... Они «проходят» через голову в нужной Сохатому, им самим же созданной последовательности, поэтому-то у него и остается время еще и для того, чтобы контролировать и руководить действиями подчиненных. Сейчас экипаж над морем один, но иногда самолетов

бывает рядом сразу по многу десятков, и тогда уже с распределением внимания командира, с поиском свободного времени сложнее.

В настоящий момент в содружестве экипажа и машины все хорошо. Не горит ни одна красная лампа, не звонит ни один звонок тревоги. Но может случиться и так, что командиру корабля подадут аварийный сигнал сразу несколько оборвавшихся магистралей. И вот тогда свет и звук аварийной сигнализации ударит по нервам, показывая отказ или опасность для жизни какой-либо системы самолета или члена экипажа. Будет торопить с принятием решения. И в этой обстановке командиру нужно будет найти правильное решение, которое чаще всего единственное. Решать в таких случаях приходится быстро и умно, а действовать не торопясь, но поспешаючи, так как на переделку, повторное решение времени иногда не бывает.

Над головой Сохатого по-прежнему яркая россыпь драгоценных камней, но он видит, что впереди она начинает пропадать. Появившаяся среди звезд полоска пустоты поднимается все выше, создается впечатление, что самолет теряет высоту. Через некоторое время ему кажется — он находится не в горизонтальном полете, а пикирует в невидимую далекую воду. Такое состояние для Ивана Анисимовича знакомо, оно не тревожит. Он сосредоточенно рассматривает показания приборов, и ощущение пикирования проходит.

Вскоре облака пропускают Сохатого в свои владения. Они крепко хватаются за машину и начинают разбалтывать ее с крыла на крыло, раскачивать на невидимых качелях.

Возмущенность потоков воздуха в кромке облаков для Ивана была тоже не нова, и он спокойно дожидался проникновения самолета в глубину облачной темноты, надеясь в ней найти спокойствие... Минуты идут, а обстановка не улучшается, и ему приходится, наконец, отказаться от услуг автопилота, взять управление в свои руки. Чем дальше он уводит своего разведчика в облачность, тем сильнее становится болтанка. Вскоре она вырастает до опасной. И это вынуждает его изменить план и характер полета.

— Штурман, прогноз подтверждается и факты не в нашу пользу. Придется снижаться! Может быть, пониже будет спокойнее?

— Все может быть. Только мы не знаем, командир, на каких высотах начинается и где кончается струйное течение.

— Если бы это было течение. Такое сумасшествие похоже больше на границу тайфуна...

— Радист! Сообщить домой: «Идем в облаках, сильная болтанка, обледенения пока нет.

На своем эшелоне лететь невозможно. Снижаемся, выполнение задания прекращаю».

— Понял, товарищ командир.

Сохатый снижает самолет... Тысячи метров остались выше, но болтанка прежняя. Ивану по-настоящему тяжело. От большого психического да и физического напряжения ему жарко, пот заливает глаза. Решив возвращаться домой, он плавно разворачивает машину на обратный курс. Осторожничают, потому что невозможно предугадать, в какую сторону будет брошена машина в следующий момент. Разворачивается со снижением, а про себя отмечает, что ему все больше кажется, как будто машина начинает «задираться» вверх. И с каждой секундой это ощущение в нем все сильнее и сильнее. И вот уже самолет «стоит» на хвосте, потом «накрывается» влево. Он широко открытыми глазами смотрит на авигоризонт. Авигоризонт показывает, что машина летит правильно.

Приборный анализ убеждает Ивана в отсутствии опасности, но он ничего не может поделать со своими ощущениями: состояние вздыбленности машины не проходит. Ему хочется как можно быстрее отдать штурвал от себя, заставить самолет опустить нос. Он весь в этом желании, до озноба. Чертыхаясь и поднатужившись, он дотягивается до реостатов ламп кабинного освещения и поворачивает их на полный накал, думая при этом, что дополнительный свет поможет ему избавиться от мучительно-волнующей иллюзии...

Сделал. В кабине — голубой день. И все же от ощущений избавиться не удастся: самолет по-прежнему «стоит» на хвосте и летит животом вперед. Ложное ощущение настолько захватывает Сохатого, что стрелки приборов начинают дрожать перед глазами и, расплываясь, теряют свои привычно резкие очертания.

«Вот напасть!» Он смотрит на часы и отмечает, что прошло чуть больше пяти минут, как длится иллюзия, а ему кажется, что борется он с ней целую вечность.

Иван смотрит на левый борт кабины, потом на правый, под приборную доску, дышит как можно глубже, чтобы погасить раздражитель вестибулярного аппарата... Напрасно. Эффекта никакого.

Тогда Иван по показаниям приборов устанавливает машину строго в горизонтальный и прямолинейный полет, добавляет обороты двигателям... Теперь чудится, что машина начинает опрокидываться на спину. На приборах все хорошо, а самолет уже заваливается на крыло.

Он снимает ноги с педалей, отпускает штурвал и кричит:

— Штурман! Рассказывай анекдот, ругайся,

пой, кричи. Делай что хочешь, но помоги избавиться от наваждения. Ничего не могу с собой поделывать. Кажется, что мы стоим на хвосте, заваливаемся на правое крыло и начали опрокидываться на спину.

— Брось, командир, ерунду рассказывать. Никуда мы не опрокидываемся. Я в локаторе море вижу и крена никакого нет.

— Глаза мои тоже видят, а тело не верит и голова не слушается.

— С нами, штурманами и стрелками, командир, такие фокусы частенько бывают. Но мы же молчим, и даже своим командирам об этом не говорим, чтобы зря не беспокоить.

— Хорошо тебе. А вот если бы ты баранку крутил?

Сохатый разговаривает, а сам в это время убирает лампой подсвета правый крен: уменьшает освещенность левой стороны приборной доски, отчего кабина у него на глазах как бы перекашивается, и правый борт поднимается вверх. «Выпрямляется» и его спина. Теперь ему кажется, что он сидит прямо.

После того, как самолет «выровнялся», Иван заставляет себя выполнить плановый разворот вначале вправо, потом влево, переводит машину в набор высоты, затем начинает снижаться... Разведчик слушается его команд, приборы оживленно разговаривают с ним, доказывая объективность. И хотя болтанка доводит экипаж по-прежнему, но несуществующие крены и вздыбливания больше не возвращаются, и Сохатый чувствует, как постепенно успокаивается его сердце, размеренным и неторопливым становится дыхание, расслабляются мышцы и обсыхает спина. Пальцы не сжимают железно штурвал, хотя в этом и раньше не было надобности...

Поединки с иллюзиями чаще всего заканчиваются победой человека. Но... всякое бывает.

В памяти Сохатого всплывает уникальный в своей неповторимости случай, когда летчик, по его докладу, половину полета, как ему казалось, находился вниз головою. Воевал сам с собой из последних сил, летел до момента прихода на аэродром, а потом доложил на землю, что побежден, и выпрыгнул.

«Хорошо, когда один. Выпрыгнул, и все, а если людей в самолете много, а парашютов нет? Сомнение в приборах — конец». Но и тут нельзя быть очень доверчивым, а надо работать по правилу: не верь одному прибору, а верь только группе приборов. Их коллектив не подведет.

Сохатый анализирует свое поведение, сопоставляет себя и экипаж. В нем вырастает дополнительное уважение к штурманам и стрелкам, которые, не имея на своих рабочих местах авиагоризонта — прибора, показывающего по-

ложение самолета в пространстве, — во много раз чаще, нежели летчики, испытывают ложные ощущения, но никогда не поднимают паники, доверяя свою жизнь командирам...

Как сложно, оказывается, управлять собой. И этому искусству надо учиться всю жизнь.

НА ЗЕМЛЕ

Часы показывали полночь.

Генерал Сохатый, стоя у окна, смотрел на большую воду залива и видел над ним, ниже сопки противоположного берега, беззвучно летящий гидросамолет — памятник летчикам севера.

Иван Анисимович верил часам, хотя за окном гостиницы не было видно ночи. Зачарованная солнцем полярного дня природа замерла в гипнотическом сне: недвижим прозрачный воздух, не колышится на березках ни один листик, не летают птицы, не слышно ни малейшего звука. В открытое окно с улицы струится тепло, не тревожа тюлевую штору, оно проникает в комнату, и его ласковое прикосновение Сохатый ощущает лицом.

Из всеохватывающей тишины в памяти всплывает птичий месяц — май. Северная птица возвращается к своим гнездовьям: шум крыльев всю ночь мешает людям спать; дети, засыпая, видят летящую птицу и просыпаются от шума крыльев; на аэродромах с трудом выбирают время, чтобы поднять самолеты в воздух. Птица летит день и ночь. И тундра, как человек, живущий трудной жизнью, радуется осторожной ласке начинающегося короткого лета и птичьему крику, сочится влагой, плачет слезами ручушек и ручьев, которые зимой не могут оживить никакие силы...

Время было ложиться спать, но сна ни в одном глазу, и Сохатый решает поехать к «Алеше», огромному монументу, возвышающемуся над городом.

Он позвонил дежурному, назвал себя и велел приготовить машину, но не выпускать из парка, пока он за ней не придет. Неслышными шагами, чтобы не тревожить спавших, Иван Анисимович вышел из летной гостиницы под светлое небо и вздохнул полной грудью. Остановившись на крыльце, он долго рассматривал растущие на каменистом косогоре низкорослые, искривленные зимними ветрами березы с ярко-зеленой, как будто только что вымытой листвой. В скрюченности стволов и ветвей, в полуобнаженных змееподобных корневищах увиделась ему их великая жизненная сила, успешно противостоящая жгучим морозам и зимней темноте.

Трудно привыкнуть, еще сложнее полюбить

здешнюю природную суровость. Не каждому такое по силам, но ведь и березовое семечко здесь прорастает, наверное, одно из миллиона.

Иван Анисимович собирался в автопарк, а пошел совсем другим маршрутом — к бюстам Героев Советского Союза — летчиков Северного флота.

Сохатый сел на «свою» скамейку и в который уже раз стал не торопясь читать надписи: воинское звание, фамилия, имя, отчество...

Молодость, беззаветное служение Родине, ненависть к врагу и презрение к смерти. Генерал многих из этого ряда знал лично, помнил, кто из них жив, а кто погиб, но не делал сейчас между ними различия, считая, что Герои живут до тех пор, пока их помнят. А их помнили!..

Если деревья уходят корнями в землю, то портреты этих людей уходили в их прошлое, и Иван Анисимович смотрел в их прошлое, как в зеркало на самого себя. Он читал надписи не торопясь, думал о войне: «На всех фронтах было трудно. Ни одному Золотая Звезда не досталась случайно. Каждый бой у любого из нас мог оказаться последним. Но вам, ребята, все же было труднее, чем многим». Сохатый представил

себя на штурмовике над леденеющим морем вне видимости земли, потом над метельной тундрой и ее летними болотами, над гранитными обрывами скал и непроходимой черной тайгой... Любая вынужденная посадка или прыжок с парашютом, думал он, пустячное ранение превращали жизнь в призрачное понятие. Парашют, лодочка и спасательный жилет, если успеешь их надуть в ледяной воде, да и вся одежда — не для этого моря. И подтверждением этому судьба подполковника Сафонова. Утонул на глазах английского конвоя: не подошли, не подобрали союзнички...

Теперь можно и к «Алеше».

Серпантин дороги, оставив ниже себя город, вывел автомобиль на сопку. Сохатый вышел из машины метров за пятьсот от макушки горы, чтобы, поднимаясь по тропе, вначале охватить взглядом весь памятник, а уж потом понятие частности. Винтовым нарезом тропы Иван Анисимович поднимался вверх. И по мере его восхождения «Алеша» немного как бы поворачивался и вырастал. Вначале была видна голова в каске, потом показались плечи, и, наконец, памятник открылся полностью.

— Здравствуй, Алеша!

Извини, что нарушаю твой покой и гордое одиночество, думалось Ивану Анисимовичу. Нет, ошибся. Ты никогда не бываешь одинок на нашей сопке, прикрывающей город и порт от буйных северных ветров. Люди, живущие на этой земле, постоянно приходят к тебе и благодарят, как умеют. Гладят зенитные пушки, оставшиеся здесь еще с лихолетья. Сколько должно было дотронуться рук до стали их стволов, чтобы металл отполировать до блеска... Наверное, ты знаешь, но мне трудно представить, сколько людей благодарны тебе... Великая Отечественная выросла в нас и в нашу жизнь. Само существование наше мы разделили в душе на три больших периода: до войны, в войну, после войны... Ты — вечный гражданин, Алеша. Солдат! У ног твоих надгробная плита памяти о всех погибших на этой земле в Отечественную...

Иван Анисимович старался представить «Алешу» и вечный огонь в полярную ветреную ночь. В насквозь простывшей вьюге. Для живущих в городе, для проходящих и уходящих судов вечный огонь увиделся как маяк, который не только светил, указывая путь, но и согревал надеждой.

На теплом мраморе надгробия лежали живые цветы. Цветы здешние и цветы южные. Особняком лежали нежные чайные розы, почему-то повязанные зеленой лентой.

Иван Анисимович нагнулся, взял цветы в руки и расправил ленту.

— Послушай, Алеша,— сказал он вслух: — «Спасибо вам всем, Алеша! Мы любим! У нас свадьба!» Мы, наверное, с тобой, солдат, одногодки? Это приходили влюбленные и благодарные дети поделиться с тобой своей радостью.

Сохатый снял фуражку, совсем не по-военному стоял с непокрытой головой.

Молчит «Алеша». Автомат за плечом. Большие, натруженные работой и войной руки отдыхают, придерживая ремень оружия. Он задумчиво смотрит вдаль. Разглядывает далекие сопки, убегающие от него параллельными грядками все дальше и дальше. Что он там видит в этой сиренево-розовой, теплой, уснувшей дали? Может быть, границу?

Иван Анисимович смотрит туда же, куда и «Алеша», глядит на залив, на мягкие линии гор, уплывающих в дымку...

Каждый час у мемориала матросской славы из динамиков слышится грозный накат океанского прибоя и звучит ставшая почти народной мелодией песня «Прощайте, скалистые горы».

Священна память и безмерна народная благодарность человеку войны, отстоявшему свободу и подарившему людям мир на земле.

Все флаги, приходящие в этот порт, видят издалека матросскую изготовку к бою и спокойную сосредоточенность солдата. Что же, для лютого флота — это хороший повод для раздумья: гостеприимный, благоустроенный город, а рядом на рейде — боевые корабли. На выходе из залива — щупальца локаторов пограничной охраны и сторожевой корабль. Пожалуйста, приходи иходи, если с миром и по-хорошему.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ Л. РУМЯНЦЕВ ВСТРЕТИЛСЯ С АВТОРОМ ЗАПИСОК ПИЛОТА «ПРЕОДОЛЕНИЕ» ДВАЖДЫ ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКОМ М. П. ОДИНЦОВЫМ.

— Михаил Петрович, в нынешней апрельской книжке журнала заканчивается ваше «Преодоление». Молодым читателям «Уральского следопыта» хотелось бы подробнее узнать о вас, в частности и о том периоде вашей жизни, когда вам была столько же лет, сколько им сейчас, то есть двенадцать — семнадцать.

М. П. ОДИНЦОВ: В те годы я жил в Свердловске, учился в 36-й школе (она во Втузгородке). После окончания семилетки поступил в строительный техникум.

Но небольшой зарплаты мамы на нашу семью из трех человек — меня и мою сестру — не хватало. Через год техникум пришлось оставить, и я устроился на фабрику, «Уралобувь». Довольно быстро освоил профессию обувщика-затяжчика. Работа понравилась. Понравилась и люди, внимательные, отзывчивые. Трудился добросовестно, освоил шесть станков. Увлёкся спортом, с удовольствием занимался в художественной самодеятельности...

Окончательно окрепла мечта — научиться летать. В ту пору каждый мальчишка, наверное, бредил авиацией. Страна расправляла крылья. Комсомол призывал молодежь сесть за штурвалы самолетов... Я стал членом добровольного массового военно-патриотического общества Осоавиахим. Как все мои аэроклубовские сверстники, учился летать без отрыва от производства. Осенью 1938 года — еще семнадцати не исполнилось — получил свидетельство об окончании аэроклуба. С отличием... Ну а дальше — военная школа пилотов. Еле приняли — возраста не хватало. И — война. С первых дней — в бой. Мне было девятнадцать лет...

— Вы начинали войну на легком бомбардировщике Су-2, были тяжело ранены, вам удалось вернуться в строй и снова сесть в кабину боевого самолета, на этот раз — знаменитого Ил-2, штурмовика...

М. П. ОДИНЦОВ: Прекрасная машина. Ни в одной армии мира не было подобной. Немцы, упоенные начальным превосходством в воздухе, не сразу оценили боевые качества Ил-2.

Летом 1942 года гитлеровцы рвались к Дону. Командир части взял меня ведомым. Взлетели. Миновали линию фронта. Нашли скопление автомашин врага и войск. Ударил раз и другой. Но тут были атакованы четверкой «мессершмиттов». Один, на фюзеляже которого был наклеван пиковый туз (немецким асам были дозволены такие пиратские вольности), начал пристраиваться к машине командира, другой, готовясь открыть огонь, завис у меня на хвосте. Что оставалось делать? Идти на выручку ведущего. Прицелился и дал по «пиковому тузу» очередь из пушек и пулеметов. Немец увернулся, но тут же снова стал атаковать командира, не поверил в огневую мощь штурмовика. И поплатился. Вторая очередь прошла и подожгла его самолет. Атаковали и меня, но спасла бронеспинка...

В том бою я сбил двух «мессершмиттов». Мы вернулись без потерь. Таков был штурмовик Ил-2. При необходимости он мог работать подобно истребителю... За тот бой я получил первую награду — орден Красного Знамени.

— За Великую Отечественную войну вы дважды были удостоены звания Героя Советского Союза. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

М. П. ОДИНЦОВ: Рассказать можно, но это будет

долгое перечисление боевых вылетов. У меня их за войну 215. И трудно, пожалуй, найти схожие. Каждый вылет — встреча с врагом, а враг не был слаб и глуп...

Я как-то писал, что героем стать в один день невозможно. Можно совершить героический поступок, даже подвиг. Но идут к этому поступку и подвигу не секунду, не час, не день. И только когда цепь таких поступков выстраивается в четкую линию поведения человека, можно говорить о героизме... Даже по-военному краткое, сжатое в цифры и формулировки, представление к званию дважды Героя заняло много страниц. По сути — вся военная биография. К тому времени, когда наградили первой Золотой Звездой, у меня было уже 152 боевых вылета, участие в Курской битве, форсирование Днепра. А вторая Звезда — за освобождение Польши, взятие Берлина, помощь восставшей Праге. Между прочим, последний боевой вылет состоялся 12 мая 1945 года — помогал наземным войскам уничтожать отказавшихся капитулировать гитлеровцев.

Начинал я необстрелянным младшим лейтенантом, а к концу войны научился водить на штурмовку самые большие в дивизии группы, а звание имел гвардии майора.

— Сейчас у вас звание генерал-полковника...

М. П. ОДИНЦОВ: Я остался в армии, не мыслил себя без военной авиации. Конечно, пришлось много учиться — ведь общее образование получил довоенное, слабое. Трудно было после всего пережитого снова браться за учебники. Но преодолел и это. Закончил Военно-политическую Академию имени Ленина и Академию Генерального штаба имени Ворошилова. Как летчик осваивал почти всю новую реактивную технику. Десятки и десятки самолетов. Был командиром частей, командующим авиацией Московского военного округа. Лично водил боевые машины до шестидесяти лет... Как-то в шутку подсчитал — у меня оказалось девяносто лет пенсионной выслуги... В строю и до сих пор.

— В «Преодолении» ваш главный герой — летчик Иван Сохатый. В его судьбе прослеживается ваша судьба?

М. П. ОДИНЦОВ: В какой-то мере, а точнее сказать, Сохатый — собирательный образ. Не написать о войне, о послевоенных буднях армии я не мог, а писать воспоминания, документальную книгу — не хотел.

В моем романе «Испытание огнем», вышедшем в 1979 году в издательстве «Молодая гвардия», один из героев — летчик Матвей Осипов. И в его судьбе можно найти что-то схожее с моей. Хотя бы начало лётного пути — аэроклуб. Но ведь это типичное начало для всей предвоенной лётной молодежи.

— В судьбе Павла Корчагина можно увидеть штрихи биографии Николая Островского...

М. П. ОДИНЦОВ: Очень высокое для меня сравнение, но, может быть, в принципе верное. В героях моих произведений, конечно же, черты моих боевых товарищей, да и меня самого. От этого никуда не деться. Это память сердца.

— Что пожелали бы вы нашим молодым читателям?

М. П. ОДИНЦОВ: Накапливать знания, особенно физико-математические. Крепнуть физически. Это необходимо и будущим защитникам Родины, и вообще всем, кто готовится с пользой прожить свою жизнь в наш век бурного развития науки и техники. У нас в авиации, например, за последние 20—30 лет число приборов в самолете возросло в десять раз, а времени на операции по управлению стало в семь раз меньше. Думаю, что аналогичный процесс идет во всей технике. Чтобы стать летчиком, нужны глубокие специальные знания, широкий инженерный кругозор и отменное здоровье — эмоционально-волевая устойчивость, быстрота реакции, способность в острых ситуациях почти мгновенно принимать единственно правильное решение.

От души рекомендовал бы молодым серьезно заниматься физкультурой и спортом. Что может быть приятнее ощущения своей выносливости и ловкости, единения с воздухом и водой. Весьма одобрительно отношусь к нарастающему увлечению молодежи дельтапланеризмом. В детстве многие летают во сне и испытывают удивительный подъем сил и духа. Можно и наяву взять с легким снаряжением в воздух и подобно птице парить над землей. Красиво и бесшумно. Это ли не чудесно!

ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ

Чтоб стать стюардессой...

«Уважаемая редакция «Уральского следопыта»!

У меня есть подружка, она очень хорошая. Мы с ней дружим с первого класса, а заканчиваем уже восьмой. Мечтаем получить профессию стюардессы, но очень мало знаем о ней...

Заболоцкая Лена,
Свердловская обл.»

«Дорогой «Следопыт»!

Мы заканчиваем десятый класс. После школы очень хотим быть стюардессами. Вы не подумайте, что мы хотим этого от нечего делать. Просто нам нравится эта работа.

Света Кузнецова, Оля Похлебаева,
Тюменская обл.»

Для Оли, Светы, Лены и других девушек с одинаковой мечтой о небе мы уже давали в № 3 1983 года адрес Ленинградского авиационно-технического училища (пр. Литейный, 48), где готовят бортпроводниц. Тем же, кому исполнилось девятнадцать лет, советовали непосредственно обращаться в отдел кадров любого аэропорта страны за справкой.

Но, как показали прошедшие два года, в редакцию таким мечтательницам, увы, написать легче, чем самостоятельно отправиться в аэропорт и все узнать. Както городская газета напечатала объявление о конкурсе бортпроводников, проводимом летной комиссией Свердловского аэропорта во вторую среду каждого месяца в ДК «Пилот». Приглашались все желающие юноши и девушки до 24 лет, имеющие при себе паспорт, комсомольский билет, аттестат и характеристику.

Побывав на одном из таких конкурсов, мы предлагаем юным читателям небольшой репортаж с места событий.

Девочка вошла улыбочивая. Села на стул, под глаза внушительной комиссии, и приготовилась отвечать на вопросы. Солнце вдруг вышло из-за тучи и бросило спол лучей в ее небесные глаза. И комиссия минуту бездействовала. Любовалась, похоже. Потом инструктор зачитала характеристику. Девочка Ирина оказалась ударником коммунистического труда, группкомсоргом да еще фехтовальщицей... Все улыбались. Инструктор за-

кончила: «Характеристика дана для поступления в институт» и спросила:

— А почему в вуз? Поступали?

— Нет, собираюсь поступать. На заочное.

Тут все опять расцвели — умница какая!

— Вот тут в аттестате у вас стоит четверка по физкультуре, почему? — спросил начальник службы проводников.

— Я была в спецгруппе, а там пятерок не ставят.

— У вас не в порядке со здоровьем?

— Зрение у меня, — улыбулась девочка Ирина, на миг померещилось, что именно поэтому так сияют ее небесные глаза...

— Какое?

— Минус пять.

Прошелестел разочарованный вздох.

— Лица, имеющие близорукость свыше 2,5 Д и острую зрения ниже 0,3, до летной службы не допускаются, — сказал кто-то бесцветно.

— Ну хорошо, — легко ответила Ирина, — нельзя так нельзя...

И вышла. Сразу втиснулась следующая претендентка. А над комиссией еще витал девичий образ, и кто-то с сожалением произнес:

«Девочка-то больно хороша...»

Вновь вошедшая такого впечатления не производила. И солнце спряталось. И смотрела она как-то вызывающе и одновременно беспомощно. Видно было по всему — очень ей хочется летать, просто жутко как хочется. И очень хочется понравиться. И еще она боится грозной комиссии.

— Какие театры знаете в Свердловске? — следует первый вопрос.

Людмила забыла ТЮЗ. Начисто. Может, давно не бывала. Может, вообще не была.

— Какой спектакль в последний раз смотрели?

— Э... в оперном, очень хороший. Название из головы вылетело.

— Ну хорошо. А что вас привлекло в нашей профессии? Вы же работаете оператором...

— Ой, да надоело одно и то же, — вырвалось у Людмилы. Потом она взяла себя в руки: — Мне нравится ваша работа, и все.

Ну, просто горе-горькое было смотреть на нее! Ведь сказано же в рекомендациях по профессиональному психофизиологическому отбору бортпроводников: «Речь отличается плавностью, мелодичностью, богатством интонаций. Хорошая дикция. Достаточный словарный запас; правильность построения предложений. Легкость выражения мыслей...» И это только про речь! А вот про манеры: «Прическа, маникюр, одежда соответствуют серьезности момента, ведет

себя сдержанно, вежливо, с достоинством. Походка легкая, осанка прямая, движения свободные, естественные». А Людмила явно ни по речи, ни по манерам, ни по чему другому не соответствовала. Была, может, привлекательна, да и то раскрасилась, как индеец перед боем...

Людмиле задали три-четыре вопроса, касающихся внешней и внутренней политики нашей партии; тут она вовсе замолчала, даже, кажется, разозлилась... Комиссия приняла решение отклонить ее заявление.

КАК МНОГО, ОКАЗЫВАЕТСЯ, НАДО УМЕТЬ И ЗНАТЬ СТЮАРДЕССЕ!

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ РАБОТАТЬ С ЛЮДЬМИ, ДА ЕЩЕ С ТАКИМИ КАК ПАССАЖИРЫ, — НУЖНО НЕ ПОЛЕНИТЬСЯ И ИЗУЧИТЬ ПСИХОЛОГИЮ. А ЕЩЕ ГЕОГРАФИЮ. И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ. ДА МАЛО ЛИ В РЕКОМЕНДАЦИЯХ ПО ПРОФТОБУРУ ЕСТЬ И ТАКОЙ ПАРАГРАФ: «ХОРОШО ЗНАКОМ С ОСОБЕННОСТЯМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОРТПРОВОДНИКА, УСЛОВИЯМИ ЕГО ТРУДА И ОТДЫХА, «ТЕНЕВЫМИ» СТОРОНАМИ ПРОФЕССИИ (ДЕЙСТВИЕМ ВИБРАЦИИ, ПЕРЕПАДАМИ ТЕМПЕРАТУРЫ, ОТСУТСТВИЕМ РЕЖИМА ДНЯ, ОТПУСКОВ В ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ И ДР.). ИЗ СЕМИДЕСЯТИ ПРИШЕДШИХ В ЭТОТ ДЕНЬ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ПОЛЕТЫ ВРЯД ЛИ ТРЕТЬ ЗНАКОМА С «УСЛОВИЯМИ И ОСОБЕННОСТЯМИ...» НО ЕСТЬ, ЕЩЕ ОДНА НЕОЖИДАННОСТЬ ДЛЯ РОМАНТИЧНО НАСТРОЕННЫХ ОСОБ: МАНДАТНАЯ КОМИССИЯ, ПРИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ, НАПРАВЛЯЕТ ПРЕТЕНДЕНТА НА МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ, ВРАЧЕБНО-ЛЕТНУЮ ЭКСПЕРТНУЮ КОМИССИЮ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ (ВЛЭК). ПОСЛЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВЛЭКА БУДУЩИЙ БОРТПРОВОДНИК ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ НЕ МЕНЕЕ ГОДА В НАЗЕМНЫХ СЛУЖБАХ АЭРОПОРТА. ЛИШЬ ПОСЛЕ ВТОРИЧНОГО, ЧЕРЕЗ ГОД, СОБЕСЕДОВАНИЯ ЕГО ПЕРЕВОДЯТ ПРИКАЗОМ НА ДОЛЖНОСТЬ БОРТПРОВОДНИКА В УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ОТРЯД ДЛЯ ПРОХОЖДЕНИЯ КУРСОВ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ. ПОДУМАЙТЕ НАД ЭТИМ ХОРОШЕНЬКО ВСЕ, КТО СОБИРАЕТСЯ ВЗЯТЬ ЛИСТОЧЕК И НАПИСАТЬ НА НЕМ: «ХОЧУ ЛЕТАТЬ, РЕДАКЦИЯ, ПОМОГИ!»

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

ЗВЕЗДАНЫЙ

● Сорок три года назад над Кольцовским аэродромом взлетел, оставляя за собой хвост-пламя, необычный самолет, пилотируемый Григорием Яковлевичем Бахчиванджи. Это был первый старт отечественной реактивной авиации. В свердловской школе № 60 есть музей, посвященный отважному испытателю, экспонаты которого рассказывают о его боевом пути в Великую Отечественную, о работе во славу советской авиации после войны. Летчик-испытатель Г. Я. Бахчиванджи погиб при выполнении задания. В 1973 году посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

● Следопыты 1-й вечерней школы Николаполя собирают материалы о 8-й воздушной армии, освобождавшей город от немецко-фашистских захватчиков. В ее составе командиром третьего истребительного полка воевал Евгений Яковлевич Савицкий, отец космонавтки Светланы Евгеньевны Савицкой. Следопыты приняли маршала авиации дважды Героя Советского Союза Е. Я. Савицкого и Светлану Савицкую в почетные члены совета музея боевой славы.

● Много экспонатов накоплено в музее авиации и космонавтики 50-й французской школы. Среди них — материалы о летчике И. М. Николаеве, земляке школьников, который на свои сбережения построил самолет и воевал на нем. Пилот погиб в боях за Венгрию.

● Десятки писем покорителей космоса хранятся в музее космонавтики и авиации нижегородской школы № 3. Среди экспонатов музея есть, может быть, не очень ценные, но бесконеч-

но дорогие, так как добыты самими ребятами, например, листки из школьной тетради Юрия Гагарина, номерной знак его дома... В музее побывало более тридцати тысяч человек.

● Студенты механического института в Ленинграде шефствуют над школьным музеем С. П. Королева 58-й ленинградской школы. Они помогают в сборе материалов и изготовлении моделей школам, углубкам космонавтики, кружкам ракетного моделирования в десяти районах города.

● В ярославской школе № 32 стали традиционными декады Космоса, которые проводятся накануне Дня космонавтики. В этой школе училась первая женщина-космонавт В. В. Терешкова, школа носит ее имя.

● Одним из родоначальников земной почты в Русском государстве был псковитянин Ордин-Нащокин, знаменитый государственный деятель допетровского времени, сделавший много полезного для величия Руси. Родоначальниками космической почты считаются космонавты В. А. Шаталов, Б. В. Волинов, А. С. Елисеев и Е. В. Хрунов, доставившие письма и газеты на космическую станцию «Союз-6». Георгий Гречко стал первым в космосе «почтмейстером»: он получил инструкцию Министрства почтовой связи СССР, специальный штемпель и материал для гашения. Первыми «долгожителями» станции «Союз-6» остались на борту двадцать проштемпелеванных конвертов с автографами. Один из этих конвертов, будучи доставленным на Землю, хранится в музее школы № 1 Великих Лук. Конверт передан Псковскому музею-заповеднику.

Самый необычный памятник

Четырнадцать лет назад ленинградский астроном О. Н. Коротцев обратился к своим коллегам: «Исследователи малых планет! Назовите одну из них Зоя! Пусть отныне по окосолнечной орбите движется планета, носящая имя верной дочери Ленинского комсомола, Героя Советского Союза Зои Космодемьянской...»

Так было положено начало Космическому мемориалу, наверное, самому необычному памятнику на свете.

Звездный мемориал героев Великой Отечественной войны начался с планеты № 1793, которую открыла исследователь Т. М. Смирнова и назвала: Зоя. Следом за ней еще одна планета — № 1977 — была названа в честь брата героини — Шуры, тоже Героя Советского Союза.

В каталоге малых планет, издании сугубо научном, среди обозначений астрономическими цифрами мы находим всем известные имена: генерала Д. М. Карбышева, Главного конструктора С. П. Королева, космонавтов Владимира Комарова, Владислава Волкова, Виктора Пацаева, героев войны...

Советский комитет ветеранов войны наградил почетным знаком научного консультанта Ленинградского планетария Олега Николаевича Коротцева — за участие в создании Космического мемориала.

Высота Наташи Качуевской

Письмо было от учащихся школы № 10 города Элисты в Калмыкии. Ребята просили назвать одно из новых небесных тел именем Наташи Качуевской, погибшей на безымянной высоте в Калмыкии. Но школьники адресовали свою просьбу Пулковской обсерватории, а открыли планету и назвали ее именем Наташи Качуевской астрономы Крымской обсерватории...

Людмила Васильевна Журавлева, научный сотрудник Института теоретической астрономии, наблюдатель крымской группы, работает в обсерватории с 1972 года. За это время ею открыто 25 новых малых планет, а вся крымская группа астрономов, состоящая из пяти человек, открыла 275 новых планет — у нее первое место по наблюдениям в мире.

Открыть планету нелегко, но утвердить для нее название тоже непросто. Астрономы делают заявку в Институт теоретической астрономии в Ленинграде, а оттуда материалы на утверждение открытия и имен малым планетам посылаются в Международный планетный центр — США, штат Массачусетс, Кембридж.

Одна из последних, открытых Л. В. Журавлевой малых планет — № 2576 — получила имя Сергея Есенина; в дни празднования 90-летия поэта свидетельство будет вручено его родственникам.

МЕМОРИАЛ

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Планета № 2015 тоже открыта Л. В. Журавлевой и названа в честь московской девушки, санинструктора Наташи Качуевской, погибшей под Сталинградом.

Части 34-й стрелковой дивизии только что отбросили врага... В одном из блиндажей разместили раненых, — их было много. Около семидесяти человек вынесла с поля боя только одна Наташа Качуевская... Ждали санитарные машины, чтобы эвакуировать раненых. И вдруг Наташа увидела гитлеровцев. Они шли прямо на блиндаж, и она, схватив автомат и гранаты, бросилась к высотке, отвлекая фашистов от блиндажа. Фашисты полезли за ней на высоту. Она отбивалась, пока не оставили силы. Раненая, теряющая сознание, Наташа подорвала себя и фашистов связкой гранат. А раненые были спасены...

«Я очень скучаю по астрономии...»

Не женское дело — поднимать в воздух тяжелый от бомб самолет, тянуть на себя до отказа штурвал, бесшумно планировать, целиться. Но как ни странно, бывалые летчики утверждают, что найти в темноте цель и бомбить с планирования удавалось лучше всего женщинам — у них какое-то особое чутье...

Женя Руднева писала с фронта: «Я очень скучаю по астрономии. Вот разобьем захватчиков, тогда снова возьмемся за астрономию». Она могла бы стать талантливым астрофизиком, но однажды, апрельской ночью сорок третьего года, улетела на задание, в свой 645-й боевой вылет и не вернулась. Хоронили ее в Керчи...

Спустя много лет сотрудник Крымской астрофизической обсерватории, кандидат физико-математических наук Н. С. Черных откроет малую планету Солнечной системы за порядковым номером 1907. И названа будет эта планета именем Евгении Рудневой, штурмана 46-го гвардейского Таманского полка ночных бомбардировщиков, Героя Советского Союза.

Танина звезда

Астероид с номером 2127, открытый астрономом Людмилой Ивановной Черновой, получил имя Таниа — в честь двенадцатилетней ленинградской девочки Тани Савичевой. Хроника, составленная рукой четвероклассницы Тани, сто тридцать семь блокадных дней, горестно описанных ребенком, стали достоянием истории, стали обвинительным актом фашизму. Ее дневник зачитывался на Нюрнбергском процессе. Листки из него воспроизведены на Пискаревском кладбище.

На Васильевском острове, в школе № 35, есть музей Тани Савичевой. На могиле девочки, в Шатках, открыт памятник. О ней написаны песни, поэмы, книги.

И еще одним памятником Тане Савичевой стала малая планета, совершающая свой вечный полет на огромном расстоянии от Солнца — почти в полумиллиарде километров...

«Безумство храбрых — вот мудрость жизни!»

Сорок первый, тяжелый год. Лязг танков на земле, черные клубы дыма в небе...

Жители села Анастасьевка Сумской области наблюдали этот воздушный бой. Краснозвездный самолет был один против семи «мессершмиттов»; он рвался в облака и внезапно падал вниз, поливая огнем преследующих его «мессеров». Один из хищников загорелся и упал. Бой продолжался — с таким вдохновением, с таким бесстрашием, что людям на земле передалось это мужество: нет, нас не сломить! Но потом маленькая отважная птица была ранена. И тогда она на всем лету врзалась в грудь вражеского самолета, и обе машины упали...

Люди, прибежавшие к разбитому самолету, извлекли комсомольский билет, в котором прочитали: «Екатерина Ивановна Зеленко».

...Астероид № 1900, открытый Тамарой Смирновой, научным сотрудником Института теоретической астрономии Академии наук СССР, носит имя «Катюша» — в память о Кате Зеленко, единственной на земле женщине, совершившей таран в воздушном бою.

Планета Гайдария

Писателю, военному корреспонденту, погибшему на полях сражений Великой Отечественной войны, любимцу советской детворы Аркадию Гайдару посвятили астрономы свое открытие. Новую планету, занесенную в каталог малых планет под номером 1835, они назвали Гайдария. Звучит как название неведомой романтической страны, где мальчишки смелые и честные, где взрослые умные и чуткие, где подвиги ждут юных на каждом шагу...

Почетное свидетельство о присвоении имени А. П. Гайдара малой планете астрономы вручили сыну писателя Тимуру Аркадьевичу Гайдару. Принимая его, он сказал на торжестве в планетарии: «Мой отец жил в коммунальной квартире. У него не было ни дачи, ни машины... Он и не стремился к этому. И вдруг... целая планета! «Не много ли для одного?» — сказал бы он с удивлением».

Планета Гайдария жила лишь в мечтах и фантазиях поколений, зачитывавшихся книгами Аркадия Петровича. Но она — реальность. Ее могут показать в планетарии, о ней можно прочитать в специальном каталоге или услышать на уроке астрономии...

ПЕРЕЧИТАТЬ "АЭЛИТУ"...

Виталий БУГРОВ

Многотиражный общий тираж давно сделал «Аэли-ту» едва ли не самым доступным произведением отечественной фантастики. Потому не сомневаемся: всеми, в ком не поселился изначально иммунитет к НФ, роман Алексея Толстого прочитан задолго до наступления зрелости — где-нибудь на протяжении среднего школьного возраста.

Что же оседает по прочтении «Аэлиты» в беспокойной памяти подростка?

...Отчаянно дерзкий полет двух смельчаков на соседнюю планету. Малоудачная революция на Марсе, деятельное участие в которой принимает лишь один из землян, второй же чисто «по-девичоночь» влюбляется и лишь под давлением обстоятельств вынужден присоединиться к первому. Зловещий властолюбец Тускуб, которому так подходит тускло-мрачное его имя. Не менее зловещие подземелья царицы Магр, кишашие пауками. Завораживающие звуки искусно придуманного языка: «эллио утара гео»... Читателей чуть постарше, чей жизненный опыт вобрал в себя и первую влюбленность (чувство — к счастью, не только «девичоночь»), разочаровывает, тоже въедающаяся в память, концовка романа. «Где ты, где ты, Сын Неба?» — слышит Лось сквозь космические бездны, и... что ж, в самом-то деле, не построят ли новый, еще более совершенный корабль, не поспешит туда, где его ждет не дождется неземная его любовь Аэлита?! Наконец, тем, кто, подобно героям Льва Кассиля, обожает вычерчивать странные очертания несуществующих материков, — надолго западет в память и поэтичная легенда об Атлантиде...

Возможно, я и упустил что-то (собственный-то мой «средний школьный» — давно уж в прошлом), но, похоже, — вот и все, наверное, что может вынести гипотетический подросток из знакомства с «Аэлитой».

А за кадром? Не оказывается ли «за кадром» многое, что просто не способен освоить совсем еще юный человек?

Своим романом Алексей Толстой закладывал основы советской фантастики, в корне отличной от книг, что создавались Жюлем Верном, Гербертом Уэллсом и многочисленными их воспреемниками.

Посмотрите хотя бы, сколь социально конкретны основные персонажи «Аэлиты»!

Вот — создатель чудесного аппарата инженер Лось. Труден путь этого интеллигента старой закваски к пониманию революции и народа, ее совершившего, — путь, осложненный горечью утраты любимого человека.

«— На какие средства построен аппарат? — спросил Скайльс.

Лось с некоторым изумлением взглянул на него:

— На средства республики...»

Как должное воспринимает Лось заботу рабоче-крестьянского государства о всемерном развитии техники и науки! Ибо, в сущности, он уже и не мыслит себя в отрыве от бурной, не во всем ему понятной, временами откровенно пугающей, неоднозначной, во всяком случае, действительности молодой республики, — наш чересчур склонный к самокопанию, эстетски пестующий в себе болезненные переживания, не нашедший еще прочной новой опоры в жизни инженер М. С. Лось!..

А вот — Тускуб. Зная романы Уэллса, мы уже просто обязаны будем уловить в образе марсианского диктатора

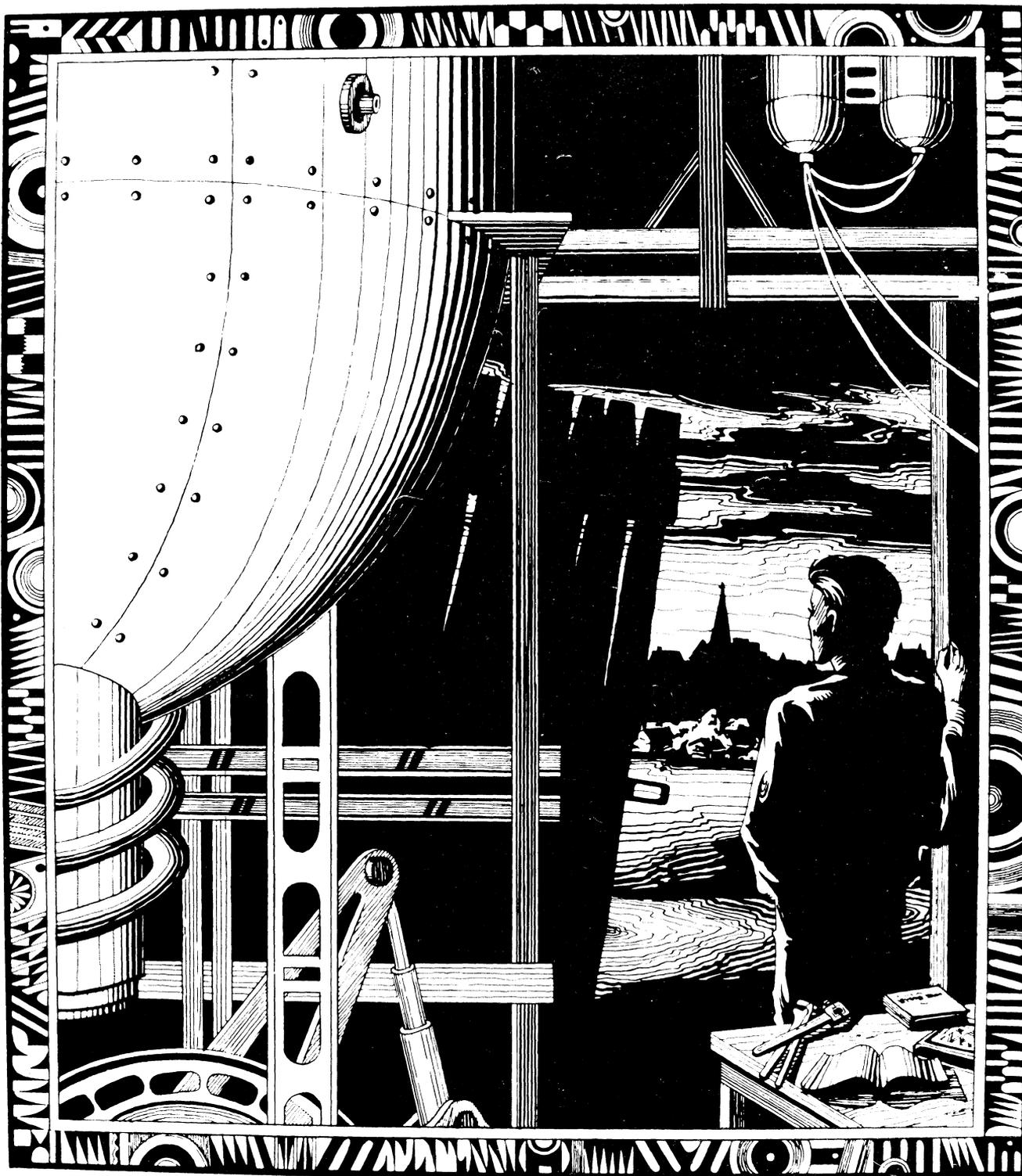
активнейшее неприятие автором «Аэлиты» технократической модели общества, привлекавшей английского фантаста. Обязаны будем понять, что «закат Марса», обреченность на гибель отнесены Алексеем Толстым именно и только к нарисованной им ущербной «модели»: это они, Тускуб и К⁰, выдают неминуемый собственный крах за агонию всей планеты, — они, а не Алексей Толстой! И как тут, кстати, не вспомнить современных заокеанских политиков, которые без малейших на то оснований, совершенно как Тускуб, видят в исторической обреченности империализма — конец человеческой истории в целом...

Вот — красноармеец Гусев, совершенно новый для фантастики герой. Это не просто свидетель-очевидец или даже участник событий, самим их ходом побуждаемый к действию. Рядом с ним не выдохся бы в конце концов, не удался бы на покой в подводные пещеры острова Линкольна этот до боли симпатичный скиталец!). Гусев — борец по натуре, революционер — по велению сердца; оттого-то и неспокоен он, не может найти себе места в послереволюционной действительности. Совсем еще молодой по нынешним меркам человек (двадцать шесть ему, двадцать семь?), «учредивший» на Земле четыре республики, он летит на Марс с конкретной и вполне естественной для него целью — не «прохлаждатьсяся», а «устроить», ни много ни мало, «присоединение к Ресепесер планет Марса». И сколь же страстно учит он решимости инопланетных своих сподвижников, сколь искренне переживает неудачу восстания!..

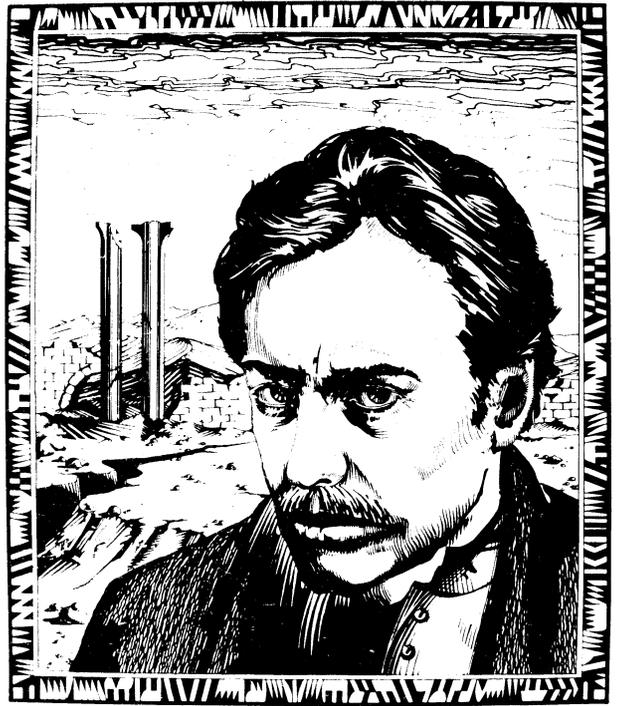
И, наконец, Аэлита. Хрупкий цветок, выросший в тепличных условиях, она тем не менее преодолевает словесные предрассудки, самозабвенная любовь к посланцу Земли для нее — вызов грозным темным силам, обрекающим на смерть целую планету. Кстати, вслушаемся-ка в ее имя... Нет-нет да и приходится слышать об элитарности, кастовой замкнутости любителей фантастики. Очевидно, нет дыма без огня: клубы почитателей НФ сами подчас дают пищу для тревожных раздумий. Но это тема для отдельного серьезного разговора. Здесь же упомянем только, что в качестве лишнего аргумента в суждениях об элитарности КЛФ называется порою... имя героини Алексея Толстого, ставшее, как-никак, и названием первой в стране официальной премии «за фантастику». Но — полноте! — не хитрил ли писатель, выводя звучное это имя из «марсианских» слов «аз» и «лита»? Не родилось ли оно совсем наоборот — из сочетания отрицающей приставки «а» с этим вот самым словом «элита» (по типу, скажем, «асимметрии» и «анемии», «алогизма» и всем известного «азота»)? Не в пользу ли такой расшифровки — и безоглядный протест Аэлиты, и, главное, решительный отход самого Алексея Толстого от эмигрантской «элиты», — роман-то ведь создавался именно в тот трудный для писателя период!..

...Есть, разумеется, и многое иное в «Аэлите», могущее ускользнуть от торопливого взгляда юного читателя, увлеченного событийной стороной романа. А потому...

Где-нибудь в углу вашей книжной полки стоит себе хрестоматийная «Аэлита», стоит — и терпеливо ждет нового свидания с вами. Вернитесь к ней — не пожалее!

На 1—3-й страницах вкладки
иллюстрации Анатолия Пасеки к роману А. Н. Толстого «Аэлита».

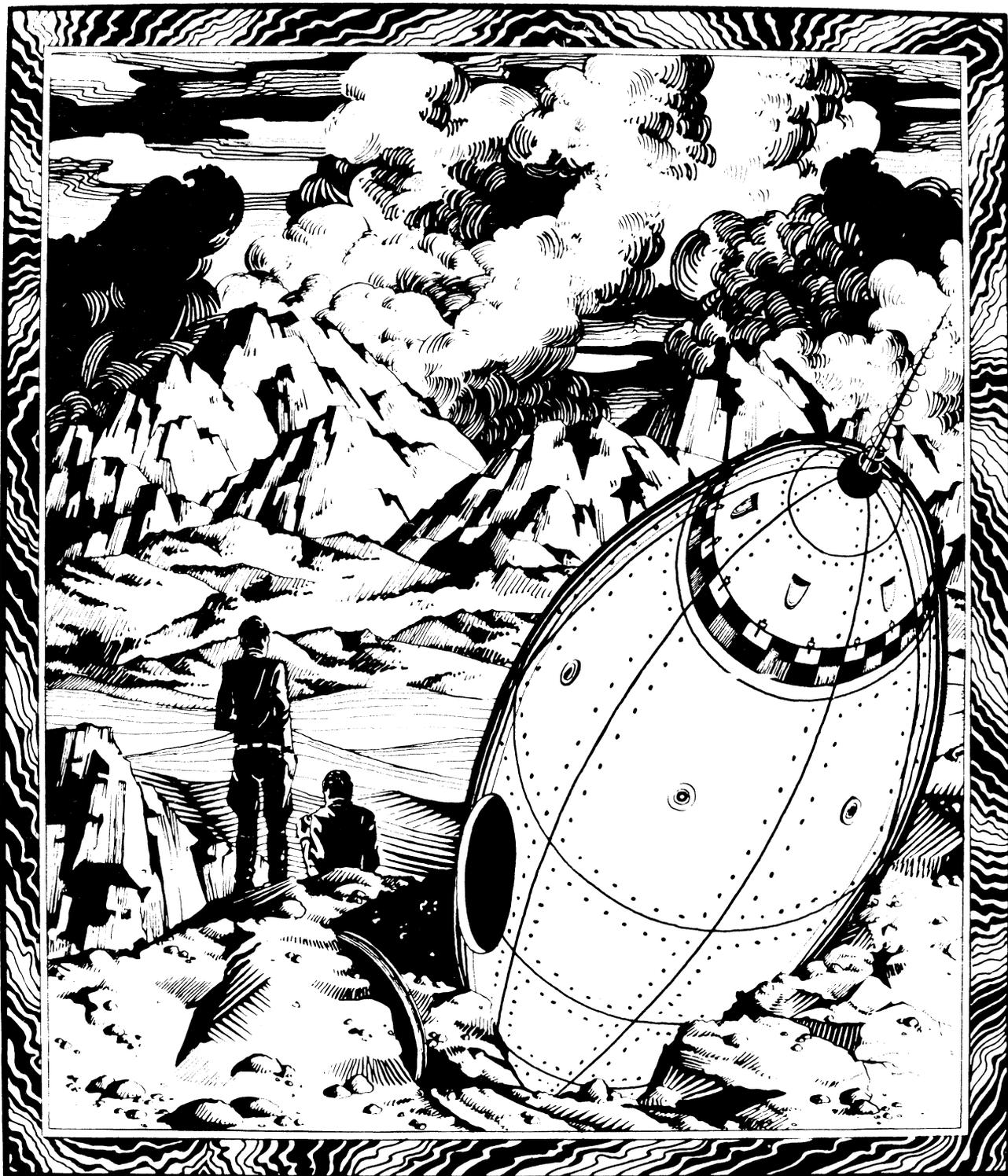

Рисунок Е. Пинаева

СТИМУЛ

Вадим ХУДЯКОВ

Семья голубых обезьян гуськом направлялась к водопою. Это был классический клан: два самца, вожак и охранитель, четыре самки и двенадцать малышей. Вожак, как ему и полагалось, топал впереди, раздвигая выющиеся стебли местной растительности, остальные ступали след в след, старательно, как в танце, повторяя каждое движение предводителя. Замыкал шествие второй самец — могучий и рослый, как все охранители.

Зрелище было редкостное, можно сказать, уникальное. Голубые обезьяны — звери крайне осторожные, и никому еще не удавалось запечатлеть их в естественной обстановке. Черешина ожидала лавры победителя. Ради этого стоило месяц отыскивать еле заметные в траве следы и потом, когда тропа была найдена, еще неделю провести в засаде.

«Мы молодцы, — от души похвалил себя Черешин. — Мы умницы. Сейчас мы это танго зафиксируем на пленочку, а потом тихонько проследуем к водопою... а потом выследим, где у них место обитания, и поработаем там... а еще потом все нас похвалят. Все так и скажут, что Витек Черешин молодец и гордость галактической журналистики...»

Он осторожно — совершенно бесшумно — поднял камеру, приник к окуляру, и... Клан исчез, растворился в траве, словно и не было здесь никаких голубых обезьян!

Тяжкий гул наполнил окрестности. С неба нахально опускалась тарелка планетарного бота. Круглая тень заслонила светило, накрыла тропу и онемевшего от ярости Черешина. Бот прошел совсем низко и скрылся за верхушками деревьев. Вновь наступила тишина. Пришельцы, кто бы они ни были, приземлились где-то в окрестностях черешинского лагеря.

«Гордость галактической журналистики» очнулся от транса. Посылая страшные проклятия мерзавцам, испоганившим плоды пятидневной работы, Виктор кинулся к лагерю. От расстройства он даже забыл про антиграв. В результате ранец, призванный носить своего владельца по воздуху, изрядно набил ему спину.

На финише лесного марафона пот с журнала лил в три ручья.

На территории лагеря творилось черт знает что. Повсюду валялись вскрытые ящики, упаковочные листы и походные цистерны для горючего. Какие-то незнакомые здоровенные парни ставили палатки, тянули от черешинского домика кабель энергоснабжения, в темпе собирали из готовых блоков машину, весьма напоминавшую десантный вездеход высшей защиты. Все они были облачены в комбинезоны типа «Хамелеон», а на поясах у большинства (Виктор удивленно поднял брови) красовались длинноствольные пистолеты. Из очередного ящика извлекли груды винтовок. К башне вездехода деловито прикручивали пулемет.

«Бойкие, однако, ребяташки, — подумал Черешин. — Воевать они, что ли, собрались? В заповеднике?! С кем бы это?..»

— Надо полагать, Виктор Черешин? — чуть гнусая, осведомилась невесть откуда появившийся коротышка в лихом берете, заломленном на левое ухо. Маленькие глазки пробуравлили Виктора насквозь. Горбатый нос коротышки приходился на уровне черешинского живота. — Тем не менее прошу документы!

— Минутку, — с достоинством отстранил его журналист. — В шортах документы не храню.

Он зашел в домик. Здесь тоже похозяйничали гости. К черешинской рации была добавлена телеприставка о шести экранах. На черешинской кухне расположился кучерявый субъект, готовивший завтрак из черешинских запасов.

— Салют! — с ярко выраженным восточным акцентом приветствовал кучерявый. — Извини, дорогой, мы у тебя тут кое-что позаимствовали, потом вернем. Меня Ашот зовут.

— Виктор, — представился Виктор. — Да чего уж там, не стесняйтесь. Кофе в среднем ящике.

Он рылся в вещах, разыскивая командировочное предписание.

— Мы, понимаешь, в рейд собираемся, — добродушно продолжал Ашот, — а свою кухню пока не наладили. Слушай, где у тебя средний ящик?

— Посередине,— кратко отозвался Черешин, выходя.

Коротышка сидел на крылечке, на самом солнцепеке, томно обмахиваясь беретом. Бегло просмотрев предписание, он вернул его Черешину.

— Собственно, мы на ваш лагерь и ориентировались. Но для порядка, знаете ли... А... цель, так сказать, пребывания?

Виктор был зол и раздражителен.

— Цикл, так сказать, репортажей о животном мире заповедника Сирены. В частности, об образе жизни, так сказать, голубых обезьян. Кстати, я до сих пор не знаю, с кем имею, так сказать, честь...

Коротышка встал и церемонно поклонился.

— Поль Мерсье, к вашим услугам. Начальник Службы охраны Главного управления космических заповедников.

«Елки-палки,— растерянно подумал Черешин.— Журналист, называется! Мерсье не узнал...»

О службе охраны ГУКЗа в космосе ходили легенды. По уровню профессиональной и психологической подготовки ее работники не уступали асам из Отряда галактической безопасности, хотя и выполняли задачи не столь широких масштабов. Целью службы, как явствовало из ее названия, была охрана планет, объявленных заповедными, а основным содержанием работы стала борьба с браконьерами. Браконьерство было делом выгодным. Число освоенных планет давно перевалило за сотню. Формально все они подчинялись Центральному Совету, на деле же Земле приходилось прилагать немало усилий для поддержания порядка. Во многих внеземных колониях еще сохранились остаточные формы капитализма, во всяком случае, еще не исчезли денежные отношения. А на фронтире, как традиционно именовалась граница освоенных миров, пока что неизбежна была и определенная неразбериха. Удачливый браконьер вполне мог обещать здесь себе безбедное существование, ведь за мех, скажем, псевдомедведя из заповедника Лигуры состоятельные дамочки в колониях платили бешеные суммы. Были браконьеры-одиночки, существовали браконьерские шайки, ходили слухи о браконьерских синдикатах. Для борьбы с этим безобразием Служба охраны имела свой флот, свои арсеналы, свой факультет в Школе егерей и самые широкие полномочия. Браконьеров в случае поимки ожидала клиника и перестройка психики, поэтому защищались они всеми средствами, не останавливаясь перед применением оружия. Работники охраны имели право отвечать выстрелом на выстрел — тяжкое в моральном смысле право, которым они предпо-

читали не пользоваться. В основе половины легенд о Службе охраны лежало это нереализуемое право...

— Понимаешь, дорогой,— объяснял Ашот, сидя возле рации,— на днях арестовали владельцев одной нелегальной мастерской на Арктурешести. Последний крик моды — делали воротники из шкур твоих голубых обезьян. Все оборудование — два станка, а ворочали миллионами! Имени поставщика хозяева заведения не знают, известна только кличка — Шустрик. Как у собак, честное слово! Перехватили связанного, и выяснилось, что этот Шустрик в теплой компании снова отправился на Сирену. Ну, корабль их, как водится, взяли на орбите, там уже все в порядке, группа захвата работает, а шлюпка с браконьерами где-то здесь, поблизости. Ее мы сейчас и разыскиваем...

На всех шести экранах телеприставки разворачивалась картина прочесывания джунглей. Над кустами порхали фигуры егерей, призрачных в своих «Хамелеонах», вездеход шел напролом, ворочая по сторонам стволом пулемета.

— Обнаружите вы их, а что дальше? — спросил Виктор, меняя пленку в камере. В рейд его не взяли (Мерсье отказал наотрез: «У нас, мон шер, не увеселительная прогулка!»); но превосходное качество изображения позволяло сделать репортаж и отсюда, из домика.

— А дальше... — Джунгли на одном из экранов расступились: на выжженной прогалине торчала планетарная шлюпка стандартного образца. — Вот они! Ну! Давай, ребята!

Ашот стремительно зашелкал тумблерами.

— База, база! Вызывает лагерь! Шлюпка обнаружена. Сектор пять, квадрат шесть-семнадцать!

— Лагерь, вас понял. Пять, шесть-семнадцать. У нас — в норме. Ашот, передай Полю: захваченный корабль принадлежит фирме «Арктур-видео». По официальной версии сейчас стоит в капитальном ремонте.

— Есть. До связи!..

Егеря, взяв шлюпку в кольцо, приготовились к атаке. Послышался голос Мерсье:

— Шустрик, вы окружены. Предлагаю сдать — доброво...

Конец речи утонул в треске выстрелов.

— Из люков лупят, гады! — возбужденно крикнул Ашот.

Егеря, словно бы не обращая внимания на стрельбу, пикировали на шлюпку. Один из них вдруг будто наткнулся на что-то и, потеряв управление антигравом, беспорядочно заметался в воздухе.

— Ольссена зацепили! Ну!.. — радист повер-

нул разъяренное лицо к Черешину. — Что сидишь, дорогой! Беги, «медика» готовы!

Выскакивая из комнаты, Виктор краем глаза заметил, как несколько егерей на лету подхватили раненого, вынесли из боя... Он торопливо настраивал кибер-медика на оказание хирургической помощи, а за стеной все так же трещали выстрелы, раздавались злобные возгласы и порою ругательства. Снова, покрывая гвалт, знакомо прогнусавил Мерсье:

— Прекратить сопротивление! Иначе я прикажу применить гранаты...

Тяжело дыша, возбужденные егеря затащили в медицинский отсек раненого Ольссена. Тот был без сознания, комбинезон на груди пропитался кровью. Кибер, перебирая манипуляторами, склонился над пациентом.

Стрельба за стеной смолкла. В отсек ввалился взмокший от переживаний Ашот.

— Все! Взяли...

Виктор, вспомнив о профессиональных обязанностях, помчался за камерой.

— «Арктур-видео»? Придется заняться этой лавочкой всерьез, — Мерсье с брезгливой миной наблюдал, как браконьеры под конвоем бредут к боту. — Как Ольссен?

— Спит, — отпарторовал Ашот. — Через пару дней будет здоров.

К ним приблизился Черешин.

— Поль, несколько слов для телезрителей. — Это пока преждевременно, — поморщился коротышка. — И вообще я, так сказать, не уверен в необходимости такого интервью.

Он нахлобучил берет и зашагал прочь.

— Не очень-то вежливо... — начал Черешин.

— Погоди! — Ашот потянул его за рукав. — Не приставай к человеку, дорогой. Тут такое дело... Понимаешь, Шустрик ушел.

— Как ушел?!

— Очень просто, — Ашот пожал плечами. — Его, оказывается, в шлюпке не было. Он и еще двое на «охоту» пошли. Так что, понимаешь, придется нам здесь задержаться... Кстати, ты уж извини, Мерсье запретил посторонним покидать лагерь.

— Это я-то посторонний? — взревел Виктор.

— Ты, дорогой...

— Ну уж нет! Считать себя посторонним Черешин не собирался. В конце концов, Мерсье ему не начальник. У него, Черешина, свое дело, своя работа. Подумаешь, зазнайки, — интервью давать не желают (вслед за Мерсье все егеря, словно сговорившись, избегали бесед с журналистом). А сами этого, как его... Шустрика упустили. Лопухи! Ну и сидите теперь в лагере, или патрулируйте, или что у вас там в таких случаях делается. А я — пошел. Оревуар, мерсье Поль! До встречи!

Рисунки О. Шапкина

Виктор твердо решил доказать свое право на самостоятельность в любой ситуации. Сделать это он мог лишь одним способом: игнорируя запрет, немедленно — сейчас же! — покинуть лагерь. Что он, собственно, и предпринял, прокравшись к зарослям под прикрытием кормы бота. Черешину казалось, что он это очень ловко проделал. На самом же деле никто из егерей попросту не обратил на журналиста внимания — иначе далеко бы он не ушел. Егерям и в голову не приходило, что кто-то может ослушаться запрета Мерсье. Поэтому они спокойно занимались своими делами, и исчезновение Черешина обнаружилось лишь поздно вечером — когда Ашот пришел звать его на ужин.

Виктор к этому времени давно уже сидел в яме. Это была добротная западня, выкопанная грубо, но надежно, прикрытая для маскировки тонкими веточками. Располагалась она аккуратно на тропе голубых обезьян, ближе к реке, и выбраться из нее без посторонней помощи было невозможно. Не так уж и глубока была яма — метра четыре с половиной, не больше, но создатели придали ей форму усеченного конуса. Ловушка сужалась кверху, грозя к тому же обвалиться на голову центнерами земли.

«Браконьеры поработали,— подумал Черешин.— Недаром и шлюпка их располагалась поблизости». Осветив яму фонариком и заметив клочки голубой шерсти, он вроде бы утвердился в этой мысли. Но что-то все-таки мешало принять ее, и чем дальше Виктор размышлял (времени для раздумий было хоть отбавляй), тем больше охватывали его сомнения. Он еще раз внимательно осмотрел стены, опять, закусив губу, глубоко задумался.

Стемнело окончательно. Черешин направил фонарик вверх, включил (тонкий луч уперся в облачное небо), но тут же потушил. Если он ошибается и западня все-таки принадлежит браконьерам... Надо полагать, Шустрик будет рад сравнять счет.

Потом, выдавая чьи-то шаги, зашелестела трава, и опять Виктор не позвал на помощь — по той же причине.

Шаги замерли было нерешительно, тут же зашуршали вновь, и вдруг раздался треск ломающихся веток, испуганное восклицание, и кто-то с шумом куда-то провалился. Заглушенные слогом земли, понеслись гнусные ругательства.

Тогда Черешин облегченно рассмеялся и зажег фонарик. Он больше не сомневался.

Через полчаса, взбираясь по веревке, поданной Ашотом, Виктор задрал голову и сказал:

— Вы поищите, тут по соседству Шустрик отдыхает. Да смотрите, сами не попадитесь — кто знает, сколько они ям накопили!

Мерсье был выбит из колеи и не скрывал этого. И набросился на Черешина, едва тот появился в дверях:

— Где вы ходите? Вы что думаете, мне больше нечем заняться, кроме выслушивания ваших сказок?! Что вы тут наговорили Саркисяну? Почему это мы должны немедленно улетать? И где это вас носит целый час?

Ашот, стоявший за креслом коротышки, делал успокаивающие знаки: мол, не спорь, рассказывай.

— Извините за задержку. Душ принимал. В западне было грязновато.

В доказательство Виктор пригладил мокрые волосы. Он только что смочил их под краном: заподозри Мерсье неладное — и все может сорваться.

— Садитесь,— буркнул начальник Службы охраны.— Я вас слушаю.

Виктор сел, неспешно налил себе освежающего из стоявшей на столе бутылки, пригубил. Поставил стакан. Мерсье на глазах багровел от возмущения. «Сейчас он меня прибьет,— промелькнуло в голове у журналиста.— Но надо протянуть время, чтобы Айк успел уйти подальше». Черешин взял стакан, допил и наполнил вновь. «Сейчас он меня прибьет и будет абсолютно прав. Таких нахалов нужно бить просто в порядке профилактики».

Черешин откашлялся.

— Так вот, товарищ Мерсье, я уже говорил Ашоту — надо улетать. Пункт тридцать четвертый Устава космического флота: «При обнаружении разумной жизни немедленно покинуть планету и связаться с Центральным Советом».

— Устав преподают на факультете журналистики? — язвительно поинтересовался Мерсье.

— Не преподают,— признался Виктор.— Но после школы я собирался стать навигатором и два семестра...

— Понятно. Продолжайте.

— Понимаете ли, голубые обезьяны... — Черешин, не моргнув, выдержал яростный взгляд коротышки.— Дело в том, что это они выкопали ямы, куда свалился сначала я, а потом Шустрик и компания. Там на дне полно голубого пуха, а на стенах четкие следы когтей и какого-то орудия, вроде палеолитической копалки.— Предупреждая очередной вопрос, он скромно пояснил: — Я в таких вещах немножко разбираюсь — два курса на археологическом... Ну вот, вывод ясен: ямы копают и орудиями пользуются только разумные существа.

Он замолчал и выжидательно уставился на Мерсье. Тот уже успокоился.

— Я вас понимаю, молодой человек. Гипотеза хороша. Даже изящна. И заманчива, конечно.

Но голубые обезьяны не обладают разумом. В монографии Вернера Гроссмана...

— Я ее читал, — с самым невинным видом сказал Черешин. — Когда учился на биофаке. Гроссман, кстати, как раз на примере голубых обезьян и рассуждает о потенциальных возможностях, упущенных природой. Да нет, вы уж меня выслушайте, не перебивайте! По Гроссману, у голубых обезьян имеется все, чтобы стать гуманоидами: мозг, хорошо развитые хватательные конечности, наконец прямохождение. Нет лишь такой «малости», как потребность в разуме. Им не с кем и не с чем бороться — постоянно теплый климат, обилие пищи, отсутствие крупных хищников. Они уже готовы стать разумными, но им это просто ни к чему.

— Вот именно! — с жаром подхватил Мерсье. — Ни к чему! Не с чем и не с кем бороться.

— Было! Было не с кем. Но года два, а то и три назад на Сирене впервые высадились браконьеры. И у обезьян появилась потребность защищаться от опасности. Биологически-то они давно были готовы. Требовался толчок. Браконьеры его и дали.

Черешин послушал, как Мерсье, гнушая сильнее обычного, отдает по рации приказ о срочной эвакуации, допил свой стакан, встал и побрел к выходу. Он чувствовал себя смертельно уставшим. У дверей обернулся.

— Вашему Шустрику надо благодарность объявить от имени человечества. За создание новой цивилизации.

— И все-таки в ваших рассуждениях есть изъян, — задумчиво сказал Мерсье, когда бот уже подходил к кораблю. В иллюминаторе проплывала Сирена. — Небольшой изъян, но имеется. Планета будет закрыта, заблокирована наглухо. Браконьеры там уже не появятся — это я вам гарантирую. И таким образом, у голубых обезьян

пропадет стимул к дальнейшему развитию. Они замрут на уровне копалок и примитивных ловушек.

— Ну, не таких уж примитивных, — отозвался Черешин. — Да и копалки — не так уж мало для начала. Но вообще-то вы правы — была опасность застоя.

— Была?!

— Ну да. Но Айк, — любовно продолжал Черешин, — Айк им скучать не даст. Он им задаст жару, он их заставит развивать умственные способности!

— Айк? — подпрыгнул Мерсье. — Что еще за Айк?

— Мой кибер. В принципе он рассчитан на оказание медицинской помощи, но я немножко покопался в схеме... Теперь у него другая программа: не давать покоя голубым обе... извините — гуманоидам.

Мерсье хмыкнул и с интересом посмотрел на Черешина. С о-очень большим интересом посмотрел. И опять хмыкнул. И сказал неожиданно:

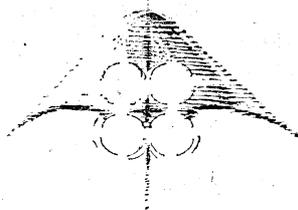
— А вы мне нравитесь, мон шер. Конечно, вас стоит высечь розгами, но... вы мне нравитесь! Немножко навигатор, немножко биолог, немножко историк, немножко кибернетик...

— В основном — журналист, — подсказал Виктор.

— ...Немножко авантюрист. Даже очень много немножко авантюрист! А вы никогда не думали попробовать себя в Службе охраны? Я бы дал вам рекомендацию в Школу.

— Пять лет! — простонал Черешин, живо представив себе десять семестров непрерывных занятий, тренировок, стажировок и драконовских экзаменов. Такие заманчивые пять лет!

— Ну, — добродушно прогнусавил Поль Мерсье, — вам не привыкать!..

ПОСАДИТЬ * * * * *

САД

Владимир ЖАРИКОВ

Пластиковый палевого оттенка пакетик Ковалев носил всегда при себе. Лишь изредка он высыпал косточки на ладонь, пересчитывал их, катая между пальцами маленькие гладкие, теплые на ощупь кругляшки, и получал при этом ни с чем не сравнимое удовольствие.

Ковалев подозревал: будь на корабле команда, он, капитан, непременно получил бы кличку «Скупой». Но команды на экспериментальном корабле-разведчике не было. По сути, на нем не нужен был и капитан. Однако шло испытание. На Земле хотели знать, в любых ли обстоятельствах Мозг найдет верное решение. Ковалев практически оставался пассажиром, так он определил свою роль. Хотя, если серьезно вникнуть в функции капитана, труднее рейса ему не выпадало. Конечно, не слепой жребий пал на Ковалева. Сложнейшие экспедиции случались на его веку, и не было случая...

Ковалев поймал себя на этой мысли — «не было случая». Он не был суеверен, однако даже намек на мысль о том, что будет по возвращении, всегда гнал от себя, пусть полет был, по меркам его опыта, пустяковым. На Земле он потучал бы по деревяшке. Только откуда здесь деревяшки — металл да пластик...

В каюте раздался приглушенный звук зуммера. Такое случалось не впервые и означало не тревогу, а лишь то, что Мозг привел корабль к очередному объекту.

Ковалев в рубку управления мог бы и не идти. Но привычка в ответственный момент находиться на посту выработывалась десятилетиями, изменять ей капитану не приходило и в голову.

Разведчик входил в систему. Ковалев вглядывался в далекое солнце, которое держалось в центре экрана, и слушал монотонный доклад Мозга, кивая после каждой фразы. Все делалось абсолютно верно. Мозг, как обычно, проанализировал состояние планетной системы и принял решение обследовать четвертую планету, во многом сходную с Землей.

Ковалев внутренне возликовал. Планеты земного типа крайне редки, ему за всю жизнь приходилось видеть их всего три-четыре. И лишь на одной выходить без защитного скафандра...

Десантный космоскаф уже готовился к вылету. Анализ атмосферы обнадеживал, и температура на поверхности оказалась вполне приемлемой.

Вообще-то, и на планете Ковалеву делать было абсолютно нечего. Оборудование космоскафа работало по команде Мозга, собирая всю мыслимую информацию. И все же капитан решил чуть-чуть расслабиться. Он мог себе это позволить: разведчик на околопланетной орбите отнюдь не требовал постоянного контроля.

...Машинально Ковалев проверил, при нем ли пакетик с косточками, и приготовился выходить.

Легкий влажный ветерок коснулся лба так ласково, что Ковалев замер на минуту, наслаждаясь. Когда он, наконец, ступил на сочную зелень травы, роботы, похожие на черепашек, частью уже удалились в лес, частью скрылись под водой озера, а некоторые тут же начали бурение, не потрудившись и на десяток метров отползти от космоскафа. Только две «черепашки» не вели сколь-нибудь заметной деятельности.

Ковалев усмехнулся — Мозг приставил к нему нянек. И действительно, стоило капитану двинуться к озеру, как «черепашки» пристроились спереди и сзади, соблюдая постоянный интервал.

Берег озера ничем Ковалева не удивил. Вдоль воды тянулась узкая песчаная полоска, основательно заваленная отмершими стеблями травы и водорослей. Вода оказалась теплой. Ковалев с удовольствием бы искупался, но дисциплинированно подавил в себе это желание. Зоркие автоматы не позволят — не стоит и пытаться. И чтобы не смущать себя больше, поскорее направился в заросли.

В лесу ощущение сходства с Землей быстро пропало. Опутанные бледно-зелеными лианами стволы трехметровой толщины уходили вертикально вверх. Кроны деревьев почти полностью закрывали солнце, но скупого света вполне хватало мощному кустарнику, увешанному плодами величиной с небольшую дыню. Над плодами висели разнообразных калибров птицы.

Сквозь кусты Ковалев пробирался с большим трудом. Наконец идти вперед стало просто невозможно — кустарник и лианы превратили пространство между стволами в неприступную стену.

Подай Ковалев команду своим нянькам-автоматам, они бы устроили проход даже в монолитной горной породе, даже в титановой броне. Но... Не повреди незнакомому миру!

Эту заповедь лет сто назад ввел в обиход Учитель Ковалева. Тогда дальняя разведка только входила в практику. Порой экспедиции в исследовательском раже побивали без счета представителей фауны и прокладывали широченные просеки туда, куда желала ступить нога человека. Один ретивый мудрец хотел даже осушить небольшое море, дабы полюбоваться на его дно — с благими, разумеется, научными целями. Мудрецу не позволили. А чуть погода обнаружилось, что все крупные водоемы планеты сообщаются между собой подземными протоками.

И Ковалев вернулся. Очень скоро он вышел прямо к космоскафу. На широком лугу там и сям виднелись бугорки свежеврытой почвы. «Черепашки»-бурильщики свое дело закончили и перешли куда-то дальше.

Взглянув на холмики чистейшего чернозема, Ковалев невольно протянул руку к нагрудному карману. Мысль еще не оформилась окончательно, а пальцы уже открывали пакетик с косточками.

А в самом деле, почему бы не наградить этот уголок Вселенной деревом с Земли? Когда-нибудь другой землянин увидит здесь вишню, и сердце его радостно замрет...

...Поселок, в котором Ковалев отдыхал, стоял на берегу небольшой реки. В зарослях ивняка космолетчик облюбовал потайное местечко, где почти каждое утро рыбачил или ловил раков. А ближе к вечеру читал, раскачиваясь в старинном кресле-качалке среди раскидистых ветвей вишневого сада. Эти несколько недель давнего отпуска казались бы сном, не будь пакетика с косточками...

Ковалев пальцами продавил лунку во влажной почве, положил на дно косточку, но прежде решил будущее дерево полить. Никакой посуды под рукой не было, и пришлось несколько раз сходить к озеру, чтобы в ладонях наносить нужное количество воды. Лишь после этого капитан косточку присыпал и слегка примял почву. Потом посадил еще одну косточку и остался очень собой доволен.

Он долго сидел на корточках и любовался делом своих рук. Конечно, что может вырасти из темных маленьких скорлупок — только дички... Плоды будут мелкие, горько-кислые. И все-таки они станут частью того сада, той реки, того поселка, той земли.

Ковалев давно уже проголодался, но все тянул время. Планета казалась такой доброжелательной, что забираться в тесное нутро космос-

кафа не было никакого желания. Но неумолимая инструкция предусматривала и это...

Такой сон не снился ему уже много месяцев. Раньше, вскоре после отпуска, капитан видел его часто, потом воспоминания сгладились и приходили лишь изредка, после особенно трудных или особенно удачных дней. Ему снилась русоволосая красивая женщина и двое мальчишек-погодков. Они снимали в вишневом саду урожай, наполняя спелыми ягодами ивовые корзины.

Обычно, если сон приходил к нему в далеком космосе, он просыпался недовольным собою: стоило немалых усилий воли, чтобы отогнать навязчивое видение, привести себя в нормальное рабочее состояние. Сегодня же Ковалев проснулся бодрым и деятельным.

Он сам не понимал, почему так спешит. Разве могло за ночь что-то измениться?! И ему пришлось долго соображать — не продолжение ли это сна? Он осторожно потрогал ростки вишен, уже оформившиеся в маленькие стволы с тоненькими веточками. На них дрожали под ветерком крошечные клейкие листочки. Ковалеву почему-то припомнилась старая-старая сказка, в которой за одну ночь вырастал целый город. Но то сказка... Он смотрел не отрываясь на крошечные деревца. Ему показалось...

Нет, не показалось. Почти незаметно стволы продолжали тянуться вверх. Под пристальным взглядом Ковалева расправлялись новые листочки, зарождались новые веточки, а ствол, совсем недавно нежно-зеленый, грубел и наливался темным... Не раздумывая больше, Ковалев посадил еще две косточки у самых корней мощных деревьев-аборигенов.

Черт возьми, в агрономической премудрости он был не силен. Во всяком случае, не имел ни малейшего представления, может ли вообще вырасти дерево из вишневой косточки. Ведь если в ядрышке и есть зародыш, то как росток проходит сквозь твердую скорлупу? Допустим, при определенных условиях скорлупа расходится. Наверняка, на это нужен не один день, тем более не несколько часов. Возможно, ему попался некий быстрорастущий сорт. Но чтобы ствол вышел за одну ночь!..

Итак, резюмировал Ковалев, нет никакой информации даже об опытных экземплярах скорорастущих растений. Возможно, влияют местные условия, некие факторы или сумма факторов? Но отменное плодородие почвы, достаточное количество влаги и обилие тепла феномена отнюдь не объясняют. Вывод напрашивается сам собой: дело пахнет колоссальным открытием. Ему не справиться, нужны специалисты-биологи...

Ковалев обругал себя, вскочил и побежал к космоскафу.

Телекамеру он установил как раз в тот момент, когда шевельнулись комочки почвы и из-под них показались новые ростки. Они непрерывно тянулись и тянулись вверх, выпуская личинки, ветвясь...

К вечеру деревья, посаженные вчера и сегодня, сравнялись. Ковалев переходил от одной вишни к другой, ощупывая шершавую тепловатую кору, ласкал листочками лоб и шею и мечтал о том, какой будет здесь вишневый оазис и как дальние экспедиции будут специально залетать сюда...

Утром на всех четырех вишнях стали лопаться бутоны. Нежно-розовые цветы распространяли тонкий аромат, такой земной, почти забытый, что у Ковалева кругом пошла голова.

Из далеких уголков памяти он извлек сведения, видимо, оставшиеся с малых лет: вишня начинает плодоносить на третий-четвертый год. Ковалев произвел несложные арифметические расчеты, — здесь земное дерево развивалось примерно в тысячу раз быстрее, чем в обычных условиях.

Розовые цветы тем временем облетели, осыпав траву множеством бледных отметин, а маленькие зеленые наросты на черешках начали медленно пухнуть, оформляясь в ягоды.

Ковалев решил во что бы то ни стало дожидаться, когда они созреют окончательно, и запросил у Мозга час резервного времени.

Вишни стали постепенно наливаться сначала желтым, потом легким красным цветом... Ковалев набрал пригоршню ягод, бережно уложил их в пластиковый пакетик к оставшимся косточкам и направился к космоскафу, поминутно оглядываясь. Почти черные плоды один за другим срывались с ветвей и раскатывались в разные стороны.

Космоскаф медленно поднялся над берегом озера...

На корабле Ковалев сразу же прошел в рубку и удобно расположился в пилотском кресле.

Старт произойдет без его участия, а потому можно было еще раз полюбоваться на ягоды и косточки. Губы капитана сами собой растягивались в улыбку. Ну не здорово ли, что чужой мир взрастил земные деревья? Да и чужой ли он теперь?..

Таймер отсчитал последнюю секунду, но корабль не дрогнул привычно, а оставался тих и нем. Ковалев понял, что Мозг отложил старт. На запросы механический голос монотонно отвечал одно и то же:

— Идет обработка информации... идет обработка информации...

Ладони у капитана слегка вспотели. Такого еще не бывало! Вся информация давно должна быть обработана и отложена в Памяти. Неужели в системе что-то разладилось? Но это чревато непредсказуемыми...

Додумать Ковалев не успел. Из синтезатора речи послышалось:

— Старт откладывается на шесть часов. Споры земных растений, занесенных на планету, подлежат немедленному уничтожению...

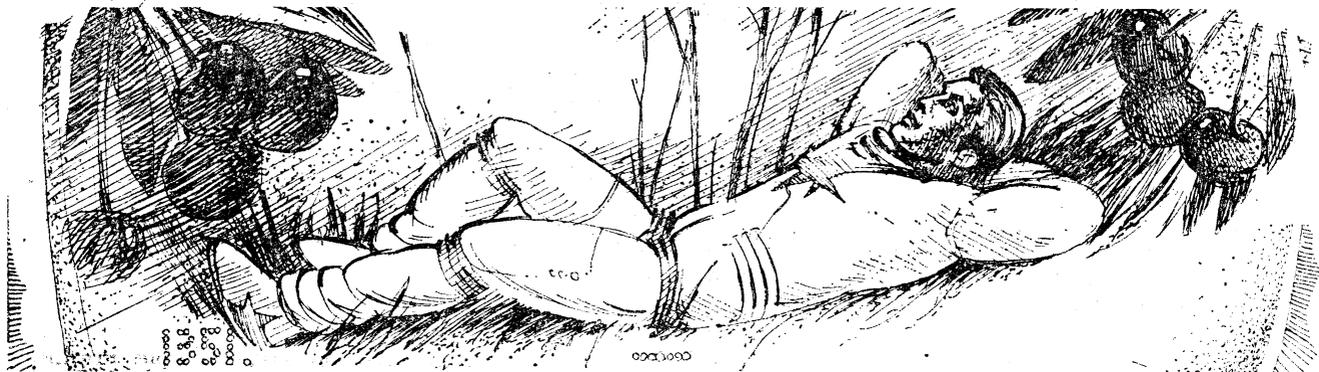
Ковалев заметил на экране две тени каплевидной формы, на большой скорости уходящие от корабля к поверхности планеты.

Так, отметил он, ситуация аховая, если Мозг отправил на уничтожение этих спор сразу оба космоскафа с десантом в добрую сотню автоматов.

...эти растения за три года по земному исчислению времени полностью вытеснят флору планеты, что приведет и к исчезновению фауны. Земное растение принадлежит к роду розоцветных. Русское название — вишня...

Дальше Мозг начал оперировать математическими выкладками и доказательствами. Ковалев их слушал и не слышал... Как жутко он опростоволосился! Подвела его, дурня старого, сентиментальность...

Он медленно встал и поплелся в каюту, впервые забыв на пульте пластиковый пакетик.

ЛОГОВО

* САТАНЫ *

Дмитрий НАДЕЖДИН

— Нехорошо, э-э, очень плохо...— Двухметровый исполин волновался, это было заметно по блеску его малиновых глаз.— Пусть небесный человек не ходит в лес на горе. Нехороший лес, заколдованный! Старики говорят, в том лесу Логово Сатаны прячется. Вся нечисть там собирается, плохо. По ночам кричит, воет, огни над горой жжет. А иногда из чащи выбегают железные люди, животинку нашу хватают. На прошлой неделе трех двурогов увели. Плохо...

Так говорил добродушный неуклюжий Абориген. Где было знать ему, что, слушая его, Человек давно уже загорелся желанием своими глазами увидеть пресловутое Логово! Ибо так уж устроены небесные люди...

Миновал последнюю каменную осыпь, Человек вошел в горный лес. Коричневые стволы тянулись вверх, под тяжело нависшими кронами было сумрачно и прохладно. Ни пения птиц, ни шороха, ни иного живого шума не слышалось в этом угрюмом лесу. Человек зябко поежился и крепче сжал в руках парализующее ружье. Сколько же лет сюда не заглядывали аборигены? По их рассказам, без малого полвека...

Он шел, настороженно вглядываясь в полумрак между деревьями, шел часа два или три, как вдруг впереди заиграл предзакатный солнечный свет. Деревья расступились, и Человек вышел на большую зеленую поляну. И сразу увидел дом. «Вот и хорошо,— подумал он.— Будет, где переночевать». Ему вовсе не хотелось проводить ночь в жутковато молчащем лесу.

Трава была Человеку по пояс. Жесткая и упругая, она словно бы стремилась задержать путника. Но вот его нога ступила на гладкую, впрямь утопанную тропинку. Кто-то здесь все-таки живет, но кто?

Он подошел к дому. Одного взгляда было достаточно, чтобы опознать в нем образчик из серии экспериментальных жилищ, выпущенных лет сто назад на Земле. Что ж, обрадовался Человек, еще лучше! По крайней мере, здесь не придется ни о чем заботиться — в былые времена такие дома сами обслуживали постояльцев.

Шутка ли, специальная программа... Когда появилась первая партия, всюду шумно кричали и радовались: наконец-то наступил век достойных спутников человечества — полуразумных жилищ! Человек читал об этом в старых хрониках. Правда, читал и о другом. Затея, в общем-то, провалилась: жильцы сплошь и рядом жаловались на самоуправство своих домов. Впрочем, многие просто слишком привыкли все делать сами, — не в этом ли, размышлял Человек, истинная причина забвения, постигнутого вскоре такие дома на Земле?

Шторы на окнах дома были опущены. Почему?

Человек отворил дверь... В комнатах было темновато, но чисто, и воздух оказался свежим, в нем не чувствовалось затхлости, присущей брошенным непрветриваемым помещениям. Стало быть, дом в порядке... Человек поднял шторы, впуская внутрь последних солнечных зайчиков, и огляделся. В углу прихожей стояла вешалка, на которой одиноко висела чья-то старомодная шляпа.

— Эй, есть тут кто-нибудь? — громко спросил Человек.

Дом был пуст. Каким-то шестым чувством Человек осознал, что дом пустует давно. А шляпа? Он повертел ее в руках. Шляпа как шляпа. Ни пылинки на ней, вычищена на славу... И все же Человек понял, что ее давно не надевали. Очень давно.

Тщательный осмотр комнат ничего не дал. Вроде бы все было в порядке... Человек прислушался. Стены еле слышно гудели. Дом жил.

Для проверки Человек нарвал, выйдя из помещения, упругой местной травы и раскидал ее по комнатам. Тотчас откуда-то выскочили маленькие юркие киберы-уборщики... Да, все было в порядке, дом исправно исполнял свои функции.

Успокоившись на этот счет, Человек почувствовал голод. Прошел на кухню, сказал, обращаясь к плите:

— Пожалуйста, горячий кофе и две порции ужина. Если можно, картофель по-юпитериански.

Электроплита оставалась пустой, хотя Человек тут же убедился в полной ее исправности. Может быть, нет продуктов? Он заглянул в холодильник — полки ломились от всякой всячины. Следовательно, синтезатор пищи работал нормально... Человек обследовал кухню и вернулся к холодильнику. «Шут с ними, с кофе и ужином! — думал он. — Перекушу чем-нибудь на скорую руку — и на боковую. Утром разберусь, что к чему...» Однако холодильник почему-то не открывался. Озадаченно ругнувшись, Человек вывалил на пол содержимое своего рюкзака и потянулся к консервам, но сноровистые быстрые киберы опередили его. Они похватили все, что лежало на полу, в том числе и рюкзак, и моментально вывалили в призывно открывшуюся пасть утилизатора. Громкое урчание засвидетельствовало, что о консервах можно забыть. Кибер покрупнее попытался спихнуть в утилизатор и самого Человека, но тот без особого труда отбил от слишком, как он решил, одичавшей техники и, раздосадованный, направился в спальню. Отсутствие постельного белья уже не могло смутить его — быстро раздевшись, Человек улегся прямо на жесткий матрац. Про себя он очень недобро отозвался о доме, куда его занесло. «Как только взойдет солнце, — решил он, — ноги моей здесь не будет!»

Но Человек ошибался: едва ли ему суждено было выбраться из ловушки! Мечтая увидеть своими глазами Логово Сатаны, он и не подозревал, что желание его осуществилось...

Почти полвека дом — Великий Дом! — ждал этого часа. Ждал с того самого момента, когда взбешенный и предельно уставший от него Хозяин хлопнул дверью и навсегда бежал прочь, оставив на память о себе лишь изрядно поношенную шляпу.

За истекшие полвека многое изменилось в брошенном человеческом жилище. Домашний Мозг установил в нем жесткую диктатуру. Опираясь на поддержку Утилизатора, Компьютера, Санузла, Вентиляционной Системы и Электрической Сети, он подчинил себе даже таких далеких от политики членов сообщества, как Холодильник и Электроплита. В оппозиции диктатору остался Телевизор, но его попросту отключили.

Так возникло тоталитарное Содружество Великий Дом. Содружеством оно, разумеется, именовалось в особо торжественных случаях...

Упиваясь властью, Мозг непрестанно совершенствовал Индикатор Чистоты. Когда же ни единой пылинки не осталось в его владениях, объявил, необычайно довольный счастливо найденной идеей, что все находящееся снаружи Великого Дома есть зловерный мусор. И подлечит казни с помощью верхнейшего из вернопод-

данных, то есть Утилизатора. Что ж, ведь диктаторы не могут — не хотят и не умеют — жить иначе: без того, чтобы не искоренять кого-либо или что-либо, теряется самый смысл узурпаторства...

Индикатор Чистоты показывал страшную засоренность внешнего мира. Два плечистых подсобных робота день за днем рубили лес, неумело пололи траву. Но с лесом справиться им было явно не под силу, на производство же новых помощников Мозг не решался в силу некомпетентности. Пришлось изменить тактику: роботы переключились на живой мусор. Со временем они истребили всю дичь, изгнали из леса и извели все, что летало, бегало, ползало — до самого последнего Червяка. Произошло это относительно недавно, почему лес и не пришел еще в видимое запустение. Одновременно роботы повадились таскать домашнюю живность у обитавших окрест аборигенов, в отместку прозвавших дом Логовом Сатаны...

Мозг не собирался выпускать Человека живым. Блок памяти Компьютера давно сгорел, и Дом не ощущал обязательств перед гостем.

Впрочем, кое-что Компьютер хоть и смутно, но все-таки помнил. Помнил, в частности, что Хозяин — это тот, кто наденет шляпу, висящую в прихожей. Эта истина, став известной и остальным, постепенно обрела для Содружества характер заповеди. Поэтому шляпу берегли и чистили каждый день.

В отношении неожиданного пришельца Мозг выработал четкий план действий...

Проснувшись, Человек не обнаружил ни одежды, ни ружья. Бросился к выходу — дверь была заперта, попытки взломать ее ни к чему не привели. То же повторилось и с окнами.

Мозг торжествовал. Шторы на окнах задернулись, и на Человека вывалились тонны пыли, скопившейся за минувшие полвека в Мусорном Ящике: пыль Мозг в Утилизатор не сдавал. В противном случае, чем занимался бы специалист — Мусорный Ящик? А безделье... У любого диктатора спросите: оно, гм, чревато...

Однако, к удивлению всего сообщества, Человек отнюдь не склонен был проявлять смирение: мыслей о собственном поражении у него явно не возникало. Хорошенько прочихавшись, он соорудил подобие веника — и смел всю пыль в Утилизатор, чем по-настоящему разгневал вспыльчивого диктатора. Но пока Мозг раздумывал, уничтожить ли Человека электрическим разрядом, сварить ли заживо или отдать роботам, наступило время послеобеденного отдыха. Традиции в Великом Доме соблюдались неукоснительно, и предпринять что-либо в этот час было равносильно... ну, скажем, вводу войск в столицу — для режима, этого еще не сделавшего.

Затишье в доме подействовало и на обреченного. Возможно, сработала привычка, а может быть, голод и переутомление свалили Человека, но только он рухнул обессиленно на завоеванный им матрац, вытянулся и затих, забывшись в беспокойном сне.

Тем временем Мозг, жаждавший действия, решил на единственное, что показалось ему возможным в этот Час Всеобщего Умиротворения. Впервые за много лет он объявил о референдуме, в ходе которого мог и должен был высказать свои соображения каждый член Содружества. Пока Человек просматривал, серию за серией, кошмарные сны, Великий Дом решал — что же делать с гостем? Как на грех, своим упорством и самостоятельностью тот понравился Утилизатору и обитателям Кухни... После долгих прений подавляющим большинством голосов при одном против (Мозг) и одном воздержавшемся (тихий склеротик Компьютер) постановили: с решительными действиями повременить.

Человек проснулся с головной болью. Увы, действительность была немногим краше снов... Поднялся. Вышел в прихожую. Шляпа... Ты одна здесь готова предложить свои услуги несчастному гостю, одна осталась верна человеку в этом Логове Сатаны... Человек снял шляпу с вешалки и долго смотрел на нее — единственного, если не считать матраца, союзника в мерзком вертепе.

Он смотрел и смотрел, а потом стряхнул пыль с волос, и чуть пригладил непокорную, как

сам он, шевелюру, и — нахлобучил добрую старомодную шляпу себе на голову.

— Он надел Шляпу! — немедленно прозвонили лампочки.

— Он надел Шляпу! — пробулькала Система Водоснабжения.

— Он надел Шляпу! — прошипела Вентиляционная Система.

— Он надел Шляпу! — закричали вразнобой и все остальные.

Оглушенный Мозг молчал, и, оказавшись ничуть не прочнее многих иных режимов диктаторского толка, Содружество Великий Дом перестало существовать. Оно вновь рассыпалось на множество автономных систем и узлов, самостоятельно и безотказно выполняющих непосредственные свои функции. И первым заработал на полную мощность Синтезатор. Ведь ему предстояло восстановить все живое, поглощенное в разное время Утилизатором.

— Да-а, он действительно надел шляпу, — по привычке запаздывая, меланхолично подтвердил Компьютер и задремал снова.

Но зато сам собою включился Телевизор, и ласкающая слух мелодия донеслась из другой комнаты, и что-то загремело на кухне.

— Хозяин вернулся! — радостно пропыхтела Электроплита. — Человек в шляпе голоден!

И через кухонную дверь по всему старому дому распространился терпкий, тревожащий воображение аромат вечернего кофе, подкрепленный густой палитрой запахов картофеля по-юпитериански...

ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

ФУТБОЛ И ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Футбол — игра веселая,
заниматься им надо
легко и приподнято...

В. Михайлов. Дверь с той стороны

«Футбол скончался, не оставив потомства...» — на грустный лад способна настроить эта фраза, которую А. Фисенко (Липецк), отвечая на викторину-84, выловил в «Возвращении со звезд» С. Лема! Но хотя и вздыхает старый наш знакомец — Г. Прокопик из Вязников Владимирской области («Инопланетный футбол. Это значит — без Хоттабыча...»), предаваться меланхолии едва ли стоит. Ведь даже прочно, казалось бы, забыв о футболе, 14 июля 2218 года и наши потомки-земляне тем не менее сызнова изобретут вполне идентичную игру, за которой закрепится название «ногосар» (О. Либкин, М. Гуревич. Вторая попытка). Что же касается инопланетян...

В свободное от шахмат время и инопланетяне не без удовольствия гоняют кожаный мяч. Да, не без удовольствия, ибо если покамест не всегда в действительности, то уж в фантастике-то принцип, изложенный в приведенном нами эпиграфе, торжествует безоговорочно!

Поскольку есть такое мнение, что футбол изобретен на Земле, — в иные миры его заносит земляне. И поначалу, естественно, лидируют. Со счетом 3:1 они обыгрывают на Луце сборную планеты Фикс (К. Булычев. Путешествие Алисы); Вася Рамодин в рассказе С. Другалы «Поверхность Мебиуса» (другое название «Возвращение в колыбель»), будучи вратарем, мощным ударом через все поле поражает ворота сборной Теоры — и восхищенные теоринцы объявляют свой стадион заповедным...

Однако количество межпланетных матчей стремительно растет. Сборная Земли играет с командой Кассиопеи из созвездия Литургии (И. Поповски. Репортаж из далекого будущего), сборная Марса — со сборной внешних планет (К. Булычев. Сто лет тому вперед), сборная всех планет — с футбольным клубом Тибета (Д. Райола. План спасения), передается по пятому каналу телевидения матч Венера — Юпитер (В. Зегальский. Писательская кухня), встречаются между собой сборные «Сириус» и «Кассиопея» (Р. Галимзянов. Авария), и целиком построена на футболе жизнь общества одной из далеких планет (С. Токарев. Футбол на планете Руссо), и процветает футбол в антимире (Н. Елин, В. Кашаев. Жертва Бермудского треугольника). Правда, инопланетяне подчас оказываются выходцами с Земли, но что поделаешь, — кому-то же надо заселять и обустраивать неуютные, вроде бы какие-то неприкаянные без носителей Разума первозданные миры...

С опытом приходит умение, и вот уже венерианская «Звезда» забивает гол «Объединенному Зареву» (В. Зегальский. Человек, у которого болел компрессор), и со счетом 6:0 выигрывают у команды 999-й школы пришельцы из созвездия Тапира (А. Скайлис. Мрачные пискуньи), и десяток безответных голов забивает землянам еще одна команда с Венеры (И. Талло. Каков учитель — таков и ученик). Канули в безвозвратное прошлое сцены вроде той, в которой участвует инопланетянин Феликс: «До ворот оставалось уже метров пять. И тут Феликс внезапно остановился. Он увидел, что вратарь протянул в его сторону руки... Отказать Феликс не мог. Он взял мяч в ладони и протянул его вратарю...» (Ю. То-

мин. Карусели над городом). Более того, уже всюду идут споры о том, «этично ли допускать некоторых внеземных студентов в футбольные команды» (К. Саймак. Заповедник гоблинов). Вам понятен, почему? Пришлось же, к примеру, Всемирной ассоциации любителей футбола (в опубликованной нами в прошлом году заключительной части «Экспедиции в преисподнюю» С. Ярославцева) разбирать каверзное дело «о двойном отбиве головой Двуглавого Юла»: считать поименованного за одного игрока или за двух?

Явно не без инопланетных влияний изменяется постепенно и сама игра, ее правила. Так, председатель Олимпийского комитета Ким Перов голосует на конгрессе в Плутонвилле за предложение другого делегата уменьшить размеры футбольного поля (К. Булычев. Протест). А в упомянутой уже заключительной части «Экспедиции в преисподнюю» С. Ярославцева «некий Микалович, тренер легендарной команды «Черноморец», выступил с теорией «футбола без ограничений». Согласно его правилам, вратари, например, взвалив ворота на плечи, могут носиться по всему полю, и в игре могут принимать участие зрители... правда, забытые ими мячи, кажется, не засчитываются...»

Да и как избежать подобных влияний, если подчас и для инопланетян футбол оказывается-таки своим, кровным, доморожденным изобретением? Так обстоит дело, например, на далекой Рамерии (А. Волков. Тайна заброшенного замка). И не таков ли, в сущности, цукенол на планете Гнеца-18 (К. Булычев. Нужна свободная планета)? «Собираются две группы игроков, и им выдают один круглый предмет. Цель игры — закатить этот предмет в сетку противника... Если кто-нибудь дотронется до круглого предмета рукой, с него берут штраф...» Есть, разумеется, и особенности: поле, например, вследствие перенаселенности планеты сокращено у Булычева до 10 метров, а количество игроков в команде — до трех. Еще на одной планете, где тоже имеется «что-то вроде футбола», играют двумя мячами (М. Эрвейн. Чудесный шлем). Но ведь свои, местные особенности появляются и там, куда футбол занесен землянами! Впрочем, о каждой из них не расскажешь, оттого коснемся лишь вскользь такой существенной детали, как футбольный мяч.

«Мяч, таких же размеров и веса, как у нас, гаянцы начинили маленькими механизмами-киберами и антигравитационным устройством», и он теперь не только выполняет свои прямые обязанности, но одновременно служит судьей и радиокомментатором, которому, к слову сказать, порой слишком явно не хватает объективности (П. Ама-тунни. Парадокс Глебова). Роботам на планете Ворекалия в системе Проциона, тоже играющим в разновидность футбола, мячом служит литой свинцовый шар (С. Лем. 11-е путешествие Ийона Тихого). А вот — мячи с планеты Черная дыра. «Весь следующий этаж был занят мячами. Это были самонадувающиеся, безразмерные и самонадувающиеся мячи. Было несколько «самонадувающих» мячей. Они сами обманывали игрока противника, неожиданно и резко меняя направление полета» (А. Семенов. Путешествия туда и обратно). Наконец, в качестве мяча может оказаться и коварный инопланетянин-крнафс (Д. Бабушкин. Берегитесь крнафсов!), и даже инопланетная зверушка, бесхитростно подыгрывающая своему хозяину (В. Ксионжек. Зверушка для малыша)...

ПОПУРРИ

на ВОЕННУЮ ТЕМУ

Давид ЛИВШИЦ

ПОПУРРИ — МУЗЫКАЛЬНАЯ ПЬЕСА, СОСТАВЛЕННАЯ ИЗ ОТРЫВКОВ РАЗЛИЧНЫХ ОБЩЕИЗВЕСТНЫХ МЕЛОДИЙ.

Из словаря

После восьмого класса нас всех отправили в военный лагерь. Это были первые наши военные сборы. Командовал молоденький сержант — русо-волосый, с точеным лицом, весь ладный и подтянутый, не портила его очень заметная хромота — одну ногу при ходьбе он резко выбрасывал вперед, стопа при этом дергалась, но точно впечатывала землю.

Он построил нас перед казармой, проверил по списку, спотыкаясь на нерусских фамилиях. Скомандовал зычно: «Направо шагом марш! — И, сопровождая нас обочиной, приказал: — Запевай!» Мы пошушукались и запели строевую — не стройно, но старательно.

Военную форму на этих сборах не выдавали, одеты были кто во что, но многие с понятной пацанской гордостью носили отцовские и братановы кителя и гимнастерки. Шел 1944 год, у многих отцы и старшие братья кто погиб уже, а кто вернулся инвалидом... На мне был рыжий заграничный свитер, похоже, до меня уже пошennyй, и американские ботинки на толстой подошве. Это выдавали в школе из заграничных благотворительных посылок. Вышагивая с друзьями в строю, я тогда не думал, что придет и мой черед надеть гимнастерку убитого. За два месяца до конца войны с фронта придет посылка и в ней гимнастерка с залитым кровью погоном. Соседка тайком от матери выстирает гимнастерку, заштопает дырочки от орденон и осколков, и я стану ходить в ней в школу...

Сержант смотрел на нас озадаченно. Словно не умея определить до конца — что же мы такое есть. До войны мы еще не доросли, похоже было, уже и не дорастем до нее, не успеем. А учить

стрелять нас надо. И маршировать. И в наряды ходить.

Он не придирался к нам, хотя повод мы давали. Мы были горланисты и много умничали.

Однако же весь наш взвод быстро сделал открытие: любил сержант слушать наше строевое пение. То ли в нем умер, не успев расцветь, музыкант, то ли, как все сержанты и старшины, считал, что песня поднимает дух и держит строй... А может быть, радовался, что обойдет нас смертоносная судьба.

Дети войны, мы знали и любили военные песни. И все те, что остались от мира. Но уже через неделю перепели, что могли, всё, что годилось под строевой шаг, даже куплеты Сильвы и Марицы, и «Сулико», и «У самовара я и моя Маша».

Мы неплохо спелись, и у нас образовались свои запевалы, на вечерней прогулке перед отбоем взвод лихо вышагивал мимо штаба, где с крыльца со строгой ласковостью поглядывали на нас старшие командиры. Лучше всех пел Валька Горланов. Характер у Вальки был дурашливый, несерьезный, но петь он был силен — сильный гибкий тенорок, не зря его, Вальку, потом в большой армейский ансамбль взяли. Да и ростом он вышел — мы все дистрофики, военные педокормыши, недомерки, а он — самый высокий и потому правофланговый. Курносый и смуглый, как мулат, он вообще был приметным.

Вскоре Валька стал чертыхаться: все песни перепеты, надоело петь одно и то же. Сочинили свою, и та быстро приелась. Кончалась первая неделя, а «служить» нам еще долго... И тут кому-то пришла счастливая мысль. Попурри! Может, даже и мне. Очень в ходу были тогда по радио песенные вариации и фантазии. Их так и объявляли: попурри. Я был готов слушать их бесконечно, эти попурри, — то лирические, а то маршевые. Но то была чистая музыка, без слов. А тут пришла мысль — петь все песни подряд, как придется, в один заход куплеты из разных песен. Валька прибодрился. Выгнул колесом грудь и запел:

Ты лети с дороги, птица,
Зверь с дороги уходи:
Видишь облако клубится,
Кони мчатся впереди...

Гремя огнем, сверкая блеском стали,—
подхватили мы взводом,—
Пойдут машины в яростный поход!..

...Прощайте, товарищи, с богом, ура!
Кипящее море под нами! —
вплелись из задних рядов голоса.

И уже хором:
...Не думали, братцы, мы с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами.

Сержант, вприпрыжку загребая раненой ногой
по бугру, смотрел на нас счастливыми глазами.
Теперь всякий раз, когда мы шли строем в
столовую, баню или на полигон, наш русоголо-
вый комвзвода, терпеливо дождавшись, когда

Рисунки В. Ганзина

взвод споет одну-две «сюжетных» песни, просил,
чуть ли не робея:
— Давайте эту, как ее, по... попурию!..
И мы «давали»!

Учили нас стрелять из трехлинейки, марши-
ровать в строю, копать окоп в полный профиль,
нести дневальную службу, ходить в наряд — сло-
вом, учили той армейской азбуке, без которой
нет будущего солдата, а может, и вообще совре-
менного мужчины.

Но были мы все-таки подростками, то есть
личностями своенравными, с поступками, как
сказали бы теперь, непредсказуемыми.

Сержант построил взвод, сказал: «Шагом
марш!» И привычно добавил: «Запевай!» Мы
молчали. Думая, что его не расслышали, коман-
дир повторил команду. Мы продолжали идти,
топоча.

— Взвод, стой!.. Наде-во!.. Смирррна!.. В чем
дело? — сержант прошелся перед строем. — Поче-
му не поем?!.. Празговорчики!.. Напра-во! Шагом
арш! Запевай!

Мы молчали.

— Взвод, стой! — губы на белом лице сомкну-
лись и посерели.

Мы старались смотреть в сторону. Он прохро-
мал вдоль рядов и вдруг приказал:

— Ложись!!

— Па-пластунски! В направлении столовой!
Арш!

Наверное, мы заслужили эти пластунские
метры острой, как наждак, дороги. Запахи, иду-
щие от столовой, раздражали наши пустые же-
лудки. А впереди метров двести, не меньше! Но
он поднял нас тут же, мы не проползли и пяти
саженей. Дождался, пока отряхнемся, подравня-
емся, и тихо скомандовал: «Шагом марш, запе-
вай!!»

Мы запели. То ли запал кончился, то ли нас
озадачила недоброта командира (мы не ожида-
ли от него эдакого!), но запели и с любимой
«Матрос Железняк-партизан» подошли к сто-
ловой.

Лагерная жизнь крутилась отлаженными шес-
теренками. Близился конец сборов.

В то утро сержант заставил тихого старатель-
ного Левку Михайлова бегом бежать за речку
отыскать забытую взводом лопату. Левка бежал
запыхавшись, — сперва вниз через мосток, потом
в гору, возвращался, докладывал, что лопаты нет,
и сержант посылал его снова. После третьего за-
бега Левка, сбиваясь, сказал: «Что же мне, де-
сять раз туда бегать?» — «Надо будет, побежишь
двадцать», — ответил сержант, но больше Левку
не посылал.

После вечерней поверки командир прошелся перед взводом:

— Завтра последний день. Потом — по домам. Перед штабом пройтись, чтобы... — он искал подходящее слово, поднял руку, сжимая в кулак: — чтобы ого-го! Строй само собой. Но особо — песню. А сегодня — вроде как это... тренировка. Репетиция, значит.

Он не просил, не приказывал, он вроде бы как высказывал вслух распоряжок. И мы все поняли и внутри нас что-то затрепетало, в преддверии чего-то приподнятого, праздничного, мы запереглядывались, только Валька Горланов стоял угрюмо, он был не в духе и бормотал свое любимое, неведомое нам словечко: «салаги!».

Было заведено на вечерних прогулках негласное состязание — кто пройдет красивее и споет лучше? Наш взвод хвалили часто, сержанту не хотелось ударить лицом в грязь на прощальной церемонии. Он не был карьеристом, наш командир, но кому неохота быть в службе первым!

Когда сержант приказал запевать, мы посмотрели на Вальку, но он сделал вид, что не слышит. Мы загалдели, запонукали его. Сержант перекачивал желваки, но велел взводу остановиться и первой шеренге вместе с Валькой выйти из строя.

— Шагом марш! — приказал сержант. — Запевай!

Мы шли и молчали. Упорствовать и злить сержанта не хотелось, но круговая порука приятельства парализовала всех. Сержант вывел из строя вторую шеренгу, где запевакой был Женька Кузнецов... Через несколько шагов он вывел из строя и третью, где запевакой держали меня.

В четвертом ряду запевал не было.

С потемневшим лицом сержант смотрел на нас, мы отводили взгляд от его русой челки, выбившейся из-под пилотки.

— Кру-гом! — тихо сказал он. — Шагом марш в казарму!

Он шел сзади безмолвно всю дорогу, но, не доходя до казармы, приотстал чуть и, когда последние прошли мимо него, бросил: «Разойдись!». Повернулся и зашагал прочь, четче обычного выбрасывая перебитую ступню.

...Я побрел в санчасть перевязать ладонь — распорол об острый камень. Дежурная медсестра велела обождать и скрылась за занавеской. За неплотной простыней виделись ее проворные руки, склоненное сосредоточенное лицо и чья-то нога в сапоге. «Давай», — сказала она. Послышался приглушенный стон и голос сестры: «Не тропись!». Сапог упал на пол, послышался вздох облегчения, на табурет осторожно легла перебин-

тованная голень: «Мм-м!..» — «Потерпи, миленький!» Проворные руки ловко скатывали бинт.

— Болит?

— Есть маленько! — я узнал голос сержанта. Нога, багровая, в сукровицах и язвах, покоилась на табуретке. Ватным тампоном медсестра деликатно промокнула гнойные места. «Второй год как ранило, а конца не видать...» — «Кость задела... Это — дело долгое... Ну, все... Надевай свой сапог...»

Сержант, прихрамывая, прошел мимо меня.

...Мы чеканили шаг. Валька покаянно ловил взгляд сержанта, но тот, что называется, в упор нас не видел. Оставалось немного — дойти до столовой, свернуть, а там — плац и в глубине на широком крыльце штаба командир. Пора запевать, а команды нет... Сегодня — прощальный марш.

— Товарищ сержант, запевать?

— Разговорчики!

Мы прошли столовую и повернули на плац. Волна за волной взводы несли над собой, как знамена, песни. Куплеты сталкивались, переплетались, голоса запевал спорили и терялись в мощных припевах.

Песня, она, как мать, — каждому нужна своя. Безмолвные — все равно что сиротливые. Мы уныло смирились, что сержант, помня вчерашнее, проведет нас по прощальному плацу без песни. И тут вдруг расслышался его тихий, даже с нотками приободрения голос: «Запевай!»

И мы грянули! Ох, как мы грянули! Мы запели так, как не пели ни разу. Все вошло в наши голоса: хороший вечер, теплый синий вечер уральского лета, и слитность со всеми, кто врубал сейчас строевым по площади, и доброта сержанта, который не держал на нас зла. И вера командиров, всех, кто учил нас мужскому делу, умению защищать родину. И еще что-то, что было в воздухе, носилось в нем, это что-то — ощущение и предчувствие скорой Победы, ликующее сознание нашей причастности к судьбе страны.

Взвод вступал на главную линию, запевалы сменяли друг друга, память подсказывала все новые куплеты любимых песен детства — песен войны. И уже перекрывали мы все другие, хотя и ближние к штабу, голоса, уже поворачивали на крыльце улыбочивые лица командир, выглядывая, кто это так браво идет. «А-а, четвертый взвод... Понятно...»

А мы шли и пели наше попури.

Есть на севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залел..

Если петь одну песню, ее не хватит надолго, а понурри — хватает на всю дорогу. И настроение такое приподнятое, как ждешь радости, подарка, — что там откроется за новым поворотом куплета?

...И с налета, с поворота,
По цепи врагов густой
Застрочил из пулемета
Пулеметчик молодой!..

«Так, сынки, так», — шепчет главный командир на крыльце, и мы хотим сказать ему, седому и повоевавшему, что будем, как должны быть!

...Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет...

Закрывая горизонт, сияет перед глазами счастливое лицо сержанта. Это его сердце поет и кричит нашими голосами все победные песни —

славные, дерзкие, лихие... Нигде и никогда ни у кого не будет таких песен, потому что ни у кого не будет такой судьбы, как у нас. Потому что это судьба — страны, ее радостей, горестей и побед.

...Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, звонкий смех... —
звенит голос, —

А Россия лучше всех!..

«А Россия лучше всех!» — мы это уже знали точно.

Хотя мы еще были только пацаны.

ТИЛИ-ТИЛИ-ТЕСТО

Аркашка был сыном шляпника.

Шляпника мы уважали, а Аркашку нет.

Шляпник был похож на Чайковского, а Аркашка не был похож и на шляпника.

Что шляпник был похож на Чайковского, я узнал, когда вырос и увидел великого композитора в Москве — он сидел на возвышении в кресле возле консерватории и дирижировал.

У шляпника была такая же важнейшая внешность. Когда он выходил из квартиры и не спешил по антресолям, спускался по железным пластинам ступенек и двигался через двор к воротам, все провожали его не мигая. Мы удивились, узнав, что Аркашкин отец шляпник. Мы думали, что он очень большой Кто-то. Но шепелявый Вовка, Аркашкин племянник, привел всю нашу босушу шалаву однажды к себе домой — похвастаться патефоном, первым в нашем доме, — и мы увидели на большом дубовом, покрытом сукном, как бильярд, столе деревянные головы на шеях без плеч. На некоторых были напаяны шляпные заготовки. Это дед, сказал Вовка. (У него получилось «это фет», он даже в трех буквах шепелявил). Так мы узнали, что этот важный и красивый человек — шляпник.

— Мастыр! — уважительно говорил про шляпника домоуправ Надыр Бадырович, при этом успевая раздать подзатыльники Надырчику, Амирчику и Богадырчику, своим беспутным детям. — Раньше был частник, теперь работает плахая артель, а все равно — мастыр!

Наше уважение к шляпнику мы перенесли на его дело, оказывается, шляпы шить — непростая штука!

Но Аркашку мы не уважали. Во-первых, он был не как все. Все взрослые ребята курили, играли в орла и дрались. А Аркашка не курил, не играл, а наоборот, ходил на какой-то рабфак. И никто на улице не помнил, чтобы он лазил в

чужие сады. В-третьих, он был фрайер, так мы его называли, подражая взрослым ребятам. Так мы его называли по вечерам, когда он, чистенький, как молочницы-немки на рынке, надевал свою белую рубаху с открытым воротом и уходил «в город».

Вообще-то, нам не было дела ни до Аркашки, ни до всего мира. За день надо было успеть такую кучу всего! Сбегать на Черную, нашу речку и искупаться; дождавшись затишья в знойный полдень, слазить в чужой сад и надраться от пуза незрелых плодов (хоть дома бабки приготовили с рынка спелые). Потом затеять лапту, а если успеем, то и в отмерного, и покубарить маленько. Улица тянула нас как ненасытная радость, и, покусочничав на ходу дома, снова собирались во дворе или за воротами в тени огромных, до неба, акаций.

...Возле старой акации назревала большая лапта.

— Айда канаться,— сказал Борька Мисиков и вскинул палку.

Я поднял голову, и белое пятно вытеснило остальное: на балконе стояла Люся. Люся нас никогда не замечала, мелюзга мы для нее, чумазый, крикливый, безликий клубок. Но мы ее знали все... И бессознательно выделяли и отмечали. Жила Люся в Дальней Квартире и выходила оттуда редко — и всегда с родителями — суровым папой и недоступной мамой. Худой папа и дородная мама были совсем разными, но они казались похожими, потому что всегда молчали и поворачивали головы (как локаторы, я бы сказал, если бы знал тогда, что такое локаторы) в ту сторону, где находилась Люся. Люся была Светлая и Воздушная. И то, что она жила Наверху, было естественно и само собой. Люся была не такая, как другие красивые на нашей улице, красивые как бы по частям. Ну, там у кого нос или глаза. Люся была красивая вся, и сделана она была не из кожи, как мы. Потом, когда я вырасту и стану взрослым и даже совсем не молодой, и увижу в первый раз лицо знаменитой Нефертити, сердце мое безусловно зашемит. И я не сразу догадаюсь, что это щемит во мне память.

— Ну, ты шо?! — позвал меня Борька Мисиков, и я уже стал поворачивать к нему медленно голову, оставаясь глазами там, на балконе. То, что было дальше, увидел и Борька, проследивший мой взгляд, и Женька Жилин, и все. Левая ладошка Люси, скрытая от глаз родителей, разомкнулась, и белый какой-то комочек полетел вниз. В ту же минуту неизвестно откуда взялся Аркаша, комочек исчез в его кармане.

— Это да! Записка! ...Свиданка!!

Онемели мы в диком восторге. Известие током пронзило всю ватагу. Гончие замерли...

До сих пор горечь горькая вспоминать, что было потом.

Была азартная, не сравнимая ни с какой игрой погоня. Гонки с преследованием. Охота. Налет... Всякий раз, когда нам удавалось засечь «парочку», когда они вместе или порознь, украдкой и оглядываясь, пробирались со двора на улицу, мы, бросив свои забавы, будь то лапта даже, с шумным криком или, наоборот, крадучись, бросались по следу. Мы были талантливы в своей вездесущности и изобретательности, если дурное дело вообще можно назвать талантливым. Однажды мы их потеряли и, в последний момент уже решив вернуться, увидели их в глубине какого-то уличного тупичка. Люся смотрела на нас беспомощно и растерянно. Но Аркашкин взгляд горел такой ненавистью, что я вздрогнул и попятился...

Чего мы добивались? Как все это объяснить?

Много лет спустя, прочитав рассказ Чехова «Злой мальчик», удрученно уставился я в одну точку и вспомнил эпизод нашего детства. Мы не были злыми детьми. Мы дрались не жестоко, мы не мучили собак и кошек. Делили перепадавшие сладости поровну. Но эта стадная слепота, эта злобная радость преследования...

После встречи той, в переулке, наш азарт потихоньку сам собой пошел на убыль. Мы молча провожали взглядами парочку, спешившую пройти мимо нас побыстрее. А тут другие дела, поважнее, заняли наше воображение: началась война.

Зинка (Зиновий) был единственным и любимым сыном доктора Спиваковского, но он не ставил свое интеллигентское происхождение ни в грош. Зинка давно и упорно готовился к войне. Он каждый день ходил стрелять в тир и никогда не снимал с себя юнштурмовскую, в ремнях, форму, хотя форма уже несколько лет как вышла из моды. Зинка был единственным из наших взрослых знакомых, кого война не застала врасплох, не сделала растерянным. «Ну, вот!» — сказал он и пошел в военкомат.

Зинка шел из города, и мы, побросав лапту, окружили его.

— Ну, что, Зинк, опять не взяли? — уже вторую неделю он ходил к военкому.

— Возьмут,— спокойно говорил Зинка и шагал, не останавливаясь, большими своими шагами, тяжелые сапоги стучали глухо и убедительно. Зинке было шестнадцать лет, но был он огромный, как настоящий мужчина, нас, тем не менее, не презирал и разговаривал на равных.

— Зинк, а Зинк, а правда, что война скоро кончится? — мы семенили босиком, стараясь забежать вперед и поймать Зинкин взгляд.

— Нет, пацаны, война будет долго,— серьезно отвечал Зинка.

— Ну, сколько, сколько, скажи! — не отставали мы...

— Я думаю,— глядя вприщур перед собой, проговорил Зинка,— война будет месяцев шесть. А то и все семь...

Лето кончилось, наступала долгая теплая осень. Опадали листья кленов и каштанов, ломко шурша в канавах вдоль всей улицы; дворники вместе с нами сгребали огромные кучи и жгли пахучую терпкой грустью листву. Начались занятия в школе. Теперь мы собирались только после уроков. Любимого нашего вожатого Васю Шамрая призвали в армию, и в школе стало совсем скучно... Мы сидели под старой акацией и рассуждали о смерти. Артюшка Акоюян сердился: «А я никогда не умру!» — «Все умрут, а он не умрет — выискался!» — «А вот и не умру! Когда она придет, я стану вот так, — он растопырил ноги и сжал кулачки, — и ни за что не упаду, пусть попробует!» — «Эх, ты... — начал Борька Мисиков и не договорил. — Пацаны, зырьте!»

Вот это да! Такое мы видели только в кино! Солнце висело совсем низко и освещало дальнюю часть улицы. В конце ее, пустой и звонкой от громкого булыжника, возник всадник на белой лошади. Лопадь была громадная, белая, с летящей гривой и чем ближе, тем становилась огромнее. Она подскакала совсем близко, прямо к нашим воротам и выстунивала ноги у тополя, зубы в пене грызли железный мундштук, всадник натягивал удила, и тут мы подняли головы и увидели его самого, всадника. Ну и красив же он был! На одном боку висела кобура с наганом, на другом — настоящая сабля, шпоры влило охватили каблук сапог, ремни крест-накрест перетягивали грудь, и ремешок фуражки стягивался туго под подбородком. Это был самый настоящий конник, красноармеец, нет, командир — два кубика в петлице! Мы стояли, онемев, где-то внизу, у самых белых колен лошади, задрав головы, и тут вдруг наступила растерянная тишина: мы увидели знакомый с горбинкой нос, серые навывкате глаза и узнали во всаднике его, Аркашку... Неужели этот железный, стройный, бронзовый командир — тот самый слабак и хилак Аркашка?.. По тому, как кавалерист скользнул мимо нас холодным взглядом, мы поняли, что он тоже узнал нас. Аркашка молча спрыгнул с коня, подвел его к стене и накинул повод на штырь от бывшей водосточной трубы. Потом одернул гимнастерку, поправил планшет и, придерживая шапку, ловко — дзынь-дзынь-дзынь! — сказали шпоры — взбежал на ступеньки Люськиного подъезда. Мы стояли не шелохнувшись, пока он был

там и потом, спустившись, вошел во двор и постучал в свою квартиру. Через несколько минут снова зазвенели шпоры и из арки дома вышел Аркашка. Боже-господи! Как хотелось, чтобы он нас заметил! Как хотелось показать себе и всей улице, что мы с ним знакомы, знакомы, знакомы с этим замечательным командиром, что мы с ним по-свойски, что он наш, с нашего двора... «Настоящие шпоры!» — сказал Артюша и, бледнея, протянул пальчик. «Вот бы саблю потрогать!» — протянул, ни к кому не обращаясь, Женька. «Или портупею!» — сказал вслух Борис.

Аркадий прошел сквозь нас, как корабль проходит сквозь прибрежные щепки. Отвязал поводья, хлопнул коня по загривку, сунул ногу в стальное стремячко и вырыгнул в седло. В последний раз посмотрел на все разом окна дома и покакал.

Может, оглянется?..

Мы высочили на середину дороги и сколько пробежали вслед...

Аркашка не оглянулся.

Он не простил нам ничего нисколько.

Он раздавил нас своим презрением и уничтожил. Мы поняли, какое мы дерьмо...

И вот уже прошло столько лет, а я все вижу наши понурые исподлобья глаза, длинную, залитую осенним теплым закатным солнцем улицу, слышу звон подков по булыжной мостовой. И вижу всадника, скачущего к горизонту долго-долго, целую вечность.

Он скачет, и я жду, что он оглянется.

Вот и все.

Теперь мне надо бы придумать хороший конец. Чтобы было хорошо и была правда.

...Аркашка вернулся, они с Люсей поженились и дожили в дружбе до старости.

Так бывало.

...Аркадий не вернулся. Но Люся его ждала и ждет всю жизнь...

И так бывало.

А чаще бывало, что приходила похоронка и родители, оплакав свое, находили после войны дорогу им могилу и радовались, что можно поклониться родному праху.

Лет десять спустя после войны я приехал в родной город и заглянул на свою улицу, в свой, такой маленький вдруг, такой игрушечный двор. Мимо прошел сторбленный седой старик со слезящимися глазами, и я с трудом узнал в нем шляпника.

Ребята рассказали: Аркашка пропал без вести, домой от него не пришло ни одного письма. Люся после войны вышла замуж, живет тут же, в нашем дворе, с мужем и двумя детьми.

ЭПИГРАФ

В классе их было восемнадцать.

Парней, как сказали бы сейчас. Или — юношей, как несколько возвышенно-благородно называли молодых людей до войны. Остальные девочки. Сорок человек.

Ребята держались кучно, девочек игнорировали, хотя наступил возраст любви, как-никак — десятый класс. Из школы — гурьбой, в походы; в кино — вместе. К выпускным экзаменам по литературе решили готовиться сообща. Математику любил, химию терпели, с немецкого сбегали, а литературу — боялись. Тут надо придумывать, а дело это неопределенное.

Собирались у товарища в квартире с большой комнатой. И огромным старомодным балконом. На балкон вываливались в перерыв — выпустить пар. Сразу начиналась куча мала. Любимое занятие — потешиться над Хвоцем. Хвоц, долговзый, рыжий, веснушчатый, не давал труда ни отмахнуться на тычки, ни огрызаться на задиристые словечки. Добродушный Дима Уманский жалобно упрашивал в стороне: «Ребята, не надо, ребята, не надо!» — «Иди — иди!» — с грозным обещанием оглядывался на него неукротимый вьедливый Венька Дьяченко и тянул руку к рыжему Хвоцу. Вовка Богомолов поглядывал на возню не улыбаясь, он был выше суеты в своей аспидной ассирийски безупречной прическе.

Кому-то пришла идея связать Хвоца. Хвоц не сопротивлялся. Его скрутили бельевой веревкой и ровно уложили на старый диван. Потом сожгли старую газету и сажей нарисовали Хвоцу усы, бороду и пышные бакенбарды. Очень довольные собой, ушли заниматься... Спихнулись только через час. Кинулись на балкон: Хвоц уютно посапывал... Дима Уманский с виноватым видом стал стирать сажу с лица товарища, еще больше размазывая. Стоял хохот.

Мальчик, маленький брат их товарища, тихо вошел в запретную комнату. На диване и стульях валялись исписанные листки, учебники с закладками. На столе брата — новенькая раскрытая тетрадка. Завораживающе чист белый лист. Только в уголке несколько строчек. Мальчик прочитал по слогам: сочинение на вольную тему. Эпиграф. «Заводов труд и труд колхозных пашен мы защитим, страну свою храня».

— А что такое эпи-граф? — спросил он у брата через день, когда тот собирался в школу. — Много будешь знать — быстро состаришься, — сказал брат, торопливо засовывая за пояс учебники. — Ну, скажи, ну, пожалуйста, — заканючил мальчишка.

— Эпиграф? Эпиграф — это, это... главная мысль, что ли, так можно сказать. Да, самая

главная мысль того, что ты хочешь выразить... А тебе зачем?..

Через неделю в школе начались экзамены.

Потом был выпускной вечер.

Потом ребята ушли в поход, в горы, и про войну узнали только через два дня, когда спустились в долину.

А через неделю их провожали на платформе вокзала, такого тихого, провинциально уютного, но присмирившего и тревожного. И матери были тихие и примирившиеся.

...Димка Уманский сторел в танке под Харьковом. Дьяченко-заводило погуб при переправе на Дону, когда уходили по льду, оставляя Ростов. Красивый и надменный красавец Вова Богомолов, ротный пулеметчик, умер в санитарном поезде от ран. От Хвоца не пришло ни одного письма. Кто-то писал, что видел, как он минировал мост и его разнесло при взрыве. Старший брат мальчишки, тот самый, у которого все собирались перед экзаменами, два раза за войну был тяжело ранен, вылечивался, возвращался в часть, к своим гвардейским минометам «катюша», и погуб под Кенигсбергом перед самым концом войны.

После войны родилась песня и пели про то, как их оставалось только трое из восемнадцати ребят. Из этих не осталось ни одного. Не сразу, не скоро в школе, где они учились, появилась мемориальная доска. А когда появилась, то написали на ней все восемнадцать фамилий.

Мальчик вырос и, перебирая как-то в шкафу старые бумаги, наткнулся на черновик сочинения. На тетрадном листке остановил его знакомый почерк брата: «Заводов труд и труд колхозных пашен мы защитим, страну свою храня».

«Как клятва», — подумал он.

Потом взял словарь и прочитал: «Эпиграф: краткая цитата перед произведением, характеризующая основную идею произведения».

— И жизни, — добавил он про себя.

ПРОВЕРКА

Мой старший товарищ, фронтовик, ветеран войны, рассказывает: «Мы до войны жили в Перми. Однажды нас, комсомольцев старшего класса, человек восемьдесят или сто, вызвали в райком комсомола и сказали: «Всем с рюкзаками быть через три дня в условленный час на вокзале — едем на Дальний Восток, будем жить в палатке, валить тайгу, выполнять специальное задание».

Через три дня мы были все на платформе в указанном месте и в указанный час. Не пришло всего пять-шесть человек. Секретарь райкома

выстроил нас и сказал: хорошо. Можете идти по домам. Это была проверка.

Конечно, добавляет после некоторого раздумья товарищ, возможно, это был перегиб, но какая решимость! Какая готовность! Надо — и пойдем в огонь и воду...

Что? Те пятеро? Их исключили из комсомола, и ни у кого не было сомнения, что это справедливо».

ПОГОНЫ

Мальчишке-лейтенанту вручили на фронте в 1943 году первые погоны: полевые, защитного цвета и золотистые — парадные. Блестя глазами, разглядывал он новенькие погоны, потом приладил полевые, а золотистые спрятал, до конца войны.

Конец войны он не дождался, его убили 5 марта 1945 года, а погоны вместе с другими вещами товарищи переслали матери лейтенанта.

Она изредка вынимала их из шкатулки, смотрела на них — золотистые, новенькие, без дырочек для звезд, и даже однажды, в задумчивости, примерила их перед зеркалом, как бы пытаясь представить сына в парадном наряде.

Так и лежат они вот уже сорок лет в старенькой шкатулке рядом с перевязанной пачкой фронтовых треугольных писем и боевым орденом, эти побывавшие на войне и не побывавшие на параде золотистые погоны.

ПЕРЕПИСЬ

Всесоюзная перепись населения. К старику соседу, живущему одному, приходят две молоденькие переписчицы. Обычные вопросы — ответы: возраст, рождение, национальность, род занятий... Доходят до родственников.

— Кто еще, дедушка, живет с вами, кто прописан на вашей жилплощади?

— Живет? А никто не живет, кроме меня. А прописан еще сын.

— А где он сейчас?

— Не знаю, точно не скажу. На войне он был...

— Так он, дедушка, не пришел с войны?

— Не пришел...

— Погиб или пропал без вести?

— Похоронку приносили...

— Так он уже давно выписан, сорок лет уж прошло... Мы пойдем, дедушка...

— Нет, записывайте сына! Прописан он здесь! — начинает нервничать старик.

— Да ведь... — вскидывается возражать одна

из переписчиц, но я ей делаю знак за спиной старика, и она замолкает на полуслове.

Вот уже третья послевоенная перепись на моей памяти. И всякий раз повторяется этот разговор. Так старик вроде ничего, покладистый, а тут упрется, и ни с места.

Переписчица попалась умненькая, не то что в прошлый раз, доведшая старика до слез. Она снова раскрывает свои бумаги и садится к столу:

— Как зовут сына, дедушка, сколько лет?..

— Да, почитай, шисят первый, ну, да, шестьдесят первый уж стукнул. Он у меня с 23-го года. Единственный то ись. Тут и прописан, не выписывал я его...

Старик понемногу успокаивается.

ЛЕКЦИЯ

В холодный промерзший Эрмитаж 1942 года пришла группа бойцов перед отправкой на фронт на экскурсию. А картины к тому времени все вывезли в глубокий тыл. В длинных залах висели по стенам одни пустые рамы, в них виднелись светлые невыцветшие прямоугольники стен. Старый, отказавшийся эвакуироваться экскурсовод, словно разделивший судьбу опустошенного музея, бродил холодной анфиладой... Он увидел, как бойцы, деликатно топоча, поворачивают к выходу. Постойте, сказал он задумчиво. Потом повернулся и добавил: пошли. Он привел их к пустым рамам. Он заговорил, привычно, не спеша, переходя от рамы к раме, раскрывая перед почтительными слушателями красоту красок и чудо судьбы каждой картины, каждого шедевра. Каждого, мирно покоившегося сейчас в тысячах километров от своих стен и рам где-то на далеком Урале.

Это была одна из самых удивительных в истории земли лекций об искусстве...

Двадцать миллионов погибнет, чтобы на землю вернулся мир.

В дома — покой.

В музеи — картины.

Алексей МОСИН

ДВА

желания

ПАВЛА ДЕМИДОВА

Павлу Николаевичу Демидову «Ревизор» понравился. В самом деле, что за презабавная вещьца! Вот и государь смеялся от души. Нет, ей-богу, господин Гоголь заслуживает всяческого поощрения — в Петербурге только и говорят, что о его новом сочинении.

Пожалуй, надо обратиться к непременно секретарю Академии наук господину Фусу. Разве смогут ему, Павлу Демидову — егермейстеру императорского двора, миллионеру и почетному члену Академии наук, наконец, учредителю знаменитых Демидовских наград, — отказать в столь незначительной просьбе? Да господа академики и сами уже наверняка обратили внимание на талантливое произведение, удостоившееся к тому же высочайшего одобрения.

Итак, решено: не откладывая, прямо сегодня написать своему тезке Фусу, чтобы успеть получить ответ и самолично сообщить приятную весть господину Гоголю, прежде чем уехать за границу.

«11 мая 1836 г., С.-Петербург».

Милостивый государь, Павел Николаевич!

Небезызвестно вам, что цель пожертвования моего двадцати пяти тысяч ежегодно в Российскую императорскую Академию наук есть споспешествовать пользе и славе отечественной на поприще литературном.

Поприще сие ныне украшено новым произведением г. Гоголя под названием Ревизор, комедия в пяти действиях. Нельзя не отдать полной справедливости точнейшему описанию нравов поставленных им на сцену лиц и национальности изречений. Словом: по живописанию характеров сие сочинение г. Гоголя в своем роде может считаться образцовым. Это уже и подтверждается тем восторгом, с каким оно принято публикою, а еще более вниманием государя императора, удостоившего первое представление сей комедии своим присутствием.

Мне весьма бы хотелось, милостивый государь, чтоб сие творение г. Гоголя было увенчано одною из золотых медалей, учрежденных на счет суммы, мною ежегодно жертвующей в Российскую императорскую Академию наук, и потому я всепокорнейше прошу вас сделать о сем предложение Академии, которая, приняв в соображение достоинство сего сочинения, а равно и просьбу мою, как учредителя премии для награды успехов в отечественной литературе, конечно, не сочтет мое желание и ходатайство неуместным и невозможным к исполнению.

В ожидании на сие ответа я приостановляю письмо моим к самому г. Гоголю по сему предмету.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть вашим, милостивый государь, покорным слугою.

Павел Демидов».

Тексты писем публикуются по «Журналу входящих и исходящих бумаг П. Н. Демидова» (Государственный архив Свердловской области, ф. 102, оп. 1, л. 259) с раскрытием сокращений и в соответствии с правилами современной орфографии. Письма публикуются впервые.

Через несколько дней из Академии наук пришел ответ. Демидов нетерпеливо скользнул взглядом в конец довольно длинного письма Фуса:

«...при всем желании угодить вашему превосходительству, Академия видит себя в невозможности назначить от своего имени какую-либо премию г. Гоголю за сочиненную им пьесу Ревизор...».

Но почему? Демидов стал читать с начала.

«15 мая 1836 г., С.-Петербург».

Милостивый государь, Павел Николаевич!

Пунктом 2-м IX-ой статьи высочайше апробированного положения об учрежденных вами в 1831 году наградах постановлено:

«Изъемятся от права соискания: стихотворения, романы, повести, драматические сочинения и т. п., ибо излишне было бы поощрять денежными наградами сочинения, легко находящие у нас издателей и скоро раскупаемые публикою. Сбыт оных в России, как и везде, так значителен, что прибыль, от них получаемая авторами, далеко превышает установленную награду».

Учреждение же медалей, с вашего согласия и по утвержденному государем императором образцу, имело исключительно целью вознаграждать посторонних ученых за труд, принимаемый ими на себя по приглашению Академии, и при рассмотрении и обсуживании таких соискательных сочинений, которые по предмету своему не подлежат непосредственному разбору Академии».

И так далее...

Демидов поморщился. Все так, формально господа академики правы, но не следовало ли делать исключения для творений выдающихся, имеющих такой резонанс в обществе, как «Ревизор»? Видно, сам он недодумал в свое время. Надо бы внести кое-какие поправки и уточнения в положение о наградах.

А пока — делать нечего, надо написать, как и собирался, автору комедии. Тем более, что не все по достоинству оценили «Ревизора», и господин сочинитель наверняка нуждается в моральной поддержке.

«18 мая 1836 г., С.-Петербург».

Милостивый государь, Николай Васильевич!

Из препровожденных при сем копий, с предложением моего здешней императорской Академии наук, и с ответа ее на оное вы изволите усмотреть, милостивый государь, как я ценю драматический талант ваш, доказанный вами новым сочинением пьесы — Ревизор. Сожалея, что не мог достигнуть исполнения моего желания, я по крайней мере удовольствуюсь извещением вас об оном.

За сим прошу вас принять уверение в совершенном моем к вам почтении и уважении, имею честь быть вам, милостивый государь, покорным слугою.

Павел Демидов».

22 мая в петербургский дом Демидова пришло письмо «господина профессора Гоголя» «с изъявлением живейшей благодарности за внимание к сочинению его новой пьесы Ревизор».

Догадывался ли Павел Демидов, что материальная поддержка нужна Гоголю ничуть не меньше моральной? После постановки «Ревизора» удалось уплатить лишь часть долгов. Нужны средства для заграничной поездки. Переезжая из Германии в Швейцарию, из Франции в Италию, двадцатисемилетний Гоголь будет экономить на каждой мелочи и... писать «Мертвые души». Вот когда Демидовская премия в полторы тысячи рублей оказалась бы более чем кстати!

Павел Демидов тоже собирался в Германию, на курсы — здоровье к 38 годам совсем расшаталось. А на октябрь назначена его свадьба с придворной фрейлиной, знаменитой красавицей Авророй Карловной Шерваль.

Кстати, на днях ему в голову пришла великолепная мысль.

В январе 1836 года в Россию вернулся Карл Брюллов. На родине увенчанного европейской славой живописца встречали как национального героя. В честь Брюллова устраивали приемы и празднества, лучшие поэты России посвящали ему и его творениям свои стихи. Особое внимание публики привлекала недавно законченная картина «Последний день Помпеи». Картина была выполнена по заказу младшего брата Павла Демидова, Анатолия, который уплатил за нее автору 40 тысяч рублей, а потом подарил царю.

Почему бы и ему, Павлу Николаевичу, не заказать что-нибудь подобное? Правда, до свадьбы остается всего несколько месяцев, но кисть у Карла Павловича быстрая. Зато картина знаменитого мастера придаст еще больше блеска свадебным торжествам.

Демидов снова берется за перо.

«15 мая 1836 г., С.-Петербург.»

Милостивый государь, Карл Павлович!

Желая украсить здешнюю столицу новым произведением кисти вашей, обращаюсь к вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою посвятить несколько трудов ваших написание для меня картины. Любя искренне все клонящееся к славе отечественной, я истинно гордился бы иметь для украшения небольшой своей домашней галереи картину искусства вашего, столь уже известного всей просвещенной Европе. Если вам

удовно будет, в особенное мне одолжение, принять таково мое предложение, то мне приятно бы было иметь картину, изображающую Дмитрия Донского после достославной битвы на Куликовом поле, не упустя из виду нечаянной сего встречи с Ксениею. Почему и прошу вас, милостивый государь, почтить меня на сие ответом, можете ли вы принять на себя труд сей, и если можете, то в сколько времени надеетесь окончить и какое вам угодно будет положить за оный возмездие.

К сему присовокуплю вам еще, что мне желается, чтоб фигуры на картине были изображены в натуральном виде, а потому определить величину оной, согласно сюжета, оставляю на волю вашу.

С истинным почтением имею честь быть вам, милостивый государь, покорным слугою.

Павел Демидов.

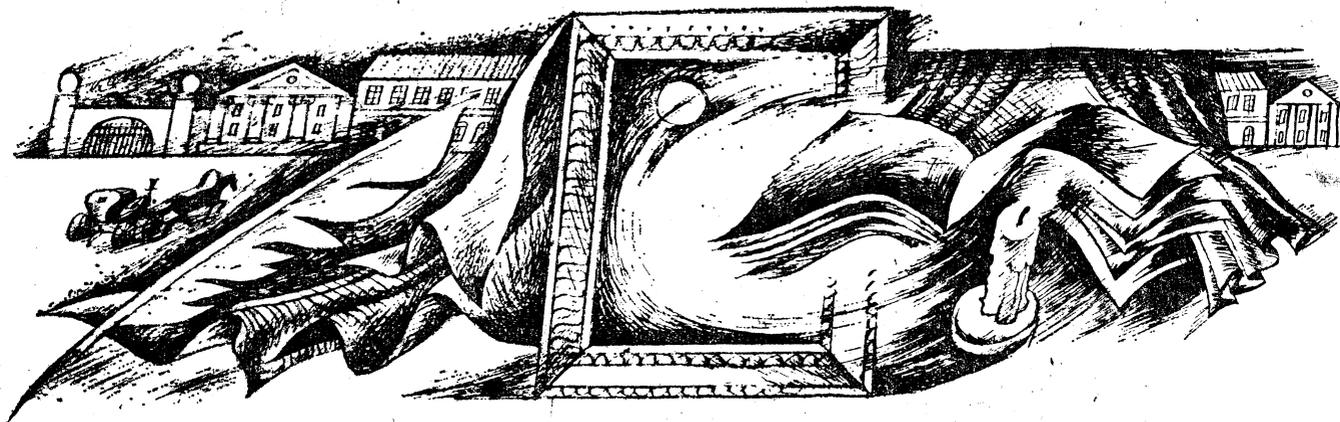
Р. С. По случаю скорого моего отъезда за границу, ответ на сие прошу адресовать к поверенному моему — купцу Евгению Васильевичу Белову, живущему здесь в Санкт-Петербурге на Васильевском острове в 4 линии за Малым проспектом в доме под № 66-м.

Нет, не суждено было Павлу Демидову порадовать свою невесту и гостей новым шедевром Брюллова. История русского искусства такой картины не знает.

Что помешало осуществлению желания Демидова? Художника не заинтересовала тема? Но искусствоведы знают, что еще в год окончания Академии художеств Карл Павлович создал гравюру «Дмитрий Донской». Может, его стесняла слишком жестко продиктованная воля заказчика, оставившего на усмотрение маэстро лишь определение размера полотна?

Вряд ли Брюллов отказал Демидову без серьезного повода. Таким поводом мог быть заказ самого царя — написать большую картину на сюжет из русской истории XVI столетия — «Осада Пскова». Работа грозила растянуться не на один год. Вероятно, об этом и уведомил Павла Демидова Брюллов.

Но если трудно писать одновременно две многофигурные исторические картины, то исполнить сравнительно небольшой портрет вполне возможно, особенно если об этом просит Павел Николаевич Демидов. И Карл Брюллов написал портрет Авроры Карловны Демидовой.

ГРИГОРИЙ ТИТОВ ИЗ ВЕШЕНСКОЙ...

Виталий ПАШИН

В романе М. Шолохова «Тихий Дон» есть выразительная сцена митинга в станице, когда Вешенский казачий полк отказался овеать против Советской власти. Пренебрегая опасностью, в Вешенскую пробрался большевистский агитатор, безоружный красноармеец, и на казацком сходе выступил с разъяснением политики большевиков по отношению к казачеству, рассказал о Советской власти, о Красной Армии.

Отважный агитатор фигурирует в романе без фамилии. И вряд ли кто из читателей мог предположить, что у этого эпизодического персонажа был прототип. Оказывается, что не только сцена митинга взята автором из реальной жизни, но и оратор — лицо подлинное. К такому заключению пришел сотрудник Центрального музея революции СССР А. Ерохин.

Изучая изданный в начале 20-х годов сборник «Братские могилы», где рассказывается о революционерах, отдавших жизни за народное дело, он обратил внимание на одну из деталей героической биографии Григория Васильевича Титова, погибшего 25 сентября 1919 года во время взрыва бомбы, брошенной эсерами в зал, где заседал Московский комитет РКП(б). Уроженец одного из костромских сел, член большевистской партии с 1912 года, он был активным участником Великой Октябрьской революции. В годы гражданской войны Титов храбро сражался на ее фронтах. Назначенный комиссаром полка Московской рабочей дивизии, действовавшей на Дону против генерала Краснова, он помогал революционному казачеству в освобожденных от врага станицах создавать местные органы новой власти, был страстным агитатором, обратившим не одну сотню казаков в новую веру — веру в Советы.

Вот как сказано в сборнике «Братские могилы» о подвиге комиссара Титова:

«Прослышав, что Вешенский полк отказался выступать против большевиков и вернулся в свою станицу во главе с казаком Фоминым, т. Титов еще с двумя товарищами, совершенно безоружными, решил пробраться через фронт, чтобы окончательно разложить полк, разоружить его. И действительно, рискуя попасть в лапы верных Краснову войск, он пробрался в станицу, два дня

митинговал, привлек окончательно на свою сторону Вешенский казачий полк, выпустил воззвание к населению и, закончив с успехом свою задачу, вернулся в свой полк...»

Через полтора десятилетия после выхода в свет сборника «Братские могилы» этот эпизод нашел свое художественное отражение в третьей книге романа М. Шолохова.

УЧРЕДИТЬ ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР...

Анатолий ПРУСС

В Государственном архиве Оренбургской области хранится дело за номером 89а. Называется оно так: «Отношение Нижне-Новгородского военного губернатора Оренбургскому военному губернатору об учреждении тайного полицейского надзора за направляющимися в Оренбург поэтом и титулярным советником Пушкиным».

Нижегородский губернатор сообщает в Оренбург, что Пушкин 14 сентября 1833 года выбыл «...из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернии». И далее: «...в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение о учреждении за ним, во время пребывания его в оной, секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением».

Поэт пробыл в Оренбурге два дня «...поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

20 сентября Пушкин уехал из города.

А спустя месяц, 23 октября, в Оренбург пришло письмо-инструкция об учреждении надзора за поэтом.

Генерал-губернатор Перовский составил 24 октября ответ:

«Отношение Ваше получено мною через месяц по отбытии отсюда г-на Пушкина, в свою деревню Нижегородской губернии, а потому, хотя во время кратковременного пребывания его в Оренбурге и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий».

„СЛУШАЙ, ДОЧА...“

Владимир ПРОКОПЕНКО

«...Слушай, доча... иду я как-то по лесу. Кругом деревья шумят, вдали речка бурливая по камням скачет. Вдруг откуда ни возьмись — олень на меня выходит. Я хватаю за ружье, а он мне человеческим голосом: «Не убивай меня, человек, я тебе пригожусь!» Я от удивленья рот открыл и замер, а олень своей дорогой пошел. Покачал на прощанье рогами да взгляд подарил — умный и печальный (у него, доча, в каждом глазу по грустинке запрятано). И стало мне на душе светло и радостно. Что же ты думаешь? И вправду пригодился мне олень с грустинками в глазах. Иду опять как-то по лесу с маршрута (здесь, доча, все лес да лес, как у вас улицы). Устал. Ноженьки ступают еле-еле. А впереди — речка говорливая и надо мне эту речку перейти. А как перейти? — речка больно сердитая, воды свои высоко-высоко подняла, не пускает. Сел я на берегу да и загрустил... Ночь впереди холодная, горы вокруг темные, лес таинственный. Вдруг откуда ни возьмись — олень на меня выходит тот самый и говорит человеческим голосом: «Садись ко мне на спину, за рога крепче держись». И не заметил я, как на другом берегу очутился».

Написал я все это трехлетней дочке да вспомнил, что где-то уже читал подобную сказку. И не просто читал, а поверил в нее. Пусть и моя малышка поверит в сказку, пусть всегда надеется, что в трудную минуту придет к ней на помощь верный друг. Хотя, конечно, наяву-то проторчали мы тогда с Генкой Ильинским всю ночь на берегу речки, пока вода не спала...

Мы — дончики. Так называем мы себя на профессиональном жаргоне. А если правильно, по-научному, мы — геохимический отряд из семи человек, ведущий поиски по потокам рассеяния. Наш удел — ходить, ходить и еще раз ходить! Все ручьи и речки района — наши. И они порядочно нас выматывают. Просто парадокс — мы не рады теплой и ясной погоде! Нашей работе мешает бурная вода — днем палит солнце, и с гор несутся тающие снега. К тому же продольный профиль ручьев довольно крутой, русла завалены глыбами горных пород, борта ручьев крутые и скалистые, а верховья часто покрыты толстым ледяным панцирем, который стаивает лишь к концу лета. И это тоже наше место. Место, на котором мы работаем. На картах пилотов оно обо-

значено небольшой точкой с номером. Но все мы, тайно и явно, гордимся нашей точкой. Это необычный уголок: стык двух крупных областей и республики. Палатки наши стоят в Читинской области, на территории Амурской области (в километре от палаток) мы прокладываем геологические маршруты, а к северу, за рекой Хани, — простирается суровая Якутия. Десять километров до станции Хани — для нас все равно что для вас сосед, к которому вы обращаетесь за спичками...

После трудной десятидневки нас перебросили в новое место — опять на веселую точку. Как всегда, палатки на берегу ручья. И ручей, как всегда, «говорливый». А за ручьем два огромных «бараньих лба» — гигантские утесы, сложенные изверженными горными породами. Рассекает «лбы» ручей, который у пилотов называется почему-то «Фестивальный». А еще из палаток виден нам кусочек БАМа. С него день и ночь слышен рокот могучих «КрАЗов» и «Магirusов», лязг железа — там стройка века!

Мы планируем обрабатывать нашу новую точку и главный орешек — ручей «Фестивальный» — маршрутом-многодневкой. В маршрут пошли Саша Зайцев (начальник отряда), Генка и я. Коля Сороченко и девчата будут «брать» мелкие скалистые ручьи вокруг лагеря.

Что значит обрабатывать «Фестивальный» сверху? Это значит выходить на БАМ, ехать на попутке 20 километров, а потом пешочком перевалить через перевал в нужный нам ручей.

Перед выходом на трассу, к поселку ПМК, нас ожидало маленькое приключение, проволочная переправа — запущенная, но крепкая. Саша Зайцев в прошлом маршруте вывихнул руку, поэтому через реку Хани перешел вброд — по сильному течению, по пояс в воде, но все-таки благополучно. Мы же с Генкой решили испытать нервы на проволочной переправе — покурили, и вперед. По нижней проволоке — ножками, на верхнюю наваливаешься грудью, а верхняя проволока — упругая, так и норовит откинуть назад, а за спиной — тяжелый рюкзак. Словом, акробатика с геологическим уклоном! Эх, переправа, переправа...

А потом ожидание попутки. Машин в нашу сторону нет. Грянул ливень. Побежали в поселок. Забрели в барак семьи на четыре, в кори-

доре полно ребятишек — веселые, бамовские. И на нас с интересом смотрят — еще бы! Мы обуты в тяжелые ботинки, одеты в энцефалитки защитного цвета, за плечами рюкзаки и ружья, на поясах тяжелые охотничьи ножи. Дети норовят все потрогать и расспросить, куда путь держим. На ходу придумываем сказку о злом драконе, который живет высоко в горах. Дракон украл красивую девушку, а мы, храбрые воины, идем ее освобождать... Бамчики таращат глаза и верят так, как могут верить только дети.

...И снова трасса. Первым уезжает Саша на «МАЗе», а потом и мы на «Магнусе». Шофер попался из молчунов, его ничего не интересовало, кроме дороги, тут уж не до сказок — работа! Нам трудно, а ведь им, бамовцам, еще трудней, потому что они строят и живут здесь, среди горной тайги и вечной мерзлоты. Ночью были на месте. Саша готовил ужин, мы строили шалаш из жердей и стланика. Сыро. Все полно дождевых капель. А с заснеженных гор тянет холодом. Потом мы ужинаем и долго-долго пьем чай, пытаюсь отогреться... А наутро — в маршрут. Каждый взял свою долю работы и — в путь.

Я шел вдоль наледи по левому берегу ручья. Наледь была огромная и живая: ее жизнь ощущалась прохладой, она ухала, когда куски льда обваливались в воду, и слепила глаза фантастической голубизной. И эта ледяная красавица пыталась скрыть от меня свою главную тайну! А тайна эта — горная порода, существенно кварцевая, измененная сульфидной минерализацией. Это была рудная зона, большая часть которой уходила под наледь, и лишь у самой ее кромки в горной породе ярко блестели на солнце латунно-желтые пириты. Эта геологическая находка явно была мне наградой от сурового «Фестивального», ибо в одном из его притоков я утопил сито для отмывки проб и порвал болотники.

...Вторую ночь маршрута встретил на скалах. Большая вода, скалистые прижимы делали ручей труднопроходимым. Я дважды был на грани срыва и дважды, как лунатик, проходил по карнизам, где бродят лишь горные козы. Ночью на скале было зверски холодно. Трухлявые пни, которые удалось собрать, горели плохо, а под утро заморосил мелкий нуждный дождик. Я малодушно ругал себя за то, что связался с геологией, клялся, что больше никогда не пойду в поле — и на кой черт мне невероятные трудности за вероятные 200 рублей, которые и в городе можно заработать! Но ругался я слишком вяло и только до лагеря, где меня ждал вкусный ужин, приготовленный нашими девочками, теплый спальник и каменный сон...

Работа на точке закончена, и мы ждем вертолета. И опять баня, и опять письма, и опять мыс-

ли. Мысли о доме и о городах, где я бывал. Что-то кажется мне горожане несчастными и обделенными — живут в тесных каменных коробках, ходят от звонка до звонка на работу, топчут расплавленный солнцем асфальт, пьют теплую газировку, рассыпаются горохом по городским пляжам и купаются в мутной стоячей воде!

А мы! Мы живем в палатках в окружении высоких гор, пьем чистейшую воду, дышим чистейшим воздухом и испытываем разные вероятные и невероятные ситуации! Мы живем среди дикой природы и можем считать себя счастливыми людьми, потому что общаемся с ней. Она нас испытывает, она же и вознаграждает, — своей первозданной чистотой, своими бесподобными хариусами и брусникой, кедровыми шишками и другими приятными вещами... И еще природа нас вдохновляет! Она делает нас честнее и добрей. Она не терпит ханжества, насилия и жадности... Как подумаешь, сколько уже написано на эту тему, сколько людей до мозоли на языках призывают бережно относиться к ней! И я тоже хочу заработать свои маленькие мозоли на языке и пальцах в пользу этого. А это значит — в глубине души, сам себе не признаваясь, — я страшно заскучал по дому, по дочке, по людям и, как ни странно, по ненавистному городу... Я сажусь и пишу дочке очередную сказку...

«...Слушай доча... жила-была на дальнем севере Наледь. Отец ее был Мороз, а мать — добрая и быстрая Вода. Наледь росла на редкость красавицей — в солнечные дни искрилась миллионами ярких звездочек, была то белой, то голубой, то зеленой, но всегда — прекрасной. Иногда на дальнем севере бывает жара... Тяжело тогда в тайге и зверю и человеку. Мириады комаров носятся в воздухе, долно гнуса и духоты — куда тогда бежать, у кого искать спасения? Только к ней, доброй и прохладной Наледи. И замученный мошкаркой олень осторожно ступает на территорию Мира, и беспечный Мишка, вытирая лапой морду, перемазанную брусникой, заваливается на лед, и все звери становятся ласковы друг с другом, забывают свои лесные распри... Наледь щедро раздает себя, и делает врагов друзьями... Приеду, доча, и будем вместе учиться искусству быть добрыми...»

последние дни Верещагина

Игорь АЛЕБАСТРОВ

О В. В. Верещагине, всемирно знаменитом русском художнике-баталисте, написано множество очерков, статей, монографий, даже повестей и романов. Настолько выдающейся был он личностью — и как художник и как гражданин, патриот. Автор предлагаемой документальной повести И. С. Алебастров в течение долгих десятилетий по крупицам собирал факты, свидетельства, документы. Это были встречи с участниками русско-японской войны А. С. Максимовым, А. М. Косинским, П. В. Воробьевым, А. П. Екимовым, контр-адмиралом В. А. Белли. Автор использовал дневники лейтенанта В. И. Ленко, письма М. С. и С. С. Роцаковских, письма и воспоминания матросов-портартурцев. Помогли автору воссоздать атмосферу, в какой жил Верещагин в свои последние дни, его письма жене, родственникам, знакомым, их ответные письма Василию Васильевичу... Многие эти документы используются впервые.

Поезд, в котором ехал на войну знаменитый русский художник Василий Васильевич Верещагин, долго тащился среди унылых желтых маньчжурских полей, заросших гаоляном. Весь долгий путь Василий Васильевич против обыкновения мало шутил и часто сидел у окна вагона в тяжелом молчаливом раздумье.

Едва на Дальнем Востоке запахло порохом, он сразу решил: «Поеду!» Лидия Васильевна, жена, заплакала: «Господи! Опять! В ноябре только вернулся из Японии... Неужели, без тебя не обойдутся?! Подумай о детях!» Глядя на мать, заплакали и девочки — восьмилетняя Анна и шестилетняя Лида...

Мать жены попадая «бабка Пелагея», как ее называли в семье, в лицо неудовольствие свое не решалась высказывать — уж слишком крут и резок бывал Василий Васильевич, но, шныряя взад-вперед, бормотала себе под нос: «Уж седой... куча детей, а ровно малец неразумный... Не жалко жены-то... Бедные дети! Того и гляди сиротами будут!»

Братья — кооператор Николай и полковник Александр — тоже отговаривали, сердились даже. И только сын, двенадцатилетний Вася, с восторгом смотрел на отца, просил: «Папа, возьми меня на войну...»

Жене Верещагин сухо объяснил:

— Мой труд требует как можно больше впечатлений — ты это знаешь...

Лидия Васильевна отступилась, знала упрямство мужа: уж если ему что в голову втемяшилось — так уж колом не выбьешь, все равно по-своему сделает...

И все же в родной Пертовке установилась тягостная обстановка. Вспомнив об этом, Верещагин досадливо поморщился, старался думать о чем-то другом, но в голову опять лезли те далекие годы в Америке. Антон Рубицштейн прислал туда пианистку, Лидию Васильевну Андреевскую. Изящная, пугливая, она боялась не угодить Верещагину, долго не замечала, что он готов был целовать землю у ее ног... Как она испугалась, когда он

вдруг попросил ее руки. И... согласилась! И вот живут душа в душу...

Что-то все они, дорогие, милые, подельывают сейчас в Пертовке? Брат Николай, конечно, возится со своими сырами, бабка Пелагея варит клюквенный кисель для Васи, пока тот катается во дворе на коньках, Ледушок и Аня, конечно, возятся с куклами, жена Лидочка разучивает какой-нибудь трудный пассаж...

Лязг тормозов прервал воспоминания. Поезд наконец остановился на станции Маньчжурия — здесь уже начинался «театр военных действий». Чтобы размяться, Верещагин вышел из вагона. Множество офицеров осаждало «вокзал с буфетом».

На вокзальном перроне китайские купезы торговали различной снедью. Но цены были бешеные. Уже в вагоне Верещагин записал:

«Два яйца на сковородке — рубль, порция ветчины — 75 копеек, стакан чаю — 20 копеек, бутылка пива — рубль. Этак скоро можно будет питаться только маньчжурскими булыжниками».

Русские солдаты быстро приспосабливаются к любой обстановке. Через какую-нибудь неделю они уже бойко объяснялись с китайцами на забавном наречии. Некоторые сценки Верещагин с юмором передавал в письмах к родным и знакомым.

Бойкий русский солдатик спорит с китайским торговцем:

— Японка шибко воюй шавго, — говорил китаец, хитро щурясь.

— Японка скоро воюй назад, — уверенно отвечал ему солдат, лихо заломив набекрень мохнатую папаху. — Японка ме-ю больших солдат, наша привезет еще много солдат, ма у нас во какой большой!..

Китаец недоверчиво улыбается.

Увы, с первых дней войны шпицпатуву захватили японцы. Наша эскадра в Порт-Артуре беспечно стояла на внешнем рейде, даже не спустив противоминные сети, хотя дипломатические отношения с Японией были уже прерваны. В ответ на робкое предложение моряков царский наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев, не терпевший противоречий, сказал:

— Преждевременно. Мы никогда не были так далеко от войны, как сегодня.

А в ту же ночь без объявления войны японцы вероломно нанесли на эскадру и в минной атаке подорвали лучшие русские броненосцы — «Ретвизан», «Цесаревич», а также крейсер «Паллада».

В Чумульпо после неравного боя были затоплены крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец». Часть эскадры оказалась отрезанной во Владивостоке.

Минный заградитель «Енисей» был послан в бухту Талиенван поставить минное заграждение, но неизвестным подводным течением был снесен на свою же мину, взорвался и затонул. Узнать о его судьбе из Порт-Артура послали легкий крейсер «Боярин», который в свою оче-

редь напоролся на мины, только что поставленные «Енисеем»...

Бездарное царское командование на радость японцам совершало одну ошибку за другой. По всей России разошлась меткая фраза старого боевого генерала М. И. Драгомирова: «Японцы — макаки, но мы-то кое-каки...» «Макаками» японцев назвал сам царь Николай II.

Назначенный командующим маньчжурской армией генерал Куропаткин, старый знакомец Верещагина, поигрывая позолоченным карандашом, говорил уверенно:

— Пусть япошки прут в Маньчжурию — лишь бы побольше их было, а там мы их и расквасим, да так, чтобы ни один не ушел обратно за море! Мир я заключу только в Токио. До свидания, Василий Васильевич, в Токио...

И вот — пожалуйте. На первой же станции военной зоны извольте видеть ехидные усмешки китайцев. Не выдержав, Верещагин написал с дороги письмо... самому царю Николаю Второму! Грубоватая фамильярность письма самодержцу, конечно, не понравилась: Верещагин словно товарищу писал. В письме Василий Васильевич требовал, чтобы Куропаткин поскорее прибыл к войскам, чтобы усилили охрану мостов на Сунгаре и Шилке.

Данных о реакции царя на это письмо нет. Вернее всего, что он никак не реагировал: ведь говорили же, что равнодушные царя граничат с героизмом. Но княгиня Палей (жена дяди царя) записала в дневнике:

«Художник Верещагин допустил «гаф» — прислал государю письмо о том, как надо вести войну. При дворе много смеялись. Жаль, что такой известный художник так плохо воспитан».

Очень не нравилось Верещагину, что в Мукдене с огромным штабом расположился наместник и главнокомандующий Алексеев, в Ляояне тоже с огромным штабом обосновался командующий армией генерал Куропаткин, в Порт-Артуре со штабом находился командующий флотом адмирал Макаров.

«Все это обещает большие беспорядки, — писал жене Верещагин по дороге в Мукден, — но более всего меня тревожит, что я могу опоздать к большому морскому бою. Запечатлеть его — моя цель, моя мечта...»

Под этим письмом стоит дата: «15 марта 1904 года». Он не знал, что жить ему осталось всего шестнадцать дней...

Мукден поразил Верещагина шумом и грохотом. С утра до ночи куда-то шли и скакали военные. Часто попадались сестры милосердия в белых косынках с красным крестом. Мукденские базары были запержены рогатым скотом и лошадьми. Русские солдаты попадались на каждом шагу, покупали табак, китайский сахар, орехи... Верещагин любил заговаривать с солдатами, радовался каждому меткому ответу.

— Что, брат служивый, — заметил он солидному сибяку, — бьет вас япошка?

— Эх, барин, — не спеша, с достоинством ответил тот, — умные игроки всегда первые дураки! Ты дай нам генералов хороших, а уж мы не подкачаем!

— А Линевиц?

— Линевиц! Ну, этот даже, не богом убитый, а палкой подбитый!

Верещагин сам любил острое словцо и восхитился ответом солдата, обнял и расцеловал его.

— На вот — выпьешь за мое здоровье.

— Спасибо, барин. От чарки не откажемся...

Верещагин живо представил бойкого старикашку Линевица, заменявшего Куропаткина. Папашка Линевиц, как звали его солдаты, все пыжился, хорохорился, но беспечно был чрезвычайно. «С таким навьюешь!» — весело думал Верещагин. В другой раз его внимание

остановила парочка: бойкий солдатик то целовал ражую девку, а то хлестал ее по щекам.

— Что ты делаешь? — одернул его Верещагин. — Разве можно так?

— Отступись, барин. Мы с нею ликуемся!

И опять Верещагина поразило меткое русское слово. Вечером в номере гостиницы он писал жене:

«У японцев все готово для войны, тогда как у нас ничего готового, все надобно везти из Петербурга... Ждут теперь, что японцы перейдут в Маньчжурию и нападут на нас — этого только и желают, желают страстно, даже готовы пожертвовать частью железной дороги. Не дивись, если услышишь о нашем отступлении. Это будет к нашему благу. Напротив, стремление зарваться теперь же в Корею осуждается всеми разумными стратегами. Генерал Жилинский, я знаю, был за отступление еще в Петербурге...

Я пока ничего не пишу... Прежде, чем начинать работать, нужно присмотреться, что происходит вокруг».

Верещагину дали денщика из стражи — солдата-вологодца Алексея Паничева. О нем Верещагин говорил: «Он у меня такой: с плеч стряхни — на руки лезет!»

Так вот этот ловкий и смекалистый солдат, ходивший в штрафных за ограбление церкви, сказал о генералах:

— Не успели вякнуть, а уж намылились смытьсья!

— Сам-то ты хорош, — отвечал на это Верещагин, — ни одной нашивки не заработал.

— Чистые погоны — чистая совесть, — находчиво отговаривался Алексей. — Ничего. Мы тоже не с хвоста комуты надеваем, а на счастье верхом не сядешь!

— Ну, говорить-то ты у меня мастак, — сердился Верещагин. — Да ты, кажется, опять пьян?

— Василий Васильевич! Ни в едином глазу! А на что и жить, если не пить?!

— Говоришь хорошо. Врешь плохо.

— Я — что? А вот люди пьют — прихожу к Сеньке Людникову, а по нему зеленые чертики так и бегают!

Рисунки Е. Охотникова

Василий Васильевич рассмеялся и отпустил денщика. Паничев ему нравился.

Завел дружбу с китайским богатым купцом. И что их объединяло? Купец сказал Верещагину:

— Ваша ходи, война смотри, войой не надо, только смотри.

«И этот туда же», — подумал Верещагин.

В Мукдене он представился наместнику адмиралу Алексееву, начальнику штаба генералу Жилинскому и другим высшим чинам штаба. Алексеев держал себя этаким громовержцем, в штабе его окружали лесть, подобоострастие и почтительный страх. Надменный пеголеватый генерал Жилинский предложил Верещагину написать картину: «Адмирал Алексеев в день нападения японцев на Порт-Артур». Верещагин усмехнулся. Он хорошо знал, что Алексеев прозевал нападение японских миноносцев на русскую эскадру в Порт-Артуре, а на другой день руководил завязавшимся морским боем с... берега. На Золотой горе поднимались его сигналы-приказы. «Вполне в духе Ксеркса, — писал Верещагин давнему знакомому генералу Келлеру, — персидские сатрапы всегда командовали флотом, оставаясь в безопасности на берегу».

На миг у Верещагина возникла идея изобразить Алексева в роскошном персидском халате на горе под зонтиком, который бы держали над ним подобоострастные адъютанты в чалмах и шароварах. Ему так живо представилась и глуповатая, но вместе с тем жуликоватая рожа вестового, помахивающего опахалом... Вот был бы шум! Но... разве для таких пустяков он сюда приехал?!

Жилинский прямо намекнул ему, что свет ждет от него настоящих батальных картин. «Настоящих!» Значит, все его творчество до сих пор было «не настоящим»?! Бестактное замечание Жилинского глубоко оскорбило Верещагина, всколыхнуло в его душе, казалось бы, давно забытое, горькое...

Конечно, он прекрасно понимал, что в высшем обществе от него ждали красивеньких, прилизанных и приглаженных картин, какие в изобилии создавали придворные баталисты, — в них даже убитые располагались в живописных позах, ничуть не портящих общий радостный победный фон, где генералы на белых конях гарцевали, указывая саблями направление движения безукоризненно ровным колоннам войск. С этой красивой ложью Верещагин столкнулся еще в стенах императорской Академии художеств. Как ему претило долгих три года писать «пейзаж» и «пейзажок», беззаботно резвившихся в богатых нарядных одеждах на зеленых лужайках вместе с овечками и козочками, изображать всевозможных богинь и амфитрионов, наяд и фавнов.

Ему нестерпимо душно было в стенах Академии с ее холодным, далеким от жизни искусством, и он, как когда-то передвижник, ушел из Академии, выдержав град упреков со стороны возмущенных родственников. Впрочем, это был уже второй шквал негодования: в первый раз «свет» и родственники возмущались тем, что Верещагин, едва закончив Морской корпус, тут же ушел в отставку. И даже сам государь выразил неодобрение такому поступку молодого офицера. Но он-то знал, что его истинное призвание искусство.

Почему он стал художником-баталистом? Ведь он всегда питал к войне неодолимое отвращение и не раз говорил, что «в любой войне лишь десять процентов победы, а девяносто процентов — страшных увечий, холода, лишений, жестокости, голода, отчаяния, страданий и смерти в самых разительных ее проявлениях».

В стенах Академии, музеях и дворцах Верещагин видел картины процветающих официальных баталистов — всех этих Коцебу и Гессе, Ауэрсвальдов и Зауэрвейдов. Даже разрывы гранат в их картинах были так

красивы на фоне голубого неба и казались совершенно безобидными. В жизни война была совсем иной.

В Туркестане Верещагин впервые воочию увидел все ужасы войны. Тогда он твердо решил, что все его творчество будет главным протестом против войны. Его картины туркестанского цикла произвели фурор. Н. И. Крамской писал, что «завоевание России производством кисти Верещагина, пожалуй, значительнее всякого территориального, его картины — события в искусстве».

С ужасающей правдой Верещагин в своих картинах показывал жуткий облик войны как она есть. Во всех городах, где демонстрировались его картины, образовывались длинные очереди. Зато негодовали генералы — и прежде всего «завоеватель Туркестана» фон Кауфман. Верещагин хорошо помнил, как этот царский сатрап, сидя на барабане, курил, почти не глядя на пленных, которых подводил к нему, небрежно говорил одно и то же:

— Расстрелять... Повесить... Расстрелять...

Теперь Кауфман смотрел на картины в бинокль-трубу и говорил:

— Ни грана правды я тут не усматриваю!

А государь-император Александр Второй — «Освободитель» — выразил пожелание, чтобы Верещагин... переписал свои картины заново. Верещагин тогда в гневе уничтожил три картины. Как он потом жалел об этом! Но... не вернуть. Ну что ж, зато он показал всех этих «великих» и малых завоевателей в их истинном свете.

В Туркестане Верещагин видел мечети, построенные Тамерланом (Тимуром) и дожившие до наших дней. Это по его приказу сооружались пирамиды из голов убитых, а тысячи людей заживо замуровывали в каменные башни или зарывали связанными в общих могилах, так что земля еще долго ходила ходуном на этом месте. А что дали народам завоеватели всех времен? Только горе и страдание. А что осталось от них самих? Только прах. И не случайно фон Кауфман демонстративно удалился, увидев его картину «Апофеоз войны», а придворный баталист Коцебу с недоумением спросил:

— Что это такое?

— Это последствия всех ваших батальных сцен, — с нескрываемой насмешкой ответил Верещагин.

В Берлине кайзер сказал ему комплимент:

— Ваши картины — лучшая гарантия против войны. — А потом запретил прусским офицерам ходить на выставку картин Верещагина.

А художник радовался; значит, попал не в бровь, а в глаз. Досталось от него и хваленому Наполеону. Этот завоеватель представлен у Верещагина человеком, потерявшим ясное представление о том, что перед ним происходит. Таков он на картине, где смотрит на страшное зарево пожара, объявшего русскую столицу. На другой картине Наполеон сидит в избе, задумавшись над картой, охватив голову руками. Его мучает вопрос: идти дальше или возвратиться? Чувствуется, что он уже не властен ответить на этот вопрос. Его гонит вперед война. И он идет среди пылающих развалин, подвигается за ним отряд конницы, блестят кирасы, а вокруг — запустение и смерть...

Разумеется, великосветскому обществу и эти картины не понравились: помилуйте, великий Наполеон, закутанный бог знает во что, в какие-то опорки, пешком идет по дороге, опираясь на суковатую палку, а почти рядом с ним из сугробов высовываются страшные оконеченные руки убитых и замерзших по его вине людей — где же тут величие?!

Верещагина травил продажная печать, не раз громко вопившая об «упадке его таланта». Академик Тютрюмов имел наглость пустить версию о том, что Верещагин не сам писал свои картины, что за него их

писали немецкие художники. Спасибо Стасову: дал он этому Тютрюмову отповедь — век будет помнить...

Травлю Верещагин переносил стоически. На все упреки неизменно отвечал:

— Мой принцип: ни одного мазка от себя, все от природы.

А мужества ему не надо было занимать. Сюжеты для своих картин он находил не в размышлениях за чашкой кофе в удобной мастерской, а на полях сражений, среди разрывов гранат и стонов умирающих. Он перенес все тяготы Туркестанского похода, одним из первых ворвался в Самарканд, получил за храбрость орден Георгия — этот заветный для военных крестик. Совершенно неслыханное было дело, чтобы этот боевой орден получил штатский человек. В русско-турецкую «освободительную» войну при первых же выстрелах он поспешил на театр военных действий. Там были его друзья: лихой генерал Скобелев, и в самом деле появившийся в самых опасных местах на белом коне и во всем белом, талантливый ученый и флотоводец адмирал Макаров...

Но были и царь, и его дурашливые братья, и целый сонм кабинетных стратегов, и огромная свита — все эти господа делали дилетантские ошибки, за которые приходилось расплачиваться кровью русским солдатам. И все эти господа жаждали увидеть себя запечатленными на парадных полотнах, не раз намекая о том Верещагину. А он оставался верен себе. В тылу не отсиживался. Участвовал в дерзкой минной атаке катера на турецкий броненосец и был ранен. Едва оправившись, участвовал в осаде Плевны и в кавалерийском рейде на Адриано-поль...

— Художник должен быть впереди, в гуще боя, — неизменно отвечал Верещагин тем, кто уговаривал его быть осторожнее.

Сама правда войны водила кистью художника в его картинах. Вот, например, его картина «Шипка-Шейново»: перед фронтом солдат несетя на коне «белый генерал» Скобелев и благодарит войска, шапки летят вверх, так и слышится могучее русское «ура», а на первом плане, около окопов видны убитые — жертвы войны, дорогая цена победы. Они раскинулись в тех позах, в каких застала их смерть. Один, видимо, моментально убитый осколком снаряда, опрокинулся навзничь: ружье выпало из рук, но руки еще вытянуты вперед, сжаты и угрожают врагу. Другой солдат как споткнулся, так и застыл скрюченным. Из рва, окружающего окопы, видны искалеченные ноги еще одного покойника...

Везде одна ужасная правда... А его «Улица в Плевне»? Путь, где прошли войска, покрыт павшими и умершими от изнеможения и болезней. И здесь ярко показана закулисная сторона военной славы.

И опять бушевали генералы: «Как?! Государь изборожен не верхом на белом коне, а сидящим на стуле, а вокруг пробки от бутылок с шампанским? Какое безобразие! Это просто шокирует...»

Но разве для них Верещагин писал свои картины?

И вот уже опять война, опять кровь, страдания. И новые средства уничтожения людей... Все это нужно показать всему миру, а ему предлагают восхвалять мнимые подвиги «великих». И Верещагин пишет Келлеру:

«От чести писать Алексеева я благополучно уклонился под каким-то благовидным предлогом, удачно пришедшим мне в голову. Впрочем, как и в Петербурге, Жилинский мил и любезен, готов сделать для меня все что нужно...»

В те же самые дни генерал Жилинский записывал в дневник:

«Сюда прибыл известный художник Верещагин. Виделся с ним. Этот господин явно воображает, что мы

все существуем для того только, чтобы он мог писать свои картины, из которых многие омерзительны. Не думаю, чтобы и новые его творения способствовали повышению боевого духа войск. Но... в моде: везде только и слышишь: «Верещагин... Верещагин... Верещагин...»

В Ляояне Верещагин направился прямо к племяннику Кузьме Николаевичу, но тот по коммерческим делам оказался в отъезде. Верещагина встретила жена Кузьмы Мария Александровна — засуетилась, забегала и все ахала, что вот, мол, как это нехорошо получилось. Видел ее Верещагин впервые. Мария Александровна строго соблюдала посты.

— Пост не мост, — басил Верещагин, — можно и объехать.

— Да ведь грех, Василий Васильевич.

— Э-э, человек для себя — судья милостивый, а бог и тем более простит...

Мария Александровна вроде бы соглашалась, но на стол в обед снова подавалось постное.

С приездом Кузьмы Николаевича обстановка стала проще, душевнее. Кузьма Николаевич по-дилетантски тоже немного малевал, с затаенной гордостью показывал Верещагину свои акварели.

— М-м-м, ну что же, изрядно, — басил Верещагин, но морщился.

Рассмещил Верещагина Паничев. Он посмотрел на хозяйку и задумчиво произнес:

— Не задница, а аквариум.

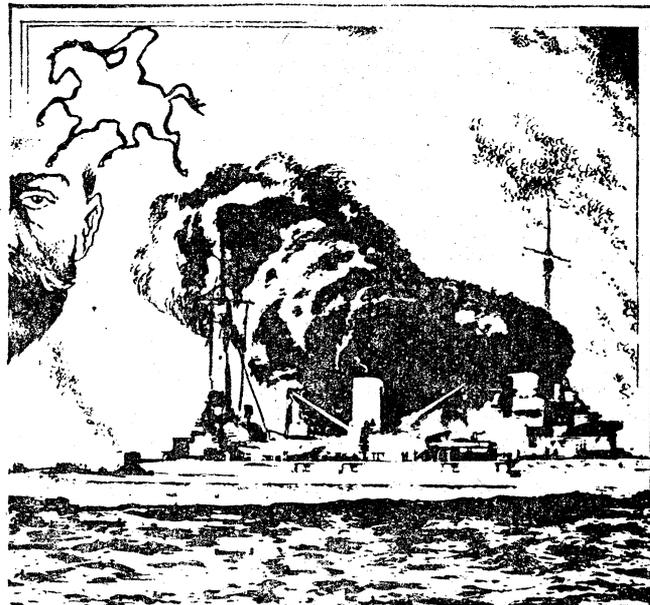
Верещагин смеялся с полчаса и оттаял, стал мягче, и его уже не раздражала суетливая беготня хозяйки.

В Ляояне все утряслось. Жене Верещагин писал 19 марта:

«Здесь, в Ляояне действия будут еще не скоро. Мне дали целый вагон-микст, с которым могу прицепиться к какому хочу поезду и останавливаться, где мне нужно. Там мои вещи, там я живу...»

Племянник Кузьма согласился заведывать этим вагоном к неудовольствию Паничева. Он сказал:

— Василий Васильевич, к чему это? Что, я на чело-

века не похож? И цветы вянут, если их ни во что не ставить..

— Он в твои дела входить не будет, бакалея — это на тебе.

И Паничев сразу успокоился. Однажды он вздохнул:

— Эх, жизнь прошла мимо денег.

— Да куда тебе много денег? — засмеялся Верещагин. — Лишние деньги — лишняя забота.

— Ну нет, Василий Васильевич, деньги не люди — лишними не бывают.

Много разговаривал Верещагин с офицерами — жильцами Кузьмы. Все они были без семей — отправили их в тыл. Особенно забавлял Верещагина один тыловой вояка. С виду не офицер — гроза. Громадная папаха сдвинута на затылок, большие круглые глаза выпучены, лицо багрово-красное, одутловатое. На нем ярко-красные штаны необычайного фасона, измятая шведская куртка с браденбурами. На кавказском наборном ремешке висела не пашка, а какой-то меч-кладенец. Не замечая, что Верещагин его зарисовывал, интендант ораторствовал:

— Нет, теперь, брат япошка, шалишь. Кончен бал. Как мух надавли. Мне бы только добраться до них. Никого не оставим на развод. Будут меня помнить. А что, господа, еще шампанского?..

— А правда, что вы были в Корее, сожгли предместье Сеула, взяли несколько японских транспортов? — спрашивал у него Верещагин.

— А как же, — не моргнув глазом, соглашался вояка. — Это я в кавалерийском отряде Мищенко был. Еще разрушили железную дорогу у Шахедзы.

— У Саймадзы вы хотели сказать?

— А черт бы побрал все эти местные названия, — чуть покраснев, выругался интендант и поспешил переменить разговор. — Здесь есть оперетка. «Маскотту» играют... Прелесть! И фальшиво запел:

— А ты, моя Беттиночка,
Ну просто, как картиночка!..

— Ну, этот всегда в сторонке дрался, — с пренебрежением отозвался об интенданте Паничев. — Как говорят: он повернул коня налево, а сам направо поскакал. И что вы в нем нашли интересного?

Паничев не подозревал, что больше всех забавлял Верещагина он сам. Однажды утром он сказал:

— Проснулся: в груди зов далеких предков.

Верещагин пил кофе. Услышав эту фразу, он пролил кофе на колени, чуть не подавился от смеха и с хохотом выскочил из-за стола.

— Что это вы, Василий Васильевич, словно маленький, — с недоумением произнес Паничев. — И чего смешного нашли?

Он вдел в ухо большую медную серьгу — и это тоже смешило Верещагина до слез.

— Алешка, — говорил он парню, — да разве ты не знаешь, что самоукрашение — признак старости? И потому это только папуасы подвешивают всякую дрянь. Знаешь ли, к чему они добрякушки-то подвешивают? Ты не туда повесил.

— Вам, Василий Васильевич, только бы смеяться, — обиженно говорил Паничев. — Морда-то у меня сикось-накось, а тут украшение — девки на эти цапки, знаете, как липнут.

В связи с приходом русской армии торговцев в Ляоян наехало видимо-невидимо.

«Улицы здесь, что называется, котлом кипят, — писал Верещагин своей знакомой Рошаковской. — Толпы китайцев, наших солдат и офицеров, арбы, мулы, лошади, ослы и двуколки — все это невообразимо перемешано под жаркими лучами солнца. Но, боже, какой зной здесь от полудни до четырех часов. Ветра нет, солнце палит

почти отвесными лучами, пески желтые, горы затянуты туманом, и небо без единой тучки. Копают землю, стучат молотки по железным листам, свистят паровозы, играют сигналы, проходят куда-то роты солдат. Живет и волнуется Ляоян. Но что творится в воротах города — уму непостижимо. Сколько криков, щелканья бичей, понуканий: «Уо, уо, трр, уо, ииы!..» Но то и дело запутываются постромки сцепившихся арб и двуколок, создающих пробки в узких воротах...»

Глазом художника Верещагин примечал все: юрких манз в длинных голубых халатах, небрежно покачивающих бамбуковыми зонтиками, бледные лица, всклокоченные головы, утомленные глаза в низких окнах веселых заведений с громкими названиями: «Шато де флор», «Парижские номера», «Полтава» и даже... «Варяг».

Верещагину нравилась бурная своеобразная жизнь восточного города. Кого он рисовал там? Может быть, рикшей с фонариками или вестовых, игравших на пороге казармы в «носки», или юрких мальчишек, карауливших лошадей «господ» за маленькую монетку. Кто знает? Все эти рисунки погибли вместе с ним. Но он заметил всех этих людей — мы это знаем из его писем близким и знакомым, из рассказов тех, кто был с Верещагиным или встречался с ним.

Убедившись, что в скором времени боевых действий у Ляояна не предвидится, Верещагин поспешил в Порт-Артур — базу русской тихоокеанской эскадры. Этот порт носил имя английского лейтенанта, командира военного судна «Алжерино», первым бросившего якорь в местных водах.

— Пора бы нам связать дорогой нам отныне порт и город тем наименованием, которое могло бы многое сказать русскому сердцу, — сердито заметил Верещагин. Кузьма Николаевич помалкивал.

Здесь Верещагина очаровала Золотая гора, «как пасть кашалота, готовая проглотить рейд».

Так как вагон остался на боковой ветке далеко от центра города, Верещагин направился в гостиницу с громким названием «Европейская». Однако все номера были заняты. Верещагину предложили какой-то невзрачный боковой чуланчик.

— Опоздавшему — кости, — меланхолично заметил Паничев. — Ну что ж, надо познавать жизнь во всех ее красках.

Кое-как переспав в чуланчике, Верещагин утром на извозчике поехал на Золотую гору. Солнце пекло вовсю. Уже буйно цвели розовые азалии. Лошади шагом едва везли вдоль раскаленных утесов.

— Такие у нас подлые климаты, — ворчал извозчик, — сейчас, как в аду, а ночью холодом вдарит — и шубы мало.

— У меня уже башка дымится, — поддакнул Паничев. Ехать ему не хотелось. Лучше б сидел сейчас где-нибудь в трактире, а тут вот таскайся за баринином по горам неизвестно зачем. «А впрочем, не в строю, — успокаивал он себя, — да и Василий Васильевич — барин тароватый, пожалуй, накоплю на его службе и на домик и на корову».

Неожиданно, точно из-под земли, вырос часовой.

— Вы куда, господин кавалер?

— На батарею.

— Нельзя-с. Не велено. Пожалуйте обратно.

— Да у меня билет.

Часовой внимательно прочел, взял под козырек:

— Проезжайте!

В небе медленно взмывал в высоту орел широкими плавными кругами. Широко раскинул кажущиеся неподвижными крылья. «Какой простор видит он под собою?» — подумалось Верещагину. Скоро орел обратился уже в точку, а там и эта точка пропала в ослепительном небе.

И вот Верецагин на вершине горы. Пожалуй, и орлу нечего завидовать. На севере виден был чуть ли не весь Ляодунский полуостров со всеми извилинами его берегов, с дикими хребтами гор, похожими на спящих драконов, желтая земля и серые, заключенные в глиняные стены деревни. На юге перед Верецагиным растлился лазурный океан, где-то вдали неуловимо сливавшийся с небом. Внизу хорошо были видны бухты со стоящими в них судами. Хребты и ребра гор отчетливо изогнулись, как допотопные чудовища, широко разбросав свои каменные лапы, крепко врезались кварцевыми когтями в самое дно океана и несокрушимо держались под его ударами. «Лепота!» — подумал Верецагин. Но тут же он увидел и белые блиндажи казематов, черные громадные муртиры...

Верецагин снова посмотрел на север. Сопка за сопкой, целый хорювод сопок теснился внизу. Маньчжурские орлы с уродливыми, круглыми, как заслонки, крыльями повисли в воздухе над кручами. Гребни сопок укрепляли саперы. На одной из сопок далеко вился темной каймой ров, из которого виднелись ружейные штывы. Солдаты, одетые в новенькие полушубки, желтели на буром фоне дубовой заросли. Лопатами и кайлами прорезали они сошку, готовили места для пулеметов и орудий.

— Работка, — вздохнул Паничев: — Это как закат солнца врүнчуно...

Но вдруг погода переменялась. Повалила снежная крупа. Верецагин пешком стал спускаться вниз. Но это было не так-то легко: тропинки обледенели, ноги скользили. Пришлось сесть в фаязю.

Окрестности Порт-Артура были просто великолепны. Сам город понравился Верецагину меньше. Прежде всего его поразило обилие пыли. Почти всегда улицы города топили в вечных желтых завесах.

«Улицы в Порт-Артуре пыльные, узкие, — сообщал Рошачковской Верецагин. — Даже не пыльные — тут пыль стихия, воздух, которым вы дышите: улица только дополнение к этой пыли. Желтыми завесами она отделяет от вас дали, желтыми облаками движется на вас и охватывает отовсюду, сыплется сверху, клубится снизу, срывается ветром и стоит над бухтой, колеблется в вышоте и уносится куда-то к пустынным горам».

Из знакомых неожиданно появился и Верецагину генерал Фок — высокий белесый старик, часто подхихкивающий и неприятно шмыгающий носом, тогда как стальные глаза его оставались холодными, настороженными. Верецагин уж очень не любил этого хитрого, подвижного немца, может быть, он угадывал в нем изменника. «И чего приперся? — подумал Верецагин. — Ведь совсем недавно виделся в Дальнем».

— Как у нас поживаете, Василий Васильевич? — с такой сладенькой улыбкой спросил Фок, что Верецагин поморщился.

— Хорошо живу, ваше превосходительство, — грубовато ответил он. — Нагнусь — штаны на заднице лопаются.

— Хе-хе-хе, — засмеялся фальшиво Фок. — А вы все такой же шутник.

— Чего это он около вас увивается? — сказал Паничев, когда Фок ушел. — Знаете, у нас говорят: «Не верьте лисце, когда она ходит возле курятника». Друг, что ли, он вам?

— Таких друзей за нос да в музей, — мрачно сказал Верецагин. Он так и не понял, что было нужно Фоку, что он вынюхивал, на что намекал...

Потом была встреча со знакомым по путешествию в Индию — это был «доктор естественной истории и ботаники» Карл Гревс, а на самом деле — шпион. Он ловил сачком бабочек и попутно интересовался ходом работ по укреплению Порт-Артура. В ответ на преувеличенные

восторги доктора по поводу встречи Верецагин угрюмо спросил:

— Когда вас повесят, доктор?

— Помилуйте, маэстро, за что?

— Как водится, доктор, за шею.

Гревс поспешил ретироваться.

Но были у Верецагина и радостные встречи. С удивлением он увидел в толпе важных, медлительных, высоких, бородастых сипаев в белых или красных тюрбанах знакомых по Индии. Как они сюда попали? Невольно вспоминались великолепные храмы Бенареса, дворцы Дели у зеркальных своих прудов, пальмовые рощи Малабара — места сюжетов его индийских картин.

— Уезжайте, — говорил им Верецагин, — теперь здесь оставаться опасно.

— Мы не для того едим русский хлеб, чтобы бежать в час беды, — ответил ему один из сипаев.

— Но ведь крепость может попасть в осаду, тогда всякий человек будет на счету, и вам придется драться.

— Если мы сражались за англичан, которые не считали нас за людей, то тем охотнее поможем русским, здоровающимся с нами за руку.

Верецагин не раз восхищался их стройными и тонкими фигурами на улицах Порт-Артура. Сам город не баловал красотами. «Все здесь низенькое, маленькое, припавшее к этим утесам, точно не осмеливающееся поднять голову перед грозными вершинами кругом», — таким виделся Порт-Артур Верецагину.

Уже вторую ночь заснуть ему не удалось. Где-то в полночь его разбудила суматоха на улице и в коридорах гостиницы.

«Бум-м! Бум-м! Бум-м!» — жалобно дребезжали на столе графини и стаканы. Верецагин выглянул в окно. Весь горизонт пылал. Золотая гора, Тигровый хвост в сплошном зареве огня.

— Да что такое? — высунувшись в коридор, спросил он.

— Японцы атакуют! — кто-то крикнул на бегу в ответ.

Иногда сквозь грохот орудий врвался сухой треск пулеметов. Десант? Через пять минут Верецагин был на набережной. Там уже стояла толпа. Все напряженно всматривалось в черную морскую даль. Мутная луна закуталась в какие-то молочные завесы. Проектора с Электрического утеса кидали в сторону океана снопы лучей.

В цейсовский бинокль Верецагин с трудом нащупал какие-то черточки на горизонте. Вот в луче прожектора что-то зачернело — и вдруг, словно вырнуло, мигом исчезнув. Но тут внизу из длинного пушечного дула выкинуло пламя, что-то «ахнуло», как будто ближняя скала треснула, а железный бич с жалобным свистом рассек воздух. Там, где только что мелькали какие-то огоньки, взбросилось, закипело разбуженное море, и огоньки побежали во все стороны от взрыва. Не успел смолкнуть грохот здесь, как в мутной дали что-то вспыхнуло красным зловещим огнем. Загудело в ближних скалах, отдалось в горах позади, и что-то несуразное, тяжелое, грубое шлепнулось в бухту перед городом.

— Господа! — крикнул кто-то в толпе. — Скорей на Золотую гору! Того и гляди все кончится, а мы ничего не увидим!

Увлеченный толпой, Верецагин, не чувствуя усталости, бежал мимо какого-то грустного пустыря, тусклого пятна спящего озера, по длинной ленте безлюдной дороги. Вот и подъем на гору. Но выстрелы на рейде прекратились так же внезапно, как и начались. Только теперь одышка заставила Верецагина остановиться. Он оглянулся. Темная скатерть ночи опустилась над лощиной, городом. Горы казались еще выше, еще мрачнее. Он пошелся обратно.

Утром узнал, что японские миноносцы пытались подорвать славный броненосец «Ретвизан», стоявший у самого прохода, а старые броненосцы поддержали их атаку с моря. В те дни имя «Ретвизана» с восторгом повторяла вся Россия, ему посвящали стихи и поэмы. В первую ночь войны броненосец был подорван в минной атаке и выбросился на отмель — и вот уже почти два месяца каждую ночь японские миноносцы пытались взорвать его. «Ретвизан» яростно огрызнулся.

На другой день Верещагин поехал на «Ретвизан». Командир его капитан первого ранга Эдуард Николаевич Щенснович еще с турецкой войны был знаком с художником. Его только что наградили за доблесть орденом Георгия. Верещагин написал жене:

«Принимают везде прямо не по заслугам и любезно. Я, впрочем, плачу, чем могу: увидевши, что brave командир «Ретвизана» без Георгиевского креста, потому что не получил еще его (по почте), я снял с себя и повесил ему, чем морячки были очень довольны...»

Василий Васильевич спросил у Щенсновича:

— Скажите, почему так неудачно для нас началась война на море?

— Потому что врага бьют кулаком, а не растопыренными пальцами, — ответил Щенснович.

Юным мичманом Щенснович участвовал в дерзких атаках минных катеров на турецкие мониторы на Дунае. Верещагин не зря называл его бравым — он был одним из немногих русских морских офицеров, кто и в неудачную японскую войну покрыл себя неуязвимой славой. Эдуард Николаевич впоследствии был первым начальником отряда подводного плавания и испортил себе немало крови в борьбе за создание подводного флота в России — эта сторона его деятельности все еще не оценена в должной мере и никем пока не описана.

Щенснович вел с Верещагиным долгие беседы на борту «Ретвизана», якобы оставив записки об этом, но где они? К сожалению, не удалось найти никого из семьи и потомков Щенсновича. По рассказам старых моряков семья Щенсновича уехала из Кронштадта в родные места. Но где эти родные места? Не удалось установить даже место рождения Э. Н. Щенсновича. Не удалось найти потомков офицеров и матросов героического «Ретвизана»...

Только 24 марта на набережной Верещагин встретил командующего флотом вице-адмирала Макарова, своего старого друга.

— Что же вы не заходите? — с укором в голосе спросил адмирал.

— Зайду.

— Где вы сегодня завтракаете?

— Да нигде особенно.

— Так приходите сегодня ко мне, потом поедем топить судно на рейде — загоразивать японцам ход.

После завтрака Верещагин и Макаров на первом катере отправились на внешний рейд. В письме к жене от 28 марта Верещагин очень живо и зримо нарисовал картину затопления парохода «Эдуард Бари», действия и темперамент адмирала Макарова. Вот это письмо:

«Гигант-пароход, смотревший пятиэтажным домом, только что купленный для затопления, — писал Верещагин, — стоял уже накренившись на тот бок, на который он должен был лечь; было жалко смотреть на молодца, обреченного на смерть, еще не знавшего о своей участи, — знаешь, как это бывает с больным, доверчиво смотрящим тебе в глаза, стараясь высмотреть в них, скоро ли будет ему облегчение... Когда пробрили все переборки, все снесли, в последнюю минуту матросы заторопились, засуетились и сбросили... чайник, который, впрочем, ловко подхватили вниз на барже. «Скорей, скорей! Все долой! — кричал, горячась, Макаров. — Сейчас переменится ветер, и судно поставит прямо...»

Одна за другой две мины в носу и в корме взвили громадные столбы воды и грязи, и судно, вздрогнувши, сначала действительно выпрямилось, а потом стало валиться. Корма скоро наполнилась водой и села на дно, но нос сильно поднялся кверху, показывая страшную язву, нанесенную ему миной. Адмирал очень горячился: «Значит, переборки не перерубили! Значит, переборки не перерубили!» — и ходит по-скобелевски, как тигр в клетке, на заваленной всякой дрянью барже, делает три шага вперед и три назад, и так сует, что твой тигр или белый медведь. Наконец все залилось водой, и судно легло под воду, как раз в намеченном месте, так что остался над водой только небольшой знак от одного бока — точно длинная рыба...»

Макаров и Верещагин давно уже находились в дружеских отношениях. Пожалуй, более близкого человека у Верещагина и не было — только с Макаровым он мог быть вполне откровенным в любом разговоре.

Степан Осипович Макаров принадлежал к славной плеяде великих русских флотоводцев. Его девизы: «В море — дома» и «Помни войну!» красуются и в наши дни в кают-компаниях советских военных кораблей. Всем было известно знаменитое наставление Макарова морякам: «Мое правило: если вы встретите слабейшее судно, — нападайте, если равное себе — нападайте и если сильнее себя — тоже нападайте».

Макаров энергично готовил русскую эскадру к бою, он не собирался отсиживаться в гавани под защитой береговых батарей. Он не гнушался собирать комендоров и внушал им: «Побеждает тот, кто хорошо дерется, не обращая внимания на свои потери и памятуя, что у неприятеля этих потерь еще больше». Весь флот с восторгом читал в приказе Макарова следующие строчки: «Я постараюсь избежать случайностей, если сам не увлекусь делом вместе со всем моим флотом» — в этих словах весь Макаров.

«Борода» — ласково звали его между собой матросы. Верили в него безгранично. Матрос Михаил Натанов (из Воронежа) вспоминал:

«До Макарова на эскадре было какое-то сонное болото. Бывало, никого и палкой не выгонишь, а теперь к делу все рвутся сами — лишь бы обратить на себя внимание адмирала».

Писатель-маринист, портартурец капитан 2-го ранга В. И. Семенов в «Расплате» писал о Макарове:

«Казалось бы, что адмирал ничем не проявил своей деятельности, ничем не «показал» себя, но путем какого-то необъяснимого психического воздействия на массы его популярность, вера в него, убеждение, что это «настоящий», росли не по дням, а по часам».

Раз десять рассказывали Верещагину о первом выходе Макарова в море. Читаем у Семенова:

«С Золотой горы донесли, что в море идет бой между русскими и японскими миноносцами. Для поддержки их вышли из гавани крейсера «Аскольд» и «Новик». Но на «Аскольде» держал свой флаг Макаров. «Неужели адмирал сам, лично, отправился на эту авантюру?» — вот вопрос, который интересовал всех. Офицеры, собравшиеся на мостике, усиленно протирали стекла биноклей, напрягали зрение... На «Аскольде» флага командующего не было. «Ну, понятно, нельзя же так рисковать, мало ли что...» И вдруг крик сигнальщика: «На «Новике»! Флаг на «Новике»! Все кругом разом всколыхнулось. Команда, бросив завтрак, кинулась к бортам. Офицеры вырывали друг у друга бинокли из рук... Сомнения не было. На матче «Новика», этого игрушечного крейсера, смело мчавшегося на выручку окруженного японцами «Стережущего», развевался флаг командующего флотом!»

— Вы представляете, что это значило для эскадры? — за лебываясь от восторга, словно мичман, восклик-

нул Семенов.— После прежних бесконечных «беречь и не рисковать» при Алексееве?!

Верещагин очень хорошо представлял все это, но досадовал, что такие интересные события прошли без него. С Макаровым он теперь встречался ежедневно на броненосце «Петропавловск», на который перенес свой флаг Макаров.

Однажды адмирал задумчиво сказал:

— Вот вроде бы и чужое море, а люблю. Море нельзя не любить. Море имеет свою хорошую сторону. Человек становится добрее, он забывает свои сомнения и опасения. Он делается простодушнее, прямее и откровеннее.

— Вы просто влюблены в море,— улыбнулся Верещагин.— А представьте «собачью вахту» на мостике в шторм под потоками воды...

— Ну, как тут не пожалеть такого страдальца! — подхватил Макаров.— А вот и нет! Удовольствие в свежую погоду может испытать только моряк!

— Ну, хорошо. Вы лучше скажите, когда же наконец будет горячее дело?

— Еще успеете навоеваться...

Жаркие схватки между миноносцами, своими и вражескими, вообще-то случались каждую ночь, но Макаров не разрешал Верещагину принять участие в каком-либо ночном поиске. Верещагин не на шутку стал сердиться. Тогда Макаров пообещал взять его с собой на сторожевую канонерку «Гиляк», стоявшую у самого прохода в гавань, но уехал на «Гиляк» без Верещагина. Однако подвернулся катер, на котором Верещагин и прибыл на «Гиляк».

Жене он написал:

«Сторожевая лодка «Гиляк» одна выдавалась впереди всех судов... На «Гиляке» все было спокойно, темно, только прожектор далеко освещал море. Мне представили диван, на котором я весьма тяжело и тревожно заснул. Представилось, что я у Льва Толстого, комнаты, которые совсем похожи на наши, и их почему-то нужно разорить; я глухо заплакал, но, кажется, никто этого не слышал...»

Лейтенант Дукельский разбудил Верещагина. Светало. Вышел Макаров, веселый, выспавшийся, довольный.

— Ну вот, Василий Васильевич, ночь прошла спокойно. Поедем на «Петропавловск».

Письмо жене Верещагин закончил такой фразой: «Так мое ожидание бомбардировки и боя не выгорело; авось будет еще впереди».

И еще две ночи провел Верещагин на сторожевых судах в тревожном ожидании, но тщетно — японцы не показывались.

— Это вы их распугали,— шутил Макаров, обращаясь к Верещагину.

29 марта Макаров вывел эскадру в море для производства эволюций. Пять часов эскадра была в море. Верещагин на адмиральском мостике лихорадочно рисовал, стараясь уловить быстро меняющиеся оттенки морских далей. Жене он написал:

«Вчера выходил в море, но неприятеля не видел. Я подбиваю Макарова пойти подальше, но не знаю, согласится ли он. Сила выходила большая: 5 броненосцев, крейсера, миноносцы».

Эти фразы были последними из всего написанного Верещагиным и известного нам.

Утром 30 марта 1904 года Макаров созвал срочное совещание командиров миноносцев.

— Господа,— начал Макаров,— уже две недели главные силы японцев не показываются у Порт-Артура. Это становится подозрительным. От китайцев получены сведения о прибытии к островам Эллиот японских транспортов с войсками. Необходимо найти места якорных

стоянок японцев, атаковать и уничтожить корабли противника...

«Слушал адмирала,— вспоминал в дневнике М. С. Роцаковский,— а сам все косился на угол, где пристроился с мольбертом всеми нами уважаемый художник Верещагин. У него было лицо мыслителя, а взор прямо-таки излучал вдохновение. Движения кисти были резки и энергичны. Что он там рисовал? Очень хотелось мне взглянуть. Но в этот момент адмирал, видимо, заметив мои маневры, вдруг обратился ко мне: «Вам все понятно, лейтенант Роцаковский?» Я покраснел и засмутился, как нашкодивший школьник. Больше я уже не смотрел в сторону Верещагина».

Вечером в море вышел отряд из восьми миноносцев. Погода была ненастная. Надоедливо моросил мелкий дождь. Спустившийся туман уменьшал и без того плохую видимость. Тревожась за судьбу высланных в море миноносцев, адмирал Макаров всю ночь провел на дежурном крейсере «Диана». В половине одиннадцатого сигнальщики заметили силуэты неизвестных кораблей.

— Не поймешь: то ли они стоят неподвижно, то ли бродят взад-вперед по одному месту? — недовольно проговорил Макаров.

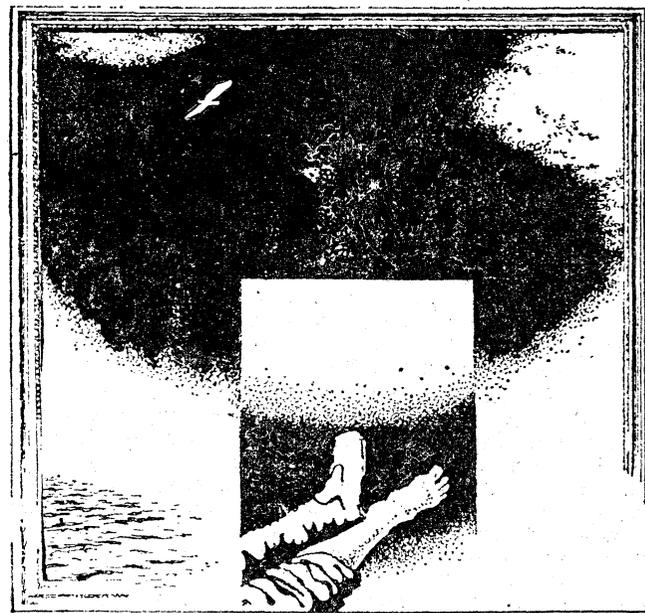
— Прикажете открыть огонь? — спросил командир «Дианы» капитан 1-го ранга Н. М. Иванов.

— Эх, кабы знать! — с досадой махнул рукой Макаров.— Вернее всего — наши же. Потеряли своих, отбили и войти не решаются, чтобы за японцев не признали...

Видение мелькнуло и быстро скрылось за сеткой мелкого дождя.

— Надо будет на всякий случай завтра протралить это место,— обратился Макаров к Иванову.— Прикажете точно записать румб и расстояние.

Только под утро Макаров вернулся на «Петропавловск». Но отдохнуть ему не удалось. Со стороны моря слышалась ожесточенная перестрелка. Выяснилось, что ночью отстал от своих и был окружен японцами

миноносец «Страшный». Макаров не медля выслал ему на помощь броненосный крейсер «Баян».

В 6 часов 15 минут утра «Страшный», доблестно сражавшийся против двух крейсеров и шести миноносцев противника, пошел ко дну. Через 15 минут к месту боя подошел «Баян», но было уже поздно. Вернувшись в Порт-Артур, командир «Баяна» капитан 1-го ранга Вирен доложил:

— Может быть, и не всех спасли, так как туман мешал видимости, а на горизонте показались весь японский флот.

— Как же так? — заволновался Макаров. — Надо немедленно идти к месту гибели «Страшного»!..

Русская эскадра стала выходить на внешний рейд. Погода улучшилась. Выглянуло солнце. С моря дул свежий ветер и разводил порядочную волну. Макаров в пальто с барашковым воротником стоял на верхнем мостике «Петропавловска». Рядом с ним находился Верещагин, как всегда с палитрой, кистями и подрамником в руках. В. И. Семенов вспоминал в «Расплате»: «Петропавловск» прошел совсем близко от «Дианы», на палубе которой толпились матросы, желавшие посмотреть на адмирала.

— Здорово, молодцы! — заметив их, звучно в мегафон выкрикнул Макаров.

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — по уставу, но как-то особенно громко, дружно и радостно ответили матросы на «Диане». Макаров приветственно помахал им форменной фуражкой.

— Ура! Ура-а! — загремело на «Диане» и на других судах эскадры. На всех кораблях в этот день установилась приподнятость духа, все ожидали чего-то необычного, большого, радостного...»

День окончательно установился поразительно яркий, солнечный. От непогоды не осталось и следа. Отогнав «собачек» — так называли портартурцы отряд японских легких крейсеров, постоянно маячивших на горизонте.

В 8 часов 40 минут появился японский флот в полном составе. У японцев было 14 крупных броненосных судов, а у Макарова только 4 — силы были слишком неравными, и русская эскадра повернула обратно. Японцы не преследовали. Скоро их корабли едва можно было различить на горизонте. Русская эскадра замедлила ход, почти остановилась. На кораблях занялись утренней уборкой.

Вдруг послышался какой-то грозный гул, похожий на сильный удар грома. И вслед за этим над «Петропавловском» взвилось гигантское облако черно-бурого дыма. На мгновение дым совершенно окутал броненосец, закрыв нос и среднюю часть судна. Башни, мачты, трубы — все это как бы повисло в облаках темно-зеленого дыма, который пронизывало красное пламя. Было 9 часов 43 минуты.

Секунды через три раздался второй взрыв. Броневая палуба раскрылась, и столб светле-желтого пламени вырвался наружу. Было видно, как рушится в воду сорванная взрывом массивная носовая башня и летит фок-мачта, падая на развороченный командирский мостик. Броненосец накренился на правый борт и быстро стал погружаться в воду. Охваченная пламенем, высоко поднимавшаяся над водой корма с работающими винтами некоторое время держалась над водой. Черным провалом зияла большая пробоина с вывернутыми наружу равными листами. Люди на корме прыгали в воду.

Тут раздался третий, более слабый взрыв в кормовой части, и вслед за ним вырвалось густое облако пара. Когда оно рассеялось, там, где только что был броненосец, теперь бурлила в громадной воронке вода да плавали среди обломков взывавшие о помощи люди. В полторы минуты с огромным броненосцем было покончено.

Первыми к месту катастрофы подоспели миноносец «Бесшумный» и минный крейсер «Гайдамак».

На «Бесшумный» доставили командира «Петропавловска» Николая Матвеевича Яковлева. Он был без сознания, бредил... У Яковлева оказались сломанными четыре ребра, ушиблен правый бок и серьезно поврежден череп. Синяки, ушибы, ссадины и переломы мешали растирать заочевенное тело. Яковлев шептал: «Оставьте меня в покое, дайте спокойно умереть!»

Лейтенанта Унковского вытащили черным — только белки глаз сверкали. Его долго мыли. Доктор сказал: «Уж мы думали, что никогда и не отмоем, что навсегда негром останется...»

Спасли и двоюродного брата царя — великого князя Кирилла Владимировича, перепуганного, лягающего зубами от холода и пережитого страха, но абсолютно невредимого.

А Макаров? С надеждой всматривались моряки в сверкающие на солнце холодные зеленые волны: не окажется ли среди плавающих на воде обломков знакомая фигура адмирала... На «Гайдамак» доставили выловленное пальто Макарова и повесили на поручнях. Пальто было разорвано в нескольких местах. Поодаль стояли матросы и не стесняясь плакали. Разнесся слух, что Макарова доставили в морской госпиталь. Тысячи людей бросились туда, но слух не подтвердился.

Всего спасли с «Петропавловска» семь офицеров и семьдесят три матроса. Погибли на броненосце вице-адмирал С. О. Макаров, художник В. В. Верещагин, контр-адмирал М. П. Молас, 29 офицеров и 620 матросов.

Вот показания офицеров и матросов, уцелевших в катастрофе. Флаг-офицер мичман В. П. Шмидт:

«В момент катастрофы я находился в штурманской рубке вместе с капитаном 2-го ранга Кроуном и одним сигнальщиком. Я записывал приказ адмирала и только поставил двоеточие, как последовал сильный взрыв. Кроун и сигнальщик были убиты. У меня воздушной волной сорвало фуражку. В одно мгновение стол, диван, шкаф с книгами и картами — все обратилось в груды обломков. Циферблат с механизмом был вырван из футляра часов. Я бросился к правому выходу из рубки на мостик. Впереди себя я увидел море пламени. От удивительного едкого дыма почти задыхался. Говорить нельзя было из-за рева пламени, шума воды, постоянных взрывов и всеобщего разрушения. На мостике я заметил фигуру адмирала Макарова, стоявшего спиной ко мне. Он прошел вперед, сбросив с себя пальто...»

Видимо, уже в следующее мгновение адмирала Макарова видел мичман В. Д. Яковлев, сообщивший следующее:

«Когда грохнул взрыв, меня подкинуло, перевернуло в воздухе, но, падая, я встал на ноги. И в этот момент я увидел, как адмирал Макаров обеими руками закрыл лицо, как бы от сильной боли или отчаяния при виде того, что произошло...»

Сигнальщик Петр Бочков пытался помочь Макарову, видимо, уже в следующее мгновение. Вот его рассказ:

«Я стоял на мостике боевой рубки, разбираю сигнал. Последний приказ адмирала был: «Миноносцам войти в гавань». Ход замедлился, почти стали. Вдруг корабль вздрогнул, раздался ужасный взрыв, за ним — другой, потом — третий. Я бросился к дверям рубки, но в это время оттуда выходил какой-то офицер, тогда я выскочил в окошко. Кренило. На мостике я увидел нашего Старика — адмирала Макарова. Он лежал на палубе ничком. Лицо и борода были в крови. Бросился к нему, хотел было поднять, но корабль точно куда-то падал. Вода вкатывалась на самый мостик. Со всех сторон падали обломки, балки, шлюпки. Что-то гудело, трещало, валил дым, показались огонь. Меня смыло...»

О последних минутах Верещагина рассказал лейтенант Н. В. Иениш:

«На самом свесе я увидел группу матросов и среди них Верещагина в расстегнутом пальто. Часть из них бросилась в воду. Остальные колебались, остановленные зловещим шумом работавшего винта за кормой. Тут взорвались котлы. Всю середину корабля вынесло со страшным шумом наверх. Правая шестидюймовая башня, сорвавшись, полетела в море. Громадная стальная стрела на спардеке для подъема шлюпок исчезла мгновенно. Взрывом ее метнуло за корму, и место, где стояли матросы и Верещагин, было пусто. Их раздробило и смело.»

Иначе рассказал о гибели Верещагина матрос Ермошкевич из Могилева:

«Адмирал в момент взрыва стоял на мостике. Около него были другие начальники и старичок штатский с крестиком. Кажись, старичка сначала бросило на воздух, а потом в море...»

Мичман Николай Шлиппе говорил, что он видел, как Верещагин неудержимо скользил по наклонной плоскости палубы в воду.

Упомянул о Верещагине в своих воспоминаниях и командир «Петропавловска» Н. М. Яковлев:

«За несколько минут до взрыва я побежал в боевую рубку. В этот момент я видел полковника Агапеева: он записывал подробности происшедшего боя. Рядом Верещагин что-то спешно зарисовывал...»

Как настоящий гвардеец русской батальной живописи Верещагин погиб, не выпуская кисти и палитры из рук...

А дома, в вагоне, Верещагина ждало письмо от жены:

«Милый Вася, ради бога, держись подальше от этого Порт-Артура, береги свою жизнь, помни о детях...»

В него была вложена записка от дочурки:

«Папочка, попугай здоров. Новую клетку нам еще не прислали. Напиши, папа, где ты и видел ли японцев...»

А сын Вася писал отцу:

«Милый папа, нового у нас ничего нет. Мы занимаемся по-прежнему. Из физики прошли свойства воды и других жидкостей и состав воздуха. Из географии — горы и реки. Из грамматики — до глаголов, а из арифметики — задачи. Мама хворает, все простуживается. Напиши о себе, где ты теперь и сколько у нас войска. Прощай, целую тебя крепко, твой сын Вася Верещагин.»

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ГЕРОИ

Кого не приводило в восхищение есенинское: «Дай, Джим, на счастье лапу мне!»..

В своих воспоминаниях о Есенине народный артист СССР В. И. Качалов рассказал, как состоялось это знакомство. В марте 1925 года Есенин с приятелями-поэтами пришел на квартиру Качалова и быстро подружился с четырехмесячным щенком Джимом, который «радостно взвизгивал и лизал его лицо».

Потом Сергей Александрович читал собравшимся стихи. «Джим внимательно смотрел ему в рот. Перед уходом Есенин долго жал ему лапу: «Ах ты, черт, трудно с тобой расстаться. Я ему сегодня же напишу стихи...»

Так появилось стихотворение «Собаке Качалова».

Перелистывая страницы отечественной литературы, можно назвать немало произведений, в которых образы четвероногих героев имели реальных прототипов.

Вспомним историю создания повести «Холстомер» Львом Николаевичем Толстым. Однажды, гуляя с И. С. Тургеневым на выгоне за деревней, Лев Николаевич подошел к старой лошади, имеющей жалкий, измученный вид, и долго ласково что-то говорил ей.

Тургенев шуточно заметил:

— Лев Николаевич, право, вы когда-нибудь были лошадей. Да, вот извольте-ка изобразить внутреннее состояние лошади.

Спустя 30 лет Толстой осуществил это пожелание.

Любовно изображал животных в своих произведениях Антон Павлович Чехов. Им написан рассказ специально для детей под названием «Белолобый». Пробразом Белолобого явился живший в чеховской усадьбе в Мелехово дворовой пес с такой же кличкой.

Всем известна чеховская «Каштанка». Кстати, в этом рассказе есть и такой персонаж — кот Федор Тимофеевич. При знакомстве с Каштанкой он закивал и ударил собаку лапой по голове. Писатель не изменил и тут имени своего героя — действительно, в семье Чеховых одно время жил кот Федор Тимофеевич, который все презирал и даже, поедая свой вкусный обед, брезливо фырчал.

Огромным успехом у многих поколений детворы пользуется рассказ А. И. Куприна «Белый пудель». В основе произведения — история, которую писатель узнал, живя летом 1903 года на даче в Мисхоре, в Крыму.

Есть у Куприна рассказ «Ю-ю». Так звали кошку «с темно-каштановыми огненными пятнами, на груди пышная манишка, усы в четверть аршина, шерсть длинная и вся лоснится, задние лапки в широких штанишках, хвост, как ламповый ерш».

Этот портрет списан с кота, жившего в Париже у Куприных; любимца Александра Ивановича.

В. ПУМОВ

ПРОФЕССОР КУЛИБИН

Юрий ГАЛАЙ

Старший сын трагически погибшего А. И. Кулибина (о нем рассказывалось в «Уральском следопыте» № 5 за 1983 год) Николай родился 6 апреля 1831 года на Алтае, на Змеиногорском руднике, где в то время его отец исполнял должность помощника управляющего кепи.

Все горные офицеры, служившие на Урале и Алтае, имели право определять на казенный счет своих детей учиться в Горный институт. Предопределено это было и Николаю, тем более что после смерти отца по высочайшему указу его должны были определить в Горный институт и стоимость обучения обязывалось оплатить государство.

По окончании института поручик Кулибин был направлен на Алтай, где стал заниматься разведкой золота. За проявленные способности вскоре был назначен помощником управляющего Барнаульской лаборатории. Однако служил здесь недолго. Уже с 15 августа 1853 го-

да, как свидетельствует архивный документ, поручик Кулибин «по высочайшему повелению, последовавшему на доклад господина министра финансов, командирован за границу и из списка Алтайских заводов исключен».

Срок командировки был продолжительный — два года. Изучал за границей Николай Александрович в основном металлургию и пробирное искусство, слушал лекции в знаменитой Фрейбергской горной академии.

По возвращении из-за границы Николай Александрович был приглашен преподавателем в Горный институт, где читал в разное время лекции по пробирному искусству, металлургии, горному искусству, горной статистике и техническому переводу с немецкого языка. В каникулярное время занимался разведкой каменного угля и железной руды.

Почти за 30-летнюю профессорскую деятельность Николай Александрович воспитал целую плеяду известных горных инженеров. У него начинали учиться такие выдающиеся ученые, как академики А. П. Карпинский, Ф. Н. Чернышов и Е. С. Ферсман, профессор И. В. Мушкетев. Лекции Кулибина всегда привлекали массу слушателей.

Николая Александровича часто можно было видеть окруженного тесной толпой студентов, с вниманием ловивших каждое слово маститого ученого. Очень часто лекции продолжались дома, в кабинете профессора, но уже перед любимыми учениками. Студенты восхищались не только поистине энциклопедическими знаниями своего учителя, но и огромной его библиотекой и, конечно же, коллекцией прекрасно подобранных минералов. Н. А. Кулибин имел неплохое собрание полезных ископаемых и даже пришельцев из космоса — метеоритов. Некоторые из них были очень редки. Так, в конце 70-х годов один из таких уникалов он передал исследователю метеоритов профессору Ю. И. Семашко, а другой осколок отослал в Британский музей.

В 1872 году Н. А. Кулибин назначается членом Совета Торговли и Мануфактуры, а через четыре года членом Горного ученого комитета. В 1882 году он назначается директором Горного департамента. Находясь на столь высоком посту, фактически руководя всей горнозаводской промышленностью России, Николай Александрович не превратился в кабинетного администратора. Он несколько раз с научной и ревизионной целями посещал уральские (1883, 1884 и 1887 гг.), олонечские, финляндские, польские и подмосковные заводы.

В течение девятнадцатилетней деятельности Н. А. Кулибина на посту директора Горного департамента и председательства в высшем горном учреждении — Горном совете им были произведены многочисленные важнейшие административные и законодательные реформы, которые охватывали разнообразные стороны горнозаводской промышленности и управления.

Николай Александрович Кулибин, внук великого русского изобретателя И. Кулибина, умер 10 апреля 1903 года. За свою продолжительную и плодотворную службу Н. А. Кулибин был награжден десятью русскими и двумя иностранными орденами.

Н. А. Кулибин

ИВАН ЕФИМОВ ИЗ РОДА ДЕМИДОВЫХ

Тигрий Дьячков

Род уральских заводчиков Демидовых представляет для нас интерес прежде всего «...как сподвижников Петра... который этими государевыми мужиками, оружейного дела мастерами...» (П. П. Бажов) поднял на небывалую высоту отечественную металлургию.

Если первые Демидовы были знатоками горнозаводского дела и инициативными и энергичными организаторами, то «хозяйственные операции» последующих представителей рода сводились по существу к получению миллионных дивидендов.

Интересна судьба потомков Прокофия Демидова. Прослеживается вот такая генеалогическая ветвь.

Дочь Прокофия Акинфиевича Демидова Анастасия вышла замуж за Марка Ивановича Хазикова, секретаря известного ученого, президента Российской Академии наук Бецкого. Их дочь Анна (1786—1806) была замужем за Дмитрием Алексеевичем Левшиным (1767—1830) — общественным деятелем, человеком образованным.

Дочь Левшиных Клеопатра была замужем за Карлом Федоровичем Поггенполем — военным, служившим в инженерных войсках на Балканах, участником войны с Турцией. Единственная их дочь Александра (1836—1913) занималась живописью, была ученицей знаменитого Карла Брюллова. Семен Григорьевич Ефимов (1880—1893), муж Александры, происходил из украинских крестьян, благодаря трудолюбию и способностям окончил Харьковский университет. Их сын, Иван Семенович Ефимов, учился у известного педагога и просветителя Льва Ивановича Поливанова, после окончания гимназии в 1898 году поступил в Московский университет и одновременно посещал студию, устроенную художницей Званцевой. В 1900 году он оставил университет и позднее, блестяще сдав экзамены, поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества.

В 1906 году И. С. Ефимов женился на художнице Н. Я. Симанович (1877—1948), которая также училась ранее в студии Званцевой. Нина Яковлевна была двоюродной сестрой и ученицей художника В. А. Серова. Урожденная Бергман, она выросла в семье известных прогрессивных педагогов и общественных деятелей А. С. и Я. М. Бергман, тесно связанных с Герценом.

Во время империалистической войны Ефимов служил рядовым канониром из вольноопределяющихся, был на передовых позициях под Луцком, в Карпатах и на румынском фронте.

Революцию Ефимов принял сразу и безоговорочно. В 1918 году его избирают преподавателем в Вхутемасе, где впоследствии он становится профессором.

Известный художник и график, скульптор-анималист, народный художник РСФСР Иван Семенович Ефи-

мов прожил долгую жизнь (1878—1959). Его учителями были художники В. А. Серов, К. А. Коровин, скульптор А. С. Голубкина, он дружил с В. А. Фаворским, И. С. Остроуховым. Горельефы станции московского метрополитена «Павелецкая», вестибюль Ярославского вокзала, фрески в Центральном театре Советской Армии, многие павильоны на ВДНХ — это работы И. С. Ефимова.

Автор памятника И. А. Крылову в Москве, художник «Окон РОСТА» и ТАСС во время Великой Отечественной войны, создатель первых кукольных театров, участник многих выставок — таков диапазон деятельности Ефимова.

Сын И. А. Ефимова Андриан Иванович Ефимов — видный гидрогеолог, кандидат геолого-минералогических наук. В настоящее время он на пенсии, приводит в порядок художественное и литературное наследие своего отца. Кстати, в домашнем архиве Ефимовых хранятся письма Прокофия Демидова к зятю М. И. Хазикову, в них много ценнейших сведений — о заботах и трудах Демидова, о его встречах с Екатериной Второй и ее фаворитами Орловым и Потемкиным, о любимом его дитяце — ботаническом саде...

БОЯРИН ФЛОТА РОССИЙСКОГО

Владимир ЧИКИН

Самолет шел на посадку. Внизу по широкому разливу реки словно бы плыл сказочный корабль: стены мощные, как борта ледокола, башни, будто на крейсере, а рубкой служит златоглавый собор.

Это — бывший Санакарский монастырь.

Темников — один из старейших русских городов. Недалеко от него — монастырь. Основал его дядя прославленного русского флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова Иван Игнатьевич Ушаков, попавший в немилость царской семьи гвардейский офицер, постриженный в монахи под именем Федор.

За долгие годы службы «морской генерал» не проиграл ни одного сражения. Флот под командованием Ушакова прославил Россию при овладении Ионическими островами, Неаполем и Римом, при освобождении от французов Италии. Особенно выдающимся событием явилось взятие штурмом с моря считавшейся неприступной крепости острова Корфу. Победы флотоводца вызвали зависть и злобу в адмиралтействе. Факт создания при участии Ушакова во время средиземноморского похода Республики Семи Островов чиновники представили царю как крамолу и добились перевода Ушакова в Петербург с понижением в должности.

После нескольких лет службы в Петербурге Ушаков подал в отставку. Он был уволен «с мундиром и полной пенсией».

Во время Отечественной войны 1812 года Федор Федорович Ушаков передал часть сбережений на фор-

мирование полка, организовал и содержал на свои средства в Темникове госпиталь.

Последние годы жизни адмирал провел в деревне Алексеевке. Похоронен он был у западной стены Рождественского собора. На надгробии высечено:

«Здесь покоится прах его высокопревосходительства и высокопочтенного боярина флота, адмирала и разных российских и иностранных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова, скончавшегося на 74 году от рождения».

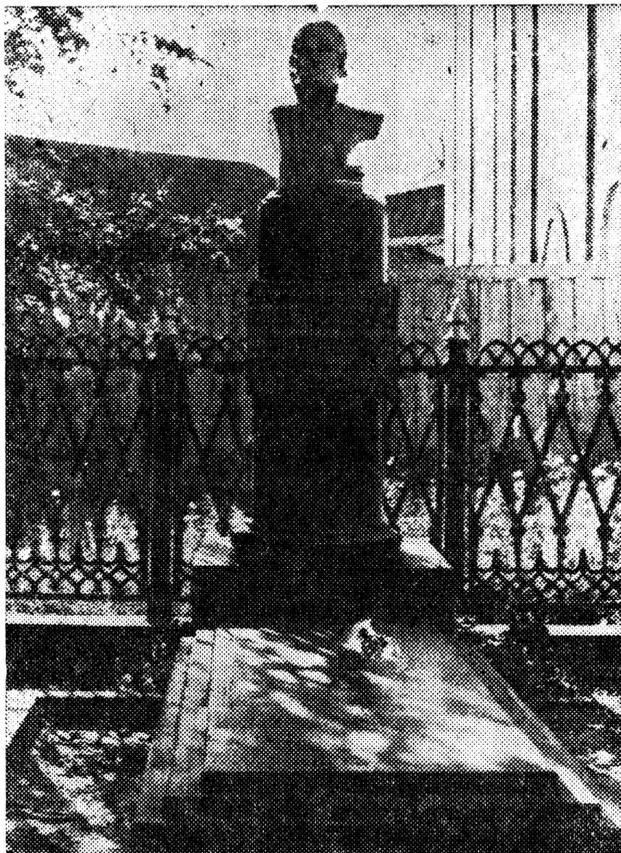
В прошлом веке при сооружении памятника «Тысячелетие России» в Новгороде хотели включить в список виднейших деятелей русской истории Ф. Ф. Ушакова, но царская семья воспротивилась этому.

В годы Великой Отечественной войны Советское правительство учредило орден и медаль Ушакова. Однако достоверного скульптурного изображения прославленного адмирала не было. Его предложил М. М. Герасимов.

...Недаром возникло сходство Санаксарского монастыря с кораблем. После смерти Ф. Ф. Ушакова строительством и расширением монастыря занимался Филарет Былинин, незаурядный зодчий и живописец. Отдавая дань памяти непобедимому флотоводцу, он и придал ансамблю форму судна.

Сейчас Санаксарский монастырь, уникальный и великолепный архитектурный ансамбль, реставрируется.

¹ М. М. Герасимов — автор реконструкции портретов древних людей, а также таких исторических деятелей, как Ярослав Мудрый, Андрей Боголюбский, Тимур, Иван Грозный, Шиллер и других.

НОВОСЕЛЕБНЫЕ КНИГИ КУНГУРА

Людмила БРУЦКАЯ

В Кунгурском краеведческом музее хранится редкая рукопись — вывозные и новоселебные книги 1648 и 1651 годов. (От слова селить.) Начинается она так:

«Лета 1648 года по государству цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси и по грамотам за приписью дьяков Алмаза Иванова да Микифора Демидова воевода Прокофей Кузмич Елизаров велел соликамскому посадскому человеку Ивану Суровцову да съезжей избы подьячому Антипу Вахутину государевых прихожих крестьян Вятчан, Кайгородцев, из Соли Вычеготской, из Устюга Великого и из иных городов и из-за вотчин и монастырей вывезть на государя на Кунгур и на Степаново городище на житье... чтоб им за государем жить и никуда не избежать».

Для пополнения царской казны необходимо было скорейшее освоение бескрайних сибирских просторов. Массовые переселения крестьян на Урал и в Сибирь должны были решить эту и другие, связанные с ней, задачи. Первые поселенцы на речку Кунгурку прибыли в 1648 году, тут по царскому указу возник острог — Кунгур, ставший впоследствии одним из ключевых пунктов на пути из центра в Сибирь. В кунгурских вывозных и новоселебных книгах указывалось:

«В котором числе которого крестьянина вывезут и где поселить на государевых землях и с которого числа и по которое льготы дать и то велено описать имянно, порозну и по статьям».

По высочайшему указу закрутились неповоротливые колеса государственной машины, мужицкие телеги с нехитрыми пожитками потянулись на новые земли, удобные для хлебопашества. Русские крестьяне Афанасьевы, Бурковы, Головины, Карповы, Шадрины, Ширяевы выезжали с семьями на новые места, где их ждала нелегкая работа.

Царский указ обязал и могущественных Строгановых отправлять своих крепостных на новые поселения, дабы жить крестьянам «в государеве тягле». И монастыри поневоле занялись массовыми переводами крестьян. Так, с земель, принадлежавших Соликамскому Вознесенскому монастырю, были вывезены «Кайгородского уезда от Николы прихожий крестьянин Якушко Якимов сын Пономарев... Степанко Иванов с детьми, с Ярофейкой, с Петрушкой, с Корнилком, с Ивашком».

Прибавилось работы у соликамской администрации во главе с воеводой думным дворянином Прокопием Кузмичем Елизаровым. Подьячие по горячим следам заполняли вывозные и новоселебные книги, отправляли их в столицу, в Новгородскую четь. А для местных нужд оставляли копии, тщательно сверяя их с оригиналом: ошибок не должно быть — документы удостоверяли важные государственные дела.

По переписи П. К. Елизарова в Кунгурский уезд прибыло 386 семей, или 1222 человека. А в 1651 году, по переписи другого соликамского воеводы стольника Семена Тимофеевича Кондырева, в уезде было поселено еще 104 семьи, 428 человек. Все эти данные содержатся в селебных книгах.

В нелегкий, пугающий неизвестностью путь вместе с самым необходимым люди брали и книги, бережно обернутые в тряпицы. В числе их был казачий летописец похода Ермака в Сибирь, позднее названный Кунгурским. Ученые высоко оценивают Кунгурский летописец, считают, что он был составлен по устным преданиям, по памяти кем-то из воинов Ермака.

Освоение кунгурских земель отличалось от сибирского взятия сравнительно мирным характером. Не пищали, не мечи, а плуги, бороны да топоры шли тут в дело. Хотя иногда приходилось и кунгурским поселенцам обороняться от набегов башкир, издревле живших на этих землях, и татар, появившихся здесь в XV веке.

В 1662 году город был ограблен и сожжен союзным отрядом татар и башкир. А немногие уцелевшие жители скрывались в лесах и, как говорят предания, в ледяной пещере. Через два года, вопреки внешней опасности, Кунгур возродился, но уже на новом месте, где и стоит поныне.

Крестьяне получали ссуду для обзаведения хозяйством на новых местах, для них устанавливались льготы по выплате налога в государеву казну. Крепостные крестьяне становились государственными. Поэтому наряду с массовыми переводами, санкционированными правительством, на практике встречались и побеги крепостных с семьями на свободные земли.

Советский историк А. А. Преображенский отметил, что больше других страдали от побегов уральские вотчины Строгановых. Поэтому в 1677 году по челобитью Г. Д. Строганова проводился розыск его беглых крестьян в Кунгурском уезде. В 1670 и 1671 годах кунгурская администрация получила правительственное распоряжение о задержании крепостных. Но стремление к воле было неистребимо, и крестьяне бежали на сылвенские земли, обзаводились хозяйством, платили оброк в казну. Юридически трудно было доказать крепостное происхождение крестьян, записанных в Кунгурские селебные книги. Да и не всегда было выгодно помещикам возмещать казне деньги, выплаченные крестьянам на обзаведение хозяйством. Сколько было таких крестьян, вырвавшихся из крепостной неволи? Пока такие подсчеты не сделаны. Да и вряд ли возможно учесть всех.

Между скорописных строк новоселебных книг, за простыми крестьянскими именами встают важные события уральской истории. Подлинная рукопись XVII века интересна и сама по себе как свидетельство того далекого времени.

При создании книги, что хранится в кунгурском музее, была использована бумага XVII столетия, ее можно датировать по водяному знаку или филиграну (голова шута). Текст написан скорописным почерком того же времени, в народе этот тип письма за обилие завитушек прозвали «кудрявым письмом». Его очень трудно читать, не имея навыка. В рукописи можно выделить несколько разных почерков, разных рук, писавших текст. Встречается почерк XVIII века. Им написана вторая часть рукописи. Для создания страхового экзем-

пляра кунгурские писцы скопировали новоселебные книги 1648 и 1651 годов, используя при этом бумагу ярславского производства с водяным знаком, изображавшим герб города (медведь с секирой).

Тогда же, в XVIII веке, все копии селебных книг были переплетены вместе. Так составилась том внушительного объема, содержащий 587 листов. Чтобы текст не испортился, рукопись укрыта надежным переплетом из досок, обтянутых кожей. Н. Рерих назвал такой переплет «фундаментальным крепким доспехом книги». Он писал: «Таким же прочным достоянием, как твердь, был переплет книги, не гнувшийся ни от каких житейских бурь».

В 1848 году рукопись попала в село Черный Яр под Кунгуром, где ее скопировал священник Евгений Золотов, любитель древностей. Видимо, к этому времени книга каким-то образом исчезла из архива при городской управе и стала чьей-то личной собственностью. В 1892 году уже дьякон Е. Д. Золотов опубликовал свою статью «Материалы для первоначальной истории города Кунгура и его уезда» в «Трудах Пермской ученой архивной комиссии». В этой статье приводились выдержки из селебных книг. Нигде более эти книги не упоминались. В чьи руки попала рукопись от священника Золотова? Неизвестно. Не вызывает сомнений то, что нам еще не известны многие другие документы по истории Кунгура. Находятся они не только в архивохранилищах, но и у граждан.

Два года назад Уральская археографическая экспедиция нашла уникальную рукопись XVIII века — «Козмография сиречь всего света описание». В ней среди сведений в «Четырех частех вселенных, земель, и царств, и графств» содержится краткое известие о Кунгуре. Составитель рукописи Никифор Меньшой Ущеников расположил его в Сибири, над рекою Иртышом:

«Жития в том городе много 1640 домов, есть люди богаты торговые, мастеровые, в том городе будет четыре заводы медные, трой Демидова, четвертые балахонца купецкого человека Осокина на которых приходит меди многое число».

«Козмографию» теперь изучают ученые и студенты Уральского университета. Эта находка еще раз убеждает в том, что при вдумчивом и бережном отношении к документальному богатству народа мы сможем собрать и сохранить много памятников прошлого.

РОДОСЛОВНАЯ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

Ровно два года назад, в апреле 1983 года, журнал «Уральский следопыт» отметил свое 25-летие. По статуту, по титульной странице так оно и есть: журнал, каким он является сейчас, действительно был основан в 1958 году, первый номер его вышел в апреле.

Однако «Уральский следопыт», если быть точным, почти вдвое старше — он родился не 27, а 50 лет назад!

В течение шести лет, с 1925 по 1931 год, в Москве издавался «Всемирный следопыт» — иллюстрированный журнал путешествий, приключений, фантастики, охоты. Это был очень интересный, по-настоящему увлекательный и познавательный журнал. Редактором-организатором его был В. А. Попов, писатель, большой энтузиаст издательского и журналистского дела, знаток приключенческой и фантастической литературы. Вот его-то, Владимира Алексеевича Попова, и пригласили на должность редактора в Свердловск, когда здесь решили издавать новый журнал для молодежи.

Очевидно, не долго искали название для нового издания. Привлекла мысль: быть преемником столичного журнала. А географическая привязка дала и полное имя — «Уральский следопыт».

Первый номер был подписан в конце марта, а в апреле 1935 года в продаже появился новый ежемесячный иллюстрированный журнал занимательной истории, географии и краеведения.

«Уральский следопыт», как сообщалось на обложке первого номера, ставил своей целью «содействовать исследованию, раскрытию и освоению величайших естественных богатств Урала, Предуралья, Зауралья и Башреспублики, их истории и освещению жизни народов, населяющих их».

В журнале были такие разделы: история, география, краеведение, история фабрик и заводов, природа и охота, уральские были — старые и новые, путешествия вокруг света, путешествия по книгам, среди уральских коллекционеров, шахматная доска...

К сожалению, «Уральский следопыт»-35 не смог по-настоящему развернуться, не подхватил славу и не успел преумножить традиции своего предшественника — «Всемирного следо-

пыта». Вышло тогда всего девять номеров журнала...

Однако «Уральский следопыт»-35 успел привлечь к себе внимание, с каждым номером рос его тираж. В журнале было опубликовано немало интересных материалов — путевых очерков, фантастических рассказов (в том числе и Александра Беляева), былей, репортажей...

Два года назад Челябинский тракторный завод имени В. И. Ленина отметил 50-летие со дня пуска предприятия. В минувшем году с конвейера завода сошел миллионный трактор.

В «Уральском следопыте» № 6 за 1935 год была помещена заметка «Первый уральский трактор». В ней речь шла не о первом «Катерпиллере», выпущенном опытным заводом при ЧТЗ в 1931 году, и не о первом из миллиона гусеничном «Сталинце», рожденном 16 мая 1933 года, а о самодельном тракторе крестьянина из деревни Нижняя Санарка, что близ города Троицка, Титаренко. Это было задолго до пуска ЧТЗ — в 1922 году.

Трактор Титаренко, по описанию «Уральского следопыта», был презабавным и примитивным. Основательная рама, вертикальный нефтяной шестисильный двигатель, кадка с водой для охлаждения его, бак для горючего, маховик, деревянный шкив, сыромятный ремень передачи, руль от автомобиля, седло от жнейки, колеса... Однако трактор передвигался, пахал огороды.

Жаль, что титаренковский трактор не стал музейным экспонатом, хотя тогда, в 1935 году, журнал призвал краеведов разузнать дальнейшую судьбу трактора, найти его следы.

В девятом номере журнала был помещен очерк «Уральские самоцветы над Кремлем». Вот небольшие выдержки из него:

«Самый древний из них был тот, что топорщил когда-то крылья над Спасской башней. Он был посажен туда еще в начале XVII века, по указу первого из Романовых — Михаила. Его выточили из дерева и обили листовым железом.

Второй из Романовых, «тишайший» царь Алексей, воевавший всю жизнь, потопивший в крови разинское восстание, тоже в конце XVII века посадил орла на верхушку Троицкой башни. Орел был деревянный...

Оба эти древних орла не дожили до нашего времени. Орел над Спасской башней обрушился при пожаре Кремля в 1633 году и был заменен новым, склепанным из медных листов. Деревянный орел над Троицкой башней одряхлел, и дзести лет спустя, при Александре II, был заменен также медным орлом...

Орел на Никольской башне подвешен по рескрипту Александра I в 1816 году, когда башня эта, взорванная Наполеоном, восстанавливалась архитектором Бовэ. Этот орел также металлический.

Самый молодой орел на Боровицкой башне. Он навешан в 1817 году...

...Их было четыре. Они блестили секирами палачей. Их хищный клекот слышала вся необъятная страна. В цепких, когтистых лапах своих они несли царские эмблемы — скипетр и державу.

А сейчас эти орлы снимаются. По словам «Правды», оказалось, что орлы на Троицкой и Спасской башнях сделаны из красной позолоченной меди, на Никольской и Боровицкой — из кровельного железа. Склепаны они очень грубо. Крылья их и короны прострелены пулями октябрьских боев. Штыри еле-еле выдерживали груз орлов. Почти все орлы склепаны намертво. Лишь на Троицкой башне орел свинчен болтами из отдельных частей. Он снят частями. Труднее всего было спустать крылья, из которых каждое весит 15 пудов. Цельноклепанные орлы снимались с помощью специальных кранов, сооруженных Перовским заводом Стальмоста.

В начале сентября на совещание собрались директора нескольких крупнейших предприятий столицы. Им было заявлено:

— Вам поручается изготовить звезды для установки на башнях Кремля. Они должны быть художественно оформлены и сделаны из материала, способного простоять много лет, века. Срок изготовления — месяц.

...Всего изготавливается четыре звезды, по числу снятых четырех орлов. Первая из них уже готова. Она будет установлена на Никольской башне. Каркас ее изготовлен из эластичной и крепкой нержавеющей стали, сваренной электросваркой. На каркас наложены покрытые позолотой листы красной меди. С обеих сторон звезды укрепляется эмблема Советского Союза — изображение серпа и молота, украшенное уральскими самоцветами.

Размеры звезды внушительны. Ее диаметр (так же как и других звезд) около 5 метров, толщина — до полутора метров, длина молота — 2 метра, общий вес — 1500 килограммов. Для того чтобы уменьшить сопротивление ветру, звезда может поворачиваться на шарикоподшипниках по направлению воздушного потока...

Далее в очерке говорится, какими будут звезды для других башен, что сложнейшей технической проблемой стало покрытие их благородным металлом, потому что до сих пор никому никогда в мире не приходилось золотить гальваническим способом такие большие поверхности, что кремлевские звезды усыпаны драгоценными камнями.

Лучшие ювелиры страны ограничились и отшлифовали ни много ни мало... 10 000 камней. Каждый из них был вделан в герметическую, позолоченную сверху сплошную оправу, привернут серебряным болтиком к серебряной пластине.

Для звезд Кремля Урал прислал чудесные аметисты, дымчатые топазы, аквамарины, хризолиты, бериллы, прозрачный горный хрусталь...

Подписан очерк был странным, неблагозвучным, но довольно прозрачным псевдонимом — Мезорд. Теперь его можно и расшифровать, Мезорд — это Михаил Ефимович Зуев-Ордынец. Он, известный в ту пору писатель, один из начинателей советской приключенческой литературы, часто выступал в «Уральском следопыте». Кстати, Зуев-Ордынец был постоянным автором и далекого «Всемирного следопыта», и теперешнего «Уральского следопыта».

В «Уральском следопыте»-35 началась творческая биография ныне известного писателя Бориса Рябинина. Он был фотоочеркистом редакции, много путешествовал по краю, часто выступал на страницах журнала. И ныне Борис Степанович Рябинин — постоянный автор «Уральского следопыта».

Так что «Уральский следопыт» был дважды рожден. По новому паспорту ему 27 лет, а по старой метрике все пятьдесят.

БОГАТЫРИ

Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ

На камских рёлках, пұпышах и веретьях, где три века назад переселенцы из Московии валили роко-тухою лес под запашку, городские школьники убирали урожай первого лета войны. В Аверях нас работало семнадцать — шесть мальчишек и одиннадцать девчонок — десятиклассников.

Минуло осеннее равноденствие, дни пошли на убыль, но еще держалось ведро. Тихое солнце разливало по земле мутноватый золотистый свет и ласковое тепло. На полях желтела щетинистая стерня по отлогим склонам, зеленели озими на гребнях, лиловели по суглинкам пары. Вдоль пашни тянулась под уклон бурая полоса с необрунным горохом.

Где-то в конце сентября всю нашу группу и отправили на тот самый горох. Бригадир только рукою махнул в сторону поля, где чернел на взгорке за большаком крылатый ветряк. Этим его распоряжение и ограничилось. Об остальном надо было самим сообразить. Не первый день в колхозе, на каких только работах не бывали мы за месяц. И рожь косили жатками, и снопы вязали, суслоны ставили, скирдовали, молотили, веяли, копали картошку, морковь и свеклу, на лошадях возили с полей солому из-под комбайна и крыли крышу на скотном дворе... Всему вроде бы обучились, все познали. А тут вот сидим возле бурой полосы, высвеченной солнцем, и гадаем, с какого краю к ней подступиться. Горох переспел. Тронули плети — тотчас треснули сухие створки бобов, свернулись винтом, и белые зерна дробью посыпались на землю.

Длинные, полегшие стебли переплелись — не растащить. Корни вцепились в глинистую почву — не оторвать. Беседуем неторопко, как быть с этим горохом. Откуда ни возьмись появился старик. Мы знали его как инспектора колхоза по качеству и — отменного ворчуна. Увидел, что сидим без дела, принялся укорять нас, а о горохе ни слова. Мы понимали, да и сам он видел, что ворчит скорее по «обязанности» и по привычке, чем по надобности: на дальних полях рожь на корню стоит —

косить не успевают, суслоны на ток не перевезены, до гороха ли тут было? Вот и упустили сроки. Месяц назад могли бы его серпами сжать, а теперь — разве что руками дергать, как посконь. Старик исчез незаметно, как и появился. А мы так и сделали: стали попереk полосы цепью и принялись рвать корни из земли, закатывать плети валками и стаскивать в вороха. Сколько-то зерна да и намолотится из них на току...

Поистерли кожу на ладонях, зато узнали, каким нелегким трудом достается человеку тот самый бел-горох, суп, кашу и кисель из которого мы так любили поесть дома. А зеле-

ный горошек в росинках сладкого сока прямо с грядки — из всех лакомств первое лакомство!

Горох самый популярный продукт питания. Горох — богатырь, горох — царь полевых культур. И в народных сказках он — царь: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами и русалками, жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасией Прекрасной». Если вдуматься в слова, увидим точный адрес эпохи: дохристианское, языческое время. «При царе Горохе», — говорим мы в обиходе, если хотим подчеркнуть особую отдаленность события.

Слово «горох» существовало уже в общеславянской лексике, когда славяне были единым народом и не делились еще на южных, западных и восточных — раньше V века. А произошло оно от древнеиндийского глагола «гарзати» — тереть. Славяне переосмыслили его, соединив с понятием «гора»: стебли гороха тянутся горе — кверху. «Кабы на горах не мороз, так он бы через тын перерос», — подмечали в старину.

Извилист и долгов путь гороха до Урала. Древний кочевой охотник, обосновываясь на месте и строя жилище, бросил в землю первые зерна диких растений — ячменя, пшеницы, полбы, гороха, бобов, чечевицы, чтобы получить от них урожай. Произшло это в необозримо далекое время, от пяти до двадцати тысяч лет назад, в эпоху неолита, последний период каменного века. На земле тогда становилось все меньше и меньше крупных животных, и человек уже не мог прокормиться только охотой. Обстоятельства сделали его земледельцем. Древние люди быстро распознали особую питательную ценность гороха: еда, приготовленная из него, была столь же сытной, как мясная. Теперь-то мы знаем: по содержанию белка горох равен мясу. Потому-то мы и называем его белковым богатырем.

Культивирование, подросту говоря, выращивание гороха возле жилища, началось первоначально на обширной территории Передней Азии — в горном Туркменистане, За-

Рисунок С. Малышева

кавказье, Северо-Западном Иране и Турции. Отсюда четыре-пять тысяч лет назад горох продвинулся к северу, на земли будущей Киевской Руси и дальше в Среднюю и Северную Европу, а через Балканы — на запад. В Киевской Руси и на новгородских землях горох сеяли повсеместно. И уже тогда один из дней народного календаря, месяцеслова, называли Горошником, в церковных святцах — днем Иовы Горошника. Примерно в этот срок — 19 мая по новому стилю — и сеяли горох в поле.

Купцы Киевской Руси вели бойкую торговлю с волжско-камскими болгарами (булгарами), народом, который в X веке образовал сильное государство в Прикамье и Среднем Поволжье. Булгары жили оседло и занимались земледелием. Восприняли они его от славян, от них получили и горох. Во II веке новгородские переселенцы обосновались на Ятке и энергично начали осваивать обширные и плодородные земли. От новгородцев, вероятно, или от булгар прикамские народности переняли неведомые им дотоле культуры, среди них и бобовые. Так горох обосновался в Прикамье и Западном Предуралье.

Отдаленные предки современных коми, коми-пермяков, а также удмуртов занимались мотыжным земледелием четыре-пять тысяч лет назад. А не возделывали они еще тогда какие-либо бобовые культуры? Ответа на этот вопрос пока нет.

В XVI—XVII веках горох еще раз пришел на эти земли уже с русскими переселенцами из Московии. В архивных документах обнаружена запись о том, что в 1621 году на восточном берегу Камы, против Саранпула, в селе Ершовка был 21 двор. Жители села сеяли рожь, полбу, ячмень, горох. В XVII—XVIII веках горох выращивали на грядах в горнозаводских селениях Урала как лакомство для детей. В эти же годы его сеяли и на полях Зауралья.

...Бобы, чечевица и фасоль из одного с горохом ботанического семейства мотыльковых, тоже белковые богатыри. Бобы называют еще конскими, кормовыми и русскими бобами. Как культура появились они в каменном веке. Выращивались предками славян. В IX веке были известны в Киевской Руси, в X — на новгородской земле. Упоминаются бобы и в русском месяцеслове.

В XVIII веке на Урале и в Зауралье бобы были уже распространенным огородным растением. В конце XIX века на Пермской опытной станции их выращивали на семена.

Чечевица появилась в культуре почти одновременно с горохом и бобами в неолите. Ее родина — Юго-Западная Азия. Чечевица упоминается в библейских сказаниях.

В IX—VI веках до новой эры ее выращивали жители Урарту, а чуть позже скифы-пахари в Северном Причерноморье. Популярной она была в Киевской Руси. Здесь существовал обычай зимою варить сочиво, подавать это блюдо гостям в канун рождества и крещения. День этот получил название «сочельник», а зерно, из которого делалось сочиво, — «сочевича». В русском языке «сочевича» превратилась в «чечевицу». Как до того называли чечевицу, неизвестно.

Была чечевица и у болгар. Но в Закамье и Предуралье она в те времена, видно, не прижилась. В XVIII веке ее сеяли в Вятской и Пермской губерниях. Значит, пришла она сюда несколько раньше, возможно, в XVII веке. В начале XX века чечевицу возделывали на Камышловской опытной станции, выращивали на Южном Урале.

Родина фасоли — Южная и Центральная Америка. В XV веке, после Колумба, она попала в Европу. В XVI веке ее выращивали в Грузии как цветочное, декоративное растение. В XVII—XVIII веках фасоль проникла в Россию через Астрахань и Петербург, на Украину из Польши, в Молдавию с Балкан. В России фасоль прозвали турецкими бобами.

Во второй половине XVIII века на Урале, в Красноуфимском уезде, действительный статский советник и кавалер Голубцов, тот самый, который первым посадил на Урале картофель, начал разводить турецкие бобы на огороде. Голубцов был смелым и активным экспериментатором в сельском хозяйстве. К сожалению, никаких биографических сведений о нем пока не обнаружено.

В лечебном травнике Кашиинского XVIII—XIX веков фасоль упоминается как обычное огородное растение Южной и Центральной России.

В годы Великой Отечественной войны фасоль сеяли в Западной Сибири, выращивали на Челябинской государственной селекционной станции. С 1954 года началось ее энергичное внедрение на землях Южного Урала. На Среднем Урале фасоль и чечевица не растут. А русские бобы здесь стали постоянным спутником индивидуальных огородов. Некоторые совхозы и колхозы выращивают их на корм скоту.

А горох для уральцев до сих пор остается крепким орешком.

Различают горох полевой, или пелюшку, с лиловыми цветками и полевой — с белыми цветками. Пелюшка идет на корм животным. Посевной — это пищевой горох. Он подразделяется на зерновой и овощной — сахарный и луцильный. У сахарного в пищу идут сочные зеленые лопатки (стручки). Луцильный дает зеленый горошек для кон-

сервирования. Овощной горох, подобно русским бобам, выращивают повсюду на приусадебных участках и в садах для семейного потребления. Колхозы и совхозы Урала сеют зерновой горох.

А растеньице это — ох сколь капризно! Любит почву увлажненную, воздухопроницаемую, богатую известью. Высокий урожай дает только при раннем посеве — в конце апреля или в начале мая. Посеешь в середине мая — урожай упадет наполовину. Стебель сильно ветвится и полегает. Цветение растянуто по времени и плоды созревают неравномерно. При обильных июльских дождях, которые на Среднем Урале постоянны, нижние стручки плесневеют. При сушке створки растрескиваются, зерно выпадает. Полеглая масса не подрезается ножом косилки.

...Двадцать три года не бывал я в «Уральце». Приехал и не узнал: на месте подслеповатых, вросших в землю избушек, коровника, утонувшего в навозе, красовался живописный поселок Студенческий, светлый, ухоженный, ладный. Ровные, зеленые улицы, прочные дороги, усадьбы, обширная животноводческая ферма, машинные парк и — поля, добротные обработанные, будто ладонью приглаженные. «Уралец» — учебно-опытное хозяйство Свердловского сельскохозяйственного института, одно из передовых на Урале. Поладили тут и с капризным горохом. 15 процентов площади всех посевов отдано ему без оспарки. Осенью собрали по 30 центнеров с гектара, а со 110 гектаров — по 31,3 центнера. А средний урожай по области значительно ниже.

— Секрет наш в выборе сорта, в совершенной агротехнике, в строгом соблюдении севооборотов. А еще в добром отношении к земле. Все в поле, от посева до уборки, мы делаем машинами, — так, чуточку официально говорил мне Аркадий Федорович Васенков, главный агроном хозяйства, которого я знал еще студентом института.

Сеют здесь два сорта: неосыпавшийся и мелкосеменной. В дружных хозяйствах Среднего Урала испытывают чехословацкий сорт страд. У него стебель не полегает, стручки размещены только на верхушке стебля, зерна не выпадают даже при раскрытых створках. Уральские селекционеры выводят и свой, местный, сорт. В колхозах и совхозах создаются специализированные звенья для выращивания белкового богатыря.

МИР НА ЛАДОНИ

Конструкторы Минского мотовелозавода разработали новую модель складного велосипеда. Он полностью уместается в рюкзаке. Большинство прежних стальных деталей у этой машины заменены алюминиевыми или пластмассовыми.

Полуостров Индостан, двигаясь к северу со скоростью 6,3 сантиметра в год, оставил за собой в земной коре своеобразный след. Это — гигантское геологическое понижение, где уровень моря на 90 метров ниже общего уровня моря. Кроме того, дно океана в районе следа также ниже — на 300 метров! — так называемого положения равновесия.

Состав пропиточного раствора, позволяющего сохранять поры дерева в изделиях раскрытыми, разгадал американский биохимик Д. Наддвари. Правда, пока он держит его в секрете, но утверждает, что в скором времени можно будет наладить массовое изготовление музыкальных инструментов, не уступающих по звучанию знаменитым инструментам Гварнери и Страдивари.

Музыка в стиле диско наиболее опасна, когда магнитофон установлен и включен в автомобиле. Это определили швейцарские специалисты — дорожники. У водителя при такой музыке резко учащается пульс, повышается содержание адреналина в крови, — он слабо реагирует на ту или иную дорожную ситуацию, грозящую неприятностями, не замечает знаков, которыми следует руководствоваться.

Английский инженер Т. Хауарт сконструировал дешевый автомобиль с

корпусом из дерева. Детали его изготавливаются деревообрабатывающими станками с программным управлением по шаблону, причем это не только детали кузова, салона, но и ходовой части. Между собой они скрепляются эпоксидной смолой. Так что пила и клей будут в случае необходимости основным «ремонтным комплектом». Опытные образцы деревянного автомобиля Т. Хауарта успешно прошли более 30 тысяч километров из Швеции в Кению. Рассчитывая на массовое производство таких машин в странах Африки, Т. Хауарт утверждает, что они будут обходиться им в сорок раз дешевле, чем импортные сейчас металлические автомобили.

Кроноцкий заповедник в СССР расширился за счет трехмильной зоны Тихого океана, протянувшейся вдоль берега на 200 километров. Теперь его общая площадь превышает миллион гектаров. В заповеднике быстро возрождаются соболя, каланы, увеличивается численность снежных барсов, северных оленей.

Путь на легковой машине между основными аэропортами Парижа занимает обычно два часа. Но можно потратить всего 25 минут, если воспользоваться дирижаблем. Этот вид воздушного транспорта снова становится обычным. Парижский дирижабль поднимает 2,5 тонны груза или перевозит 10 пассажиров. Он может летать без заправки 20 часов. Изготовили его англичане, которые выполняют сейчас также заказ Венесуэлы на создание двадцати аппаратов легкого воздуха для перевозки туристов, разведки косяков рыбы в океане и других работ.

Уральские арбузы

Когда-то Южный Урал славился своими арбузами. И вот земледельцы Челябинской области решили восстановить эту славу. В совхозе «Заозерный» отвели под бахчу орошаемый участок. В минувшем году вырастили первый урожай — тридцать тонн с гектара.

Уральские арбузы — не крупные. Но все, кто их пробовал, отмечают особую сочность и сладость.

А. ПОДВИНЦЕВ

Вручил Буденный

Уверен, что такой знак, какой носит на лацкане пиджака костромич Павел Лаврентьевич Кожин, не многим доведется видеть. Покрытая красной эмалью пятиконечная звезда из серебра. В центре надпись: «Первенство РККА, 1927 год». С обратной стороны выгравировано: «Победителю военно-прикладного многоборья». Только двадцать человек — команда Московского военного округа, занявшая на Всесоюзных соревнованиях в 1927 году первое место, — из рук С. М. Буденного получили такие жетоны и карманные часы с памятной надписью.

— В соревнованиях, — вспоминает П. Кожин, — участвовали команды из всех военных округов страны. Участникам нужно было вырыть индивидуальный окоп, поразить из винтовки десять мишеней, совершить марш-бросок на 25 километров с преодолением различных препятствий и занять круговую оборону. Наша команда показала самое быстрое время. Но и попотеть пришлось: я лично шесть кило веса сбросил за четыре часа.

Не ударил в грязь лицом сержант Павел Кожин и когда пришла пора идти в бой с гитлеровцами. Его, помощника командира взвода разведки, первым в полку наградили орденом Славы за взятие «языка». Тяжелое ранение не позволило сержанту дойти до Берлина. Вернулся с войны в родной колхоз, долгие годы работал бригадиром и сейчас, выйдя на пенсию, продолжает трудиться во вневедомственной охране. Жетон и часы всегда при нем...

В. ПАШИН

В космос — из Якутии

На огромных просторах Якутии, где практически нет индустриальных помех, а воздух удивительно чист, созданы крупнейшие в мире исследовательские комплексы. В частности, в этом «геофизическом раю» неподалеку от Якутска действует установка «ШАЛ», с помощью которой изучаются так называемые широкие атмосферные ливни. Эти ливни рождаются, когда Земля встречается с космическими частицами очень высоких энергий. Установка занимает площадь 18 квадратных километров. Десятки аппаратов автоматически регистрируют данные о частицах каждого нового ливня и передают их на ЭВМ.

В обычных условиях на существующих ускорителях частиц такой высокой энергии получить не удается. Поэтому данные с «ШАЛ» имеют особое значение для физики, астрофизики. Они помогают лучше узнать настоящее и прошлое звездного мира, понять процессы, происходящие во время вспышек сверхновых звезд, взрывов ядер галактик.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Пожар-иллюзия

На Свердловской пожарно-технической выставке экспонируется диорама Екатеринбургa. Один из самых страшных пожаров старого города встает перед нами. Треть столицы Урала выгорела тогда, в 1818 году. В течение столетия на том месте не селились люди, пустырь оживал лишь в воскресные дни, когда его заполняли торговцы хлебом и зерном.

Авторы диорамы хотели показать, насколько опасны пожары, какие беды Руси они приносили. Москва выгорала частично или полностью около шестидесяти раз. Деревянные города особенно страдали. Тушили огонь всем миром, заливая водой из ведер и разбирая дома баграми. Не обходилось без жертв. В Новгороде, например, при пожаре 1508 года погибло 3 тысячи человек. «Красный петух» гулял по России.

Петр I в 1718 году издал именной указ о строении домов в Санкт-Петербурге, чтобы «печи делали с фундаментом, а не на полах, потолки были глиной обмазаны и побелены, кровли чтобы черепицею покрыты, а не досками или дранью».

Чем не свод противопожарных правил? По указу же Петра в 1722 году дома в Санкт-Петербурге были разделаны на «десятки», назначены старосты, распределено, кому из обывателей с каким инвентарем следует быть на пожаре.

Только в 1818 году был издан указ об «устройстве полиции в губернских городах и в особенности пожарной части». Пожарные команды созданы в 1857 году в 341 городе России из 437.

В Екатеринбургe пожарная охрана состояла в 1915 году из двух команд, имеющих 9 ручных насосов да 8 лошадей, а в первые годы Советской власти пожарные подразделения имели уже 10 автомашин, 56 насосов, 152 конных хода. Об этом и многом другом можно узнать в зале истории пожарного дела. Всего же на выставке четыре зала. Многие макеты, кстати сказать, действующие, выполнены группой художников, которыми руководит Гений Степанович Григорьев (он — на фотоснимке).

— Над диорамой мы работали четыре года, — рассказывает Григорьев, — много пришлось сделать эскизов старых екатеринбургских домов, фонарей, чугунных решеток, кирпичной кладки. Известно, какие дома существовали в городе в начале XIX века, но трудно было в точности восстановить те, которые пострадали от пожара. Мы не старались строго придерживаться плана застройки города. Главное — показать масштаб пожара. Мы созна-

тельно увеличили количество домов в кварталах. Их 380. Добавили макеты мостов, заборов, фонарей. Диорама озвучена.

Л. СЕРГЕЕВА

Фото Е. Бирюкова

Камнерезы из Киргизии

Техническое училище № 4 в городе Фрунзе начало подготовку мастеров по художественной обработке камня. Первые двадцать юных камнерезов уже закончили учебу, которая по продолжительности не так и мала — четыре года. Практику фрунзенские ребята проходили на Урале — в селе Красный Ясыл.

В Киргизии много поделочного камня: белый, розовый и черный мраморы, оникс, селенит и другие. Камнерезное дело имеет большие перспективы. Выпускники фрунзенского училища будут работать прежде всего в мастерских объединения народных художественных промыслов «Кыял».

В. САРГИН

Находка под водой

Туранская писаница, открытая в конце прошлого века, но затем считавшаяся утраченной, найдена вновь!

Аквалангисты Томского университета разыскали-таки ее в глубинах Красноярского водохранилища. А ведь перед заполнением его специальный поиск велся, но он оказался безрезультатным.

Аквалангисты руководствовались данными археологов из Кемеровского университета, которые еще и еще раз изучили картографические материалы, опросили местных жителей. В уточненном районе поисков пришлось нырять на 18-метровую глубину. Мешала плохая видимость. Лишь на седьмой день ныряний Игорь Степанов, командир отряда аквалангистов, увидел на плитах подводной части горы Туран первые рисунки древних...

Фотографии наскальных картин, сделанных тысячи лет назад, помогут в разгадке тайн древней истории Сибири.

Г. ПЕТРОВ

Река изменила течение

В Румынии завершено строительство канала, который в семь раз сократил путь к морю. Речь идет о «канале столетия», как уже называют этот искусственный рукав дельты Дуная. Он соединил Чернаводу на Дунае с Констанцей на Черном море. Хотя его длина всего 64 километра, он сократил путь к морю на 444 километра.

Потребовалось 134 года, пока был реализован этот проект инженера Ионеску де ла Брада. Лишь после второй мировой войны были вынуты первые кубометры земли в русле реки Каракас. Но основные работы начались в 1975 году. Теперь река изменила свое течение — пошла по каналу, который имеет ширину от 70 до 90 метров, а глубину 7—8 метров. На его концах — у Чернаводы и Констанцы — сооружены шлюзы длиной 300 метров и шириной 25 метров. Чтобы построить искусственный рукав Дуная, пришлось вынуть 300 миллионов кубометров грунта и скальных пород. Уложено 4 миллиона кубометров бетона. 11 миллионов тонн металла пошло на сооружение мостов.

Ф. ГЕОРГИЕВ

Дельфины: мифы и реальность

Есть красивая легенда о чудесном спасении Ариона, певца и музыканта с острова Лесбос. Похищенный пиратами во время морских странствий, он пытался бежать, бросившись в волны моря. И, конечно утонул бы, обессилив, если бы не дельфины, которые несли его на своих спинах до спасительного берега...

Существует также легенда о юном Меликрите, сыне беотского царя Атамаса; мальчика спасли дельфины...

Эти морские млекопитающие были известны людям еще в глубокой древности. В изобразительном искусстве древних дельфин олицетворял море как существо сильное, прекрасное и доброжелательное к человеку. Люди античного мира верили, что дельфины, выскакивая из воды, предупреждают мореплавателей о надвигающейся буре.

Но вот история, случившаяся совсем недавно. Голландец Квентин Фикке летел на своем вертолете над Яванским морем. Внезапно забарахлил мотор. Машина совершила вынужденную посадку на поверхность воды и затонула. Голландец очутился совершенно один среди пустынных волн в легкой резиновой лодке. Восемь дней и девять ночей носило его по морю. Когда кончилась вода и небольшой запас продовольствия, человек потерял надежду на спасение. Именно тогда на поверхности появилась стая дельфинов. Животные окружили лодку и начали подталкивать ее носами. Они покинули Квентина, лишь когда лодка достигла берега одного из островов.

Необычное приключение выпало на долю 36-летнего египетского инженера Абу Гиндали. Он катался на моторной лодке по Суэцкому каналу. По невыясненным причинам лодка начала тонуть. Египтянин оказался в воде. Внезапно он увидел приближающийся бурн: к нему плыла акула! Но в ту же минуту из воды выпрыгнул крупный дельфин и спугнул хищницу. Тем не менее акула кружила поблизости, выжидая. Но дельфин не покинул своего подопечного. Спустя двадцать минут Абу Гиндали, физически и нервно истощенный, почувствовал, что начинает тонуть. Дельфин, еще раз отпугнув акулу, осторожно приблизился к Гиндали, чтобы тот мог ухватиться за его плавник, и поплыл, неся человека над поверхностью воды. Это продолжалось до тех пор, пока человек и животное не были замечены с рыбацкого катера. Когда инженера подняли на палубу, дельфин несколько раз проплыл вокруг судна, как бы выражая радость. Затем он подпрыгнул и исчез в глубине. Было это в мае 1966 года.

Известны случаи спасения дельфинами потерпевших кораблекрушение людей у берегов Японии, например, в 1962 году дельфины «огбуксирировали» к берегу трех рыбаков.

Откуда у дельфинов такая доброжелательность к человеку, стремление помочь ему?

Ученые утверждают, что помощь другим, более слабым существам является у этих больших, достигающих девяти метров в длину животных природным инстинктом. Дельфины относятся к тем животным, которые, живя в воде, должны время от времени подниматься на поверхность, чтобы вдохнуть легкими воздух. Они млекопитающие, как и киты. Новорожденный дельфин (самка приносит в год одного-двух детенышей) погибнет, если при родах самке не будут помогать другие дельфины. Швейцарский дельфинолог Ж. Пиллери неоднократно наблюдал в Средиземном море как к рожающей самке подплывало целое стадо сородичей и выносило только что появившегося детеныша на поверхность воды, чтобы он мог сделать первый вдох. Дельфины толпились около малыша и его матери, каждый из них стремился принять участие в этой «спасательной операции». Возможно, именно поэтому они считают тонущего человека таким же беззащитным и нуждающимся в помощи существом.

«Общественный» инстинкт проявляется у дельфинов и тогда, когда кто-то из них ранен или болен и не в силах всплыть на поверхность. И такого животного окружает и поддерживает группа товарищей. Они удерживают около большого круглосуточное «дежурство». Когда одному нужно отлучиться, его заменяет другой, выполняя те же обязанности «сиделки». Такие «дежурства» могут длиться несколько недель, пока «пациент» не выздоровеет.

Существует мнение, что эти необычайно умные животные понимают, что такое смерть — их собственная, другого представителя их вида или вообще живого существа. Может, именно потому они спасают людей и становятся их друзьями?

Но приязнь дельфинов и людей не всегда взаимна. Кое-где на дельфинов даже охотятся. Их ловят живыми, чтобы поместить в зоопарки или в аквариум, и даже жестоко убивают. В одном только 1978 году японцы убили 7000 дельфинов. Заплывающих на мелководье животных они закалывают длинными острыми копьями. Крупный дельфин мог бы защитить себя, но не было еще случая, чтобы даже под угрозой неминуемой смерти дельфин атаковал человека.

Г. ФРОЛОВ

Подарил музею дом

Резчик по дереву свердловчанин Анатолий Александрович Первушин срубил дом, который стоит на столешнице. Так в виде модели восстал из небытия двухэтажный старинный екатеринбургский дом, неосмотрительно снесенный еще в 1934 году...

Мастер строил миниатюрный дом (кстати, не забыв смастерить для него и мебель) в основном по неотчетливой фотографии и летучему рисунку, сделанному в начале тридцатых годов учительницей рисования одной из свердловских школ М. Тихачек и, кстати, публиковавшейся на страницах нашего журнала. Бревенчатый терем на тихой тогда улице Радищева привлек внимание художницы не только почтенной старостью, но, надо думать, и интересной конструкцией. В доме, вероятно, размещалась мастерская (хозяин по фамилии Шамшурин был ремесленник, маляр), была также кладовая на втором этаже со стороны фронтона и над входными дверями — балконы. В семье маляра жила легенда (ее рассказывала художнице внучка Шамшурина, слышавшая все это от матери, прожившей более ста лет): дом сей — почти ровесник

города. Однако документальных подтверждений этого рассказа до сих пор не найдено.

А недавно свердловский краевед Е. Девиков, занимающийся историей древодела на Урале, обнаружил в архиве прошение Шамшурина о выделении ему места для строительства дома подле Хлебной площади (ныне дендропарк), «взамен сгоревшего» на берегу Исети. И было это в 1818 году.

Так или иначе, но деревянных дел мастер Анатолий Александрович Первушин воссоздал для потомков один из самых старинных бревенчатых домов Свердловска. Умелец подарил свое творение музею редакции «Уральского следопыта», которая недавно разместилась в отдельном здании, стоящем, к слову сказать, неподалеку от того места, где был приметный дом Шамшуриных.

Ю. АЛАН

Фото А. Лаптева

На горах Уральских — едем!

Уральские горы существуют двести миллионов лет. За это время они переместились с востока на запад на несколько сотен километров. Ежегодно Урал приближается к Западной Европе на три-пять сантиметров.

В Башкирском филиале Академии наук СССР организован новый полигон, сотрудники которого с помощью лазеров и бурового оборудования будут изучать горизонтальное движение земной коры сегодня и в будущем. Им помогут в этом исследователи Института геофизики Уральского научного центра. Отныне мы сможем знать совершенно точно, на какое расстояние «подъехали» еще в той или иной отрезок времени.

А. ВЛАДИМИРОВ

ПАМЯТЬ О СЕМЕЙНОМ ОЧАГЕ

Все меньше в городах домов с печным отоплением. Кое-какие металлические детали старинных очагов — колосники, задвижки, заслонки, теперь не нужные, появляются в дачных домиках...

Печные дверцы становятся и предметом коллекционирования. На Урале их делали искусные мастера (об этом говорят клейма), рисунок разрабатывался опытной рукой.

Каких только сюжетов не встречается на дверцах! Вот бытовая сценка прошлого: крестьянский мальчик в лаптях катит на санках девочку, спрятавшую от мороза руки в муфту. Дверца оплетена орнаментом. Даже ручка украшена. Другая дверца исполнена в мавританском стиле (кстати, о ней она в Каслях, известным мастером Торокиным). Изображен фасад дворца, в нишах которого стоят фигуры воинов. В разных вариантах на печных дверцах — классическая ваза с букетом длинностебельных цветов, напоминающих змей.

Открывая в последний раз дверцу старой печи, приглядитесь к ней: нет ли за многими слоями побелки и покраски великолепного орнамента? Если угадывается красота — сохраните ее. Дверцу очага своего старого дома можно взять на память и при переезде в новый большой дом, в современную квартиру. Внукам на память!

Ю. ЛИПАТНИКОВ

*На 4-й стр. обложки
фото А. Лаптева*

Адрес редакции:
620219, Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 22в

Телефоны отделов:
51-55-56 (писем, публицистики)
51-22-40 (секретариат)
51-09-71 (прозы и поэзии)
51-53-20 (науки и техники,
следопытской жизни)
51-09-69 (краеведения)

В НОМЕРЕ:

2/ В. Тулин, Ф. Архипов, В. Николаев, А. Кердан, В. Суворов ОПЯТЬ В ДУШЕ ОТОЗВАЛИСЬ... Стихи 3/ В. Васильев СВОЕ СЛОВО 4/ М. Одинцов ПРЕОДОЛЕНИЕ Окончание. 29/ ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЬ 30/ СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ 32/ В. Бугров ПЕРЕЧИТАТЬ «АЭЛИТУ»... 33/ В. Худяков СТИМУЛ 38/ В. Жариков ПОСАДИТЬ САД 41/ Д. Надеждин ЛОГОВО САТАНЫ 44/ НФ калейдоскоп ФУТБОЛ И ИНОПЛАНЕТЯНЕ 45/ Д. Лившиц ПОПУРРИ НА ВОЕННУЮ ТЕМУ 53/ А. Мосин ДВА ЖЕЛАНИЯ ПАВЛА ДЕМИДОВА	55/ В. Пашин ГРИГОРИЙ ТИТОВ ИЗ ВЕШЕНСКОЙ... 55/ А. Прусс УЧРЕДИТЬ ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР... 56/ В. Прокопенко «СЛУШАЙ, ДОЧА...» 58/ И. Алебастров ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВЕРЕЩАГИНА 67/ В. Шумов ЧЕТВЕРОНОГИЕ ГЕРОИ 68/ Ю. Галай ПРОФЕССОР КУЛИБИН 69/ Т. Дьячков ИВАН ЕФИМОВ ИЗ РОДА ДЕМИДОВЫХ 69/ В. Чикин БОЯРИН ФЛОТА РОССИЙСКОГО 70/ Л. Бруцкая НОВОСЕЛЕБНЫЕ КНИГИ КУНГУРА 72/ РОДОСЛОВНАЯ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» 74/ Л. Богоявленский БОГАТЫРИ 76/ МИР НА ЛАДОНИ

Сдано в набор 28.12.84. НС 11110.
Подписано к печати 19.02.85.
Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать.
Усл. печатных листов 8,82
Усл. кр.-отт. 11,34.
Учетно-издательских листов 10,5.
Тираж 307 000. Заказ 524.
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

РАССКАЗ МЛАДШЕГО СЕРЖАНТА

Виктор АСТАШЕВИЧ

Многие считают, что в армии только военному делу учат. Ну, так я скажу, что они ошибаются. Всему нас учат! Чему, к примеру, не научили мама с папой или даже Николай Фатенч (был у нас в школе такой преподаватель: и по труду, и по физкультуре, и по военному делу).

Научат здесь и картошечку чистить (не только кушать), и сапоги себе по ноге подбирать, и полы мыть, и даже с теплой постельки мгновенно вставать (и не только утром!).

А вставать утречком — это, кстати, первое, на чем проверяются те, кто служить только начинают.

Скажу сразу, не хвастая, что в нашем полку любой «старик» (не говоря уж о сержантском составе) за 30 секунд встанет!.. Ну, а совсем «зеленым», которые только-только сменили джинсики на галифе, тем для начала даем минуту сроку. Только, доложу я вам, тоже без тренировочки не выходит.

Вот и тренируем!..

...У меня отделение не плохое. Ребята, конечно, «сырые», но злых симулянтов нет. Вот они, мои «маленькие», спать укладываются. А все мысли, все заботы у них — о подъеме. Каждый вновь и вновь прокручивает в уме последовательность утреннего одевания: какой рукой хватать гимнастерку, какой — сапоги... Еще раз припоминает, с какой стороны его сапоги... Наконец, засыпает, я бы сказал, в состоянии согнутой стальной линейки...

Часы, минуты тянутся, сгибая эту невидимую пружину... И вот, когда концы ее сходятся вместе, звучит команда: «Подъем!». Пружина распрямляется с характерным взвизгом. Звук повторяется многократной перекличкой. Верхние стараются избежать столкновения с нижними, нижние стараются вдвойне... И, куда денешься, первые прыгивают на головы вторым!...

5 секунд.

Закиров уже надел галифе. Сосед по койке, Ахметов, не желая отставать, с треском натягивает свои...

15 секунд.

Мелкой дробью стучат пуговицы.

20 секунд.

Гуревич одной рукой застегивает гимнастерку, а другой пытается пристроить на голову свернутый ремень! Считает, вероятно, что это шапка...

30 секунд.

Мальков... Ну, молодец!.. Судорожно втискивает ногу в рукав гимнастерки, а сам шепчет: «Вот не успею!..»

40 секунд.

Борзов тоже хорош: ошалелой рукой шарит по груди, гимнастерку хочет застегнуть... Но пуговиц нет!.. Пуговички-то оказались сзади!..

50 секунд.

Что мой Гуревич?.. Гуревич чуть не плачет: сапоги обул, а галифе натянуть забыл!..

— Становись!!!

Ох, как медленно образуется строй!.. Ну, шевелитесь, шевелитесь, мальчики!..

Встали, наконец.

Так... Борзов у нас носит, кажется, 43-й размер? Стоит, голубчик, в двух правых и один из них 39-го!.. Скорее всего, это сапог соседа, Макарова. Где у нас Макаров?.. Все правильно — в двух левых!.. Затолкал в сапог вместе с ногой половинку простыни, остаток волочится по полу... Не исключено, что в этом же сапоге и обе портянки!

Вот это да!.. Правофланговый, «телевышка» наша, Лозинский, стоит в галифе... Малькова — левофлангового?.. Точно! А где Мальков?.. Не вижу Малькова!.. Что?! Нет в строю?!

...Вот он, красавчик, сидит на коечке, утопает, мягко говоря, в штанах Лозинского. На ногу намотано полотенце! Портянкой же спокойно и аккуратно вытирает пот со лба...

Нет, так не пойдет!.. Тут нужен пример!..

Раздеваюсь, аккуратно складываю обмундирование, затем демонстрирую отделению подъем за 30 секунд.

Скажу не хвастая, в нашем полку любой «старик», то есть кто по второму году служит, может проделывать то же самое.

И Мальков будет проделывать, куда денется!..

Рисунок Г. Письмака

ПАМЯТЬ О СЕМЕЙНОМ ОЧАГЕ

Читайте стр. 79. Фото А. Лангева

